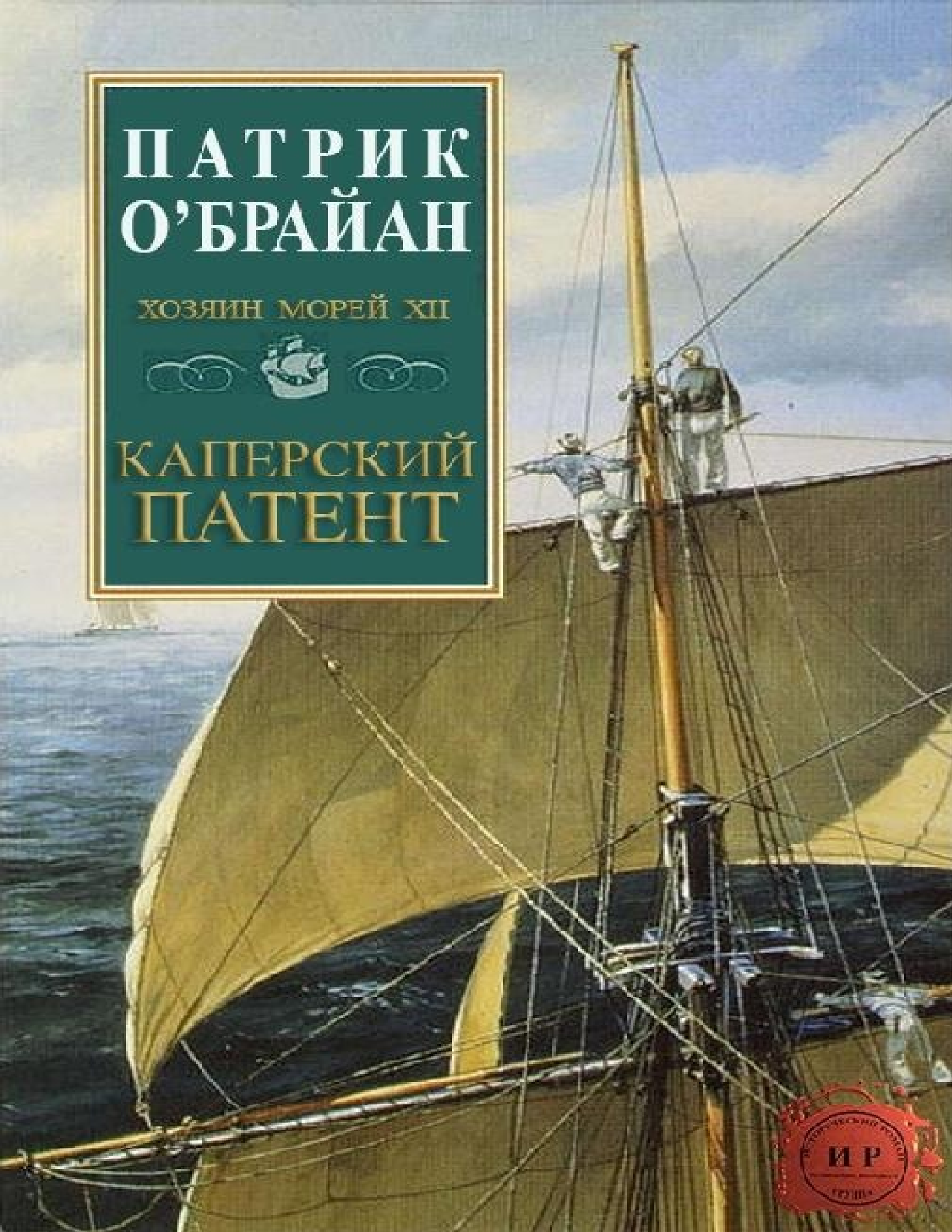

ПАТРИК О'БРАЙАН

ХОЗЯИН МОРЕЙ XII

КАПЕРСКИЙ ПАТЕНТ

Annotation

Капитан Обри по решению суда уволен со службы и вычеркнут из списков пост-капитанов. Стивен, предвидя такой поворот событий, покупает списанный "Сюрприз" и предлагает Джеку командование, одновременно ища способы вернуть его на службу. Джек, теперь уже приватир, набирает команду и начинает ее тренировать. Впереди опасное задание, которое может принести славу и реабилитировать капитана. Мэтьюрин разыскал Диану и поплывет к ней, чтобы все объяснить. Одна из лучших книг в серии.

- [Реквизиты переводчика](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

Реквизиты переводчика

Переведено группой «Исторический роман» в 2017 году.

Книги, фильмы и сериалы.

Домашняя страница группы В

Контакте: http://vk.com/translators_historicalnovel

Над переводом работали: acefalcon, Oigene, Blangr, nvs1408 и gojungle .

Редакция: gojungle, Oigene, acefalcon и Виктор Федин .

Иллюстрации: Анна Бужинская

Поддержите нас: подписывайтесь на нашу группу В Контакте!

Яндекс Деньги

410011291967296

WebMoney

рубли – R142755149665

доллары – Z309821822002

евро – E103339877377

PayPal, VISA, MASTERCARD и др.:

https://vk.com/translators_historicalnovel?w=app5727453_-76316199

Глава первая

С тех пор как Джека Обри отстранили от службы, а его имя вместе со ставшим теперь бессмысленным старшинством вычеркнули из капитанского списка, ему стало казаться, что теперь он живёт в совершенно изменившемся мире. Всё в нём было так хорошо знакомо — от запахов морской воды и просмолённого такелажа до твёрдой упругости палубы под ногами, но смысл исчез, и Джек стал здесь чужим.

Другим бывшим морским офицерам, разжалованным по приговору трибунала, приходилось еще хуже: двое поднялись на борт даже без походных сундучков. По сравнению с ними Джеку несказанно повезло. Наверное, это могло утешить разум, но сердцу не помогало. Не спасало и то, что он не был виновен в преступлении, за которое его осудили.

Несомненно, с материальной точки зрения он не бедствовал. Его старый красивый фрегат «Сюрприз» продали из флота, и Стивен Мэтьюрин выкупил корабль, чтобы с каперским патентом действовать на коммуникациях врага. Джек Обри принял командование.

«Сюрприз» стоял на одном якоре в Шелмерстоне, захолустном порту с неудобной отмелью и опасным приливным течением. Это место избегали и флотские, и торговые суда, но часто посещали контрабандисты и приватиры. Их быстрые, щеголеватые, хищные корабли во множестве виднелись у причальной стенки.

Развернувшись в процессе машинальной ходьбы по правой стороне квартердека, Джек бросил взгляд на деревню и в очередной раз попытался понять, почему Шелмерстон так похож на пиратские и буканирские поселения в отдаленных частях Вест-Индии и на Мадагаскаре, которые он давным-давно повидал мичманом на этом самом «Сюрпризе».

В Шелмерстоне не найти ни раскачивающихся кокосовых пальм, ни сверкающего кораллового песка, но сходство не пропадало. Возможно, виной тому большие, безвкусные таверны, общая атмосфера раздолбайства и легких денег, множество шлюх и ощущение, что только крайне целеустремленная и хорошо вооруженная вербовочная команда рискнет сюда заглянуть.

Также Джек заметил две лодки, отчалившие в сторону «Сюрприза» и стремящиеся опередить друг друга. Ни в одной, тем не менее, не наблюдалось доктора Мэтьюрина, корабельного хирурга (мало кто знал,

что заодно и судовладельца), обещавшего прибыть сегодня.

Одной из лодок управляла необыкновенно прелестная девушка с темно-рыжими волосами, недавно приехавшая в город и наслаждавшаяся каждой минутой. Она пользовалась огромной популярностью среди экипажей приватиров, и они так героически отвечали на ее пронзительные понукания, что один из гребцов сломал весло.

Хотя Джек Обри и не считался совсем уж бабником, но и обет безбрачия он не давал. С ранней юности он находил живое наслаждение в красоте, а эта решительная девушка, наполовину стоящая в лодке с оживленным от волнения лицом, выглядела до абсурда красивой. Но Обри только отметил этот факт и неподдельно равнодушным голосом приказал Тому Пуллингсу: «Не пускайте эту женщину на борт и выберите только троих самых лучших».

Джек продолжил задумчивую прогулку, пока Пуллингс, боцман, старший канонир и Бонден, старшина капитанской шлюпки, смотрели, чего стоят претенденты. Им предстояло подняться на мачту (время замеряли песочными часами), отдать и убрать брамсель, повернуть и навести орудие, попасть из ружья в подвешенную на ноке фока-рея бутылку и завязать двойной стопорный кноп с колесом перед толпой обстоятельных моряков.

Обычно набирать экипаж для корабля на королевской службе — беспокойное дело. Вербовочная команда делает все возможное, но приходится смиренно молиться о том, что брандвахта не пришлет партию не пойми кого (иногда — явных уголовников), посылать шлюпки в Канал, чтобы те снимали матросов с направляющихся домой купцов или же совершать набеги на прибрежные города. И все это обычно с таким мизерным успехом, что некоторым приходится выходить в море с некомплектom в сотню человек.

В Шелмерстоне же «Сюрприз» укомплектовывался будто в раю. Мало того, что все морские припасы доставили за один прилив усердные и соревнующиеся между собой агенты по снабжению, чьи склады выстроились вдоль причала, но и матросов не нужно было вообще вербовать — ни тебе заманчивых лживых обещаний в месте сбора, ни барабанного боя.

Джека Обри моряки хорошо знали как успешного капитана фрегата. Боевого капитана, невероятно удачливого с точки зрения призовых денег. Настолько удачливого, что его полное прозвище было «Счастличик Джек» Обри. Новость о том, что его любимый фрегат, замечательный ходок в хороших руках, выйдет в море с каперским патентом и под командованием самого Обри, заставила моряков сбиться в кучу, предлагая

свои услуги. Он мог позволить себе привередничать, чего никогда не случалось на флоте в военное время. До полного комплекта сейчас не хватало только трех человек.

Среди рядовых матросов и старшин оказалось немало старых «сюрпризовцев», оказавшихся в отставке после списания фрегата. С тех пор они умудрялись избегать насильственной вербовки, хотя Обри обоснованно подозревал некоторых в дезертирстве с флота, иногда с попустительства близких друзей (например, Хиниджа Дандаса), под чьим началом они служили. И конечно здесь собрались те, кто никогда его не покидал — стюард, старшина шлюпки и некоторые другие.

Кое-какие незнакомые матросы перебрались с купцов, но большинство — контрабандисты и приватиры. Первокласные моряки — крепкие, независимые, не слишком привычные к дисциплине, а тем более к ее показным церемониальным формам (хотя почти все хоть раз, да попадали под вербовку), но все полны энергии и готовы служить под командованием уважаемого капитана.

В этом отношении Джек Обри (с точки зрения моряков-приватиров) внушал гораздо больше уважения, чем мог бы предположить. Он похудел, но все еще оставался необычно высоким и широкоплечим. Его живое, радостное лицо постарело, проступили скулы; вечно в морщинах и мрачное, с оттенком скрытого ожесточения. Любой, кому не чужда грубая морская жизнь, сразу бы сказал — с таким человеком шутить не стоит, выведешь из себя, и ответный удар последует без предупреждения, и к черту последствия. Опасное лицо, потому что терять ему явно нечего.

«Сюрприз» оказался укомплектован, быть может, самым профессиональным экипажем среди кораблей своих размеров. Это могло бы наполнить сердце капитана радостью. И правда, когда Джек задумался над этим фактом, он принес немного совестливого удовольствия и тех крох радости, на которые хватало капитана.

Можно сказать, что Джек Обри запечатал свое сердце, чтобы пережить несчастья и не разбить его. Но в итоге он стал евнухом во всем, что касалось эмоций.

Простое объяснение. Но вот в былые времена капитан Обри, как и его герой Нельсон и многие современники, иногда давал волю слезам. Он плакал от радости на топе мачты своего первого корабля. Слезы иногда смачивали нижнюю часть скрипки, когда он играл особенно трогательные пассажи. Мучили его и жестокие рыдания на похоронах соплавателей, на суше и на море. Но сейчас он не ронял ни слезинки.

С Софией и детьми он расстался в Эшгроу с комком в горле, что

сделало его прощание болезненно суровым и бесчувственным. И если на то пошло, скрипка лежала без дела в чехле из вощенной ткани с тех пор, как он поднялся на борт.

— Вот три лучших матроса, сэр, с вашего позволения, — доложил мистер Пуллингс, снимая шляпу. — Харви, Фишер и Уитакер.

Они отдали честь — три двоюродных брата с похожими длинноносыми, обветренными, знающими лицами. Контрабандисты, отличные моряки — другие бы и не прошли короткий, но чрезвычайно суровый экзамен. Посмотрев на них с умеренным удовлетворением, Обри произнес:

— Харви, Фишер и Уитакер, рад видеть вас на борту. Но вы понимаете, что еще предстоит получить одобрение хирурга?

Он снова взглянул на берег, но лодки хирурга не увидел.

— И вы понимаете условия оплаты, долей в призах, дисциплины и наказаний?

— Понимаем, сэр. Шлюпочный старшина нам их зачитал.

— Отлично. Можете поднять рундуки на борт.

Обри продолжил уверенное хождение взад-вперед, повторяя «Харви, Фишер и Уитакер». Обязанность капитана — знать, как зовут его матросов, и хоть немного их историю. До того с этим не возникало трудностей даже на линейном корабле с шестью-семью сотнями душ на борту.

Конечно же он знал всех своих «сюрпризовцев», соплавателей не только в последнем дальнем походе в Тихий океан, но и много лет до того. А вот новые люди постыдно выпадали из памяти. Даже офицеров приходилось вспоминать с трудом.

Конечно же не Тома Пуллингса — некогда мичмана у Обри, а теперь командера королевского флота на половинном жаловании, с незапятнанной репутацией, но без малейшей надежды на командование. Он, в бессрочном отпуске со службы, принял обязанности первого помощника. Помнил Джек и второго, и третьего помощника — бывших королевских офицеров. С ними он был более-менее знаком и отчетливо помнил, за что их осудил трибунал — Веста за дуэль, а Дэвиджа за несчастливое, запутанное дело о подписанных не глядя отчетах нечестного казначея. Но вот боцмана вспоминал только по ассоциации его имени с массивным телом — Балкли. К счастью, еще ни один плотник или канонир не возражали, когда к ним обращались по должности. Без сомнений, незнакомые старшины со временем запомнятся.

Туда-сюда, туда-сюда, бросая на каждом повороте взгляд на берег, пока водоросли на якорной цепи и поток воды не сообщили, что если скоро

не сняться с якоря, то можно пропустить отлив.

— Мистер Пуллингс, — скомандовал Обри, — давайте переместимся за отмель.

— Так точно, сэр, — отозвался Пуллингс и воскликнул, — мистер Балкли, поднять якорь!

Немедленно последовал быстрый свист боцманской дудки и топот ног — верный знак, что шелмерстонцы хорошо понимают соотношение осадки фрегата и глубин их собственной сложной отмели. Завели проводник. Достали, установили и закрепили вымбовки так проворно, будто занимались этим только штатные «сюрпризовцы». Но когда шпиль начал вращаться и корабль заскользил по гавани к якорю, некоторые матросы затянули шанти:

*Вокруг идем и крутится он,
Хэй-хо, хэй-хо*

Этого никогда не случалось, пока «Сюрприз» принадлежал королевскому военному флоту — пение во время работы там не поощряли. Пуллингс бросил взгляд на Джека, но тот покачал головой и тихо сказал:

— Пусть поют.

До сих пор между сюрпризовцами и новыми членами команды не возникало неприязни, и капитан был готов почти на всё, лишь бы предотвратить её появление. Они с Пуллингсом уже постарались изо всех сил, смешав людей в орудийных расчетах и вахтах, но Джек понимал, причиной этих необычайно мирных отношений между двумя столь несхожими группами являлась необычная ситуация — все были очень встревожены. Особенно потрясёнными казались сюрпризовцы, не знавшие, что думать и как действовать. И если отношения в команде останутся мирными после трёх-четырёхдневного шквала и беспорядочных коротких волн Пролива или, ещё лучше — пока успешный бой не объединит команду в единое целое — тогда у «Сюрприза» есть верная надежда стать счастливым кораблем.

— Панер, сэр, — крикнул Вест с бака.

— Марсовые, — окликнул Джек, подняв голос, — меня слышно?

Только шляпная болванка не услышала бы — слово «слышно» эхом отразилось от фасадов домов в глубине бухты.

— Все наверх!

Фок-ванты потемнели от спешащих матросов.

— Отдать паруса!

Распустили марсель, вахта левого борта завела его на место и без команды помчалась к фалам. Рей плавно поднялся, фор-марсель

наполнился ветром. «Сюрприз» набрал достаточно хода, чтобы отделить якорь от грунта, и по аккуратной дуге неторопливо направился к отмели, уже неприятно выделявшейся цветом в серо-зеленом море, и с белой пеной по кромке.

— По самой середине фарватера, Гиллоу, — приказал Джек рулевому.

— Самая середина, так точно, сэр, — отозвался шелмерстонец Гиллоу, оглядываясь налево и направо и поправляя курс где-то на спицу штурвального колеса.

В открытом море «Сюрприз» снова сложил крылья, спустил с катбалки якорь, вытравил якорный канат на достаточную длину и стал легко покачиваться на волнах. Простая операция, Джек видел ее тысячи раз, но провели ее крайне аккуратно, без малейших задержек или оплошностей, что радовало.

Очень кстати, потому что уже довольно долго в нем росло негодование на опоздание Мэтьюрина. Великое несчастье Джек мог если и не принять, то хотя бы вынести без ругани и жалоб, но мелочи раздражали его как всегда, и даже больше. Обри написал для Стивена короткую записку, назначая встречу через две недели.

— Мистер Дэвидж, я спущусь вниз. Если заметите на мысу адмирала, немедленно дайте мне знать.

Живший в Аллакомбе, во второй бухте к югу, адмирал Рассел передал послание, что, если погода позволит, с радостью навестит Обри после обеда, и надеется, что мистер Обри проведет с ним вечер в Аллакомбе. Он также передавал наилучшие пожелания доктору Мэтьюрину и, случись ему оказаться на борту, рад бы был видеть и его.

— Немедленно, сэр, — повторил Дэвидж, а потом, колеблясь, уточнил: — Но как мы должны его принимать, сэр?

— Как на любом другом частном корабле. Фалрепы, конечно, и всё.

Джека пугала «встреча по-флотски». Ему никогда не нравилось тщательное подражание флотским традициям в Ост-Индской компании, в некоторых других корпорациях и на крупных, амбициозных приватирах. Да и одет он был в бобриковый бушлат и твидовые брюки.

С другой стороны, Джек считал, что «Сюрприз», пусть и без вымпела, галунов, морской пехоты и некоторых других вещей, все еще должен вести себя как военный корабль. С его точки зрения - это вполне совместимо.

Он бы зуб отдал, лишь бы избежать встречи с Расселом. Но Обри служил под командованием адмирала еще мичманом, очень его уважал и был глубоко благодарен — именно благодаря влиянию Рассела Джек в свое время получил лейтенантский патент.

Проклятое приглашение отличалось такими мягкими формулировками и добрыми намерениями, что отказаться не позволяла вежливость. Джек искренне желал, чтобы Стивен помог ему этим вечером. Сейчас ему неоткуда было черпать симпатию для небольших визитов вежливости. Он страшился присутствия других гостей, особенно флотских — сочувствия от всех, кроме самых близких друзей, презрительной вежливости недоброжелателей.

В кормовой каюте он позвал:

— Киллик, Киллик, ко мне.

— Че опять? — раздраженно взвизгнул Киллик откуда-то со стороны подвесной койки Джека, добавив для проформы: — Сэр.

— Вытащи на свет мой бутылочно-зеленый сюртук и приличные бриджи.

— А у меня тут не они разве? И вы это лишь через десять минут получите, пуговицы надо перешить.

Ни Киллик, ни Бонден ни разу даже виду не подали, что их волнует суд над капитаном Обри и приговор. В них присутствовала та деликатность чувств в важных вопросах, которую Джек за долгие годы опыта и тесного контакта привык ожидать от нижней палубы. Они не выражали явного сочувствия помимо обычного бдительного присутствия. А Киллик, чтобы показать свое безразличие, стал едва ли не ворчливее, чем раньше.

Слышно было, как он бормочет в спальной каюте: «Богом проклятая тупая иголка... если бы мне давали шиллинг за каждую плохо пришитую этой толстожопой шлюхой в Эшгроу пуговицу, я был бы богачом... кто ж так не по-морски иглы делает... нитки не того оттенка зеленого».

Уже довольно долго в нем росло недовольство на опоздание Мэтьюрина.

Джека Обри, однако, вовремя одели в свежавычищенную и свежавыглаженную одежду, и он продолжил привычное одинокое хождение по квартердеку, посматривая то на берег, то на мыс к югу.

С тех пор как Стивен Мэтьюрин разбогател, его периодически беспокоили приступы скаредности. Большую часть жизни он прожил

бедно, а иногда и крайне бедно, но пока нищета не мешала ему удовлетворять очень скромные потребности, про деньги он не задумывался. Теперь же он получил наследство от крестного отца (близкого друга его родного отца, троюродного брата матери и последнего в состоятельном роду). Маленькие, тяжелые, обитые железом сундуки с золотом дона Рамона так забили сейфовую комнату его банкира, что едва можно было закрыть дверь. И с тех пор Стивен стал беспокоиться о пенсах и шиллингах.

Сейчас он шел по пустынной, слегка холмистой равнине, спеша по короткому дерну в направлении только что взошедшего солнца. Сверкающие самцы каменок в своем лучшем оперении летали по сторонам, и конечно же бесчисленные жаворонки над головой — потрясающий день.

Из Лондона он добрался рейсовым экипажем, выйдя в Клотуорти с расчетом пройти полями в Полтон-Эпископи, где его будет ждать друг, преподобный Натаниэль Мартин. Потом они на тележке почтальона могут доехать в Шелмерстон, откуда «Сюрприз» должен выйти с вечерним отливом. По расчетам Стивена, это сэкономило бы добрых одиннадцать шиллингов и четыре пенса.

Расчет оказался неверным. Хотя Мэтьюрин обладал неплохими способностями в некоторых сферах — медицине, хирургии, энтомологии, например, но арифметика в их число не входила. Без ангела-хранителя со счетами доктор не мог даже умножить на двенадцать. Ошибка, впрочем, мало что значила — речь шла не об осознанной жадности, а об успокоении совести. Доктор считал богатство непристойным, и эту непристойность можно слегка смягчить подобными поступками и неизменно скромным образом жизни.

Но лишь слегка, как он открыто признавался сам себе. Скупость проявлялась приступами, в остальное время он едва ли поступал столь же последовательно. Недавно, например, Стивен позволил себе пару невероятно мягких высоких ботинок от известного мастера с Сент-Джеймс-стрит и греховную роскошь кашемировых чулок.

Обычно он носил тяжелые туфли с квадратными носами, дополнительно утяжеленные свинцовыми подметками, из того соображения, что без свинца походка окажется слишком легкой. И взаправду, первые три мили Стивен просто несея по траве, наслаждаясь легкостью движений и наполнившим воздух запахом весенней зелени.

Где-то в фарлонге [\[1\]](#) впереди показался человек, странно вытянутый и темный на этом бледном плоском пейзаже, заполненном только отдаленными бесформенными отарами овец и высокими белыми облаками,

плавно несущимися с вест-зюйд-веста. Он тоже шел по широкой дороге со следами проходивших здесь отар и колеями пастушьих жилых повозок, но шел он гораздо медленнее, да к тому же периодически останавливался, неистово жестикулируя, а иногда подпрыгивал или отскакивал в сторону.

Когда Мэтьюрин сблизился на расстояние слышимости, то заметил — мужчина говорил, то серьезно, то крайне страстно, а иногда пронзительным тоном элегантной дамы. Человек среднего класса, если судить по синим бриджам и бордовому сюртуку, и довольно образованный — один раз он воскликнул «Пусть эти лживые псы утонут в собственном навозе!» на быстром, решительном греческом. Очевидно, он считал себя одиноким в это зеленое утро, и может сгореть от стыда, когда его обгонит человек, последние полчаса выслушивавший все эти возгласы.

Исправить ситуацию не удалось бы — остановки становились все более частыми. Если Синие Бриджи не свернет с дороги, то Стивену придется или догнать его, или ужасно медленно тащиться за ним, рискуя опоздать.

Мэтьюрин попытался кашлять и даже грубо что-то напевал, но ничто не действовало. Пришлось бы прокрасться мимо со всем доступным самообладанием, если бы Синие Бриджи не остановился, не развернулся и не уставился на доктора:

— Вы принесли мне письмо? — спросил он, когда до Стивена оставалось меньше сотни ярдов.

— Не принес.

— Прошу прощения, сэр, — извинился мужчина, когда Стивен приблизился, — но я ждал сообщения из Лондона и объяснил дома, что навещу свою лощину, и я подумал... но сэр, — он покраснел от смущения, — боюсь, я представлял жалкое зрелище, декламируя на ходу.

— Вовсе нет, — заверил Стивен, — Я знал многих парламентариев, многих юристов, которые обращались в пустоту и даже не задумывались об этом. Разве Демосфен не обращался к волнам? Для многих человеческих занятий это естественно.

— Дело в том, что я писатель, — поделился Синие Бриджи, когда они немного прошли вперед.

На вежливый вопрос Стивена он рассказал, что работает в основном над историями о былых временах и в готическом стиле.

— Но что до количества книг, о котором вы так вежливо спросили, — добавил он горестно, — боюсь, их так мало, что стыдно упоминать. Сомневаюсь, что опубликовал хотя бы десяток. Я, заметьте, придумал, проработал и полностью сочинил раз в десять больше, на этой самой

лужайке, кстати. Отличные истории, славные истории, от которых я (хоть и пристрастный судья) смеялся от удовольствия. Но поймите, сэр, у каждого своя манера письма. Я свои произведения проговариваю на ходу. Движение разгоняет желчь и стимулирует поток идей. Но в этом таится опасность. Если я слишком сильно стимулирую мысли, если мое творение закончено к полному удовлетворению, как сейчас глава, в которой Софонсиба заключает Родериго в «железную деву» по обвинению в распутстве и начинает закручивать винт, если оно закончено, то мой разум, мое воображение отказывается иметь дело с текстом. Не могу даже записать его, а если и заставляю себя, то на бумаге оказывается лишь равнодушное собрание неправдоподобных идей.

Единственный способ преуспеть — достичь неполного успеха, *coitus interruptus* ^[2] с моей музой, простите за такое выражение, а потом мчаться домой к перу и бумаге, чтобы завершить работу.

Но я не могу добиться, чтобы мой издатель это понял. Повторяю ему: работа разума отличается от ручного труда. Объясняю, что во втором случае усердие и старание вырубят лес и вычерпают океан, но в первом... А он пишет, что пресс простаивает и ему нужны обещанные двадцать листов с обратной почтой.

Синие Бриджи повторил свою греческую ремарку и добавил:

— Но здесь, сэр, наши пути разойдутся, если мне не удастся, возможно, убедить вас посмотреть мою лощину.

— Может, это друидская лощина? — улыбнулся Стивен, покачав головой.

— Друидская? О нет, вовсе нет. Хотя из друидов кое-что извлечь можно: «Проклятие друидов» или «Призрак хенджа» ^[3]. Нет, в моей лощине я просто сижу и наблюдаю за дрофами.

— За дрофами, сэр? — воскликнул Стивен, шаря бледными глазами по лицу собеседника. — Вы имеете в виду *Otis tarda*?

— Их самых.

— Ни одной не видел в Англии.

— Они и вправду стали очень редкими. Во времена моего детства они бродили стайками, очень похожие на овец. Дрофы все еще существуют, эти создания следуют своим привычкам, и я наблюдаю за ними, как делали мой отец и дед. Из моей лощины вполне могу показать вам самку на гнезде, и есть вполне разумный шанс увидеть двух-трех самцов.

— Это далеко?

— Не более часа, если сойдем с дороги, и я, в конце концов, закончил

главу.

Стивен взглянул на часы. Мартин, признанный авторитет по кроншнепам, простит опоздание по такому поводу. Но у Джека Обри чисто флотское уважение ко времени, он до абсурда требователен к пунктуальности вплоть до минуты. Мысль о том, что придется встретить Джека Обри, все семь футов едва сдерживаемого гнева из-за того, что его заставили ждать два часа — сто двадцать минут! — поколебала Стивена, но ненадолго. «Найму экипаж в Полтон-Эпископи, — заверил он себя, — запряженный четверкой, и так нагоню время».

«Маркиза Грэнби», единственный трактир в Полтоне, могла похвастаться скамейкой вдоль наружной стены под полуденным солнцем. На ней, обрамленный плетистой розой с одной стороны и жимолостью с другой, дремал Натаниэль Мартин.

Ласточки, чьи недостроенные гнезда приобретали потихоньку форму под карнизом сверху, иногда роняли на него мелкие комья грязи. Мартин пробыл здесь так долго, что его левое плечо оказалось щедро заляпано. Он замечал легкие удары, звук крыльев и беспорядочные, спешные крики ласточек, равно как и отдаленное бассо континуо коров с поля позади пруда «Маркизы», но до конца не проснулся, пока не услышал оклик:

— Эй, сослуживец!

— Дорогой Мэтьюрин, — воскликнул Мартин. — как я рад вас видеть! Но надеюсь, ничего не случилось?

Лицо Мэтьюрина, обычно нездорово желтое, теперь неестественно пунцовело, а также покрылось пылью, в которой пот, стекая вниз, проделал отчетливые дорожки.

— Ни за что, мой друг. Я очень озабочен, очень расстроен тем, что вам пришлось ждать, прошу простить меня, — Стивен присел, тяжело дыша. — Но могу ли я рассказать, что меня задержало?

— Прошу, — ответил Мартин и, повернувшись к окну, попросил: — Хозяин, эля джентльмену, пожалуйста, пинту самого холодного эля, какого сможете набрать.

— Вы мне вряд ли поверите, но сквозь высокую траву на краю лощины (а мы сидели в лощине, выглядывая вверх), я видел дрофу на гнезде меньше чем в сотне ярдов. С помощью подзорной трубы одного джентльмена я разглядел ее глаз, он яркий желто-коричневый. А через некоторое время она поднялась, присоединилась к двум огромным самцам и годовалой птице и скрылась за склоном. Так что мы смогли подойти и посмотреть на гнездо без страха. Мартин, я отчетливо слышал, как птенцы в этих прекрасных огромных яйцах пищали, будто далекая боцманская

дудка, клянусь честью.

Мартин стиснул ладони, но прежде чем он мог пробормотать что-то кроме невнятного возгласа восхищения и удивления, принесли эль, и Стивен продолжил:

— Хозяин, пожалуйста, распорядитесь насчет наемного экипажа, дабы отвезти нас в Шелмерстон, как только я допью этот славный эль. Подозреваю, что почтальон уже давно уехал.

— Благослови вас Господь, сэр, — ответил трактирщик, смеясь над такой простотой, — в Полтоне нет фаэтона, да никогда и не было, Боже ты мой. А Джо-почтальон уже у Уэйкли.

— Ну, тогда пару лошадей, возчика с двуколкой, да хоть повозку.

— Сэр, вы забываете, что в Плашетте ярмарка. Ни двуколки, ни повозки в деревне не найдешь. Сомневаюсь и насчет лошадей. Хотя мул Уэйтса двоих унесет, но коновал напоил его чем-то прошлой ночью. Спрошу жену, Энтони Уэйтс ей кем-то вроде двоюродного брата приходится.

Последовала пауза, во время которой женский голос с лестницы поинтересовался, зачем кому-то ехать в Шелмерстон. Трактирщик вернулся с удовлетворенным видом человека, чьи страхи оправдались:

— Нет, джентльмены. Никаких шансов на лошадь, а у Уэйтса мул издох.

Некоторое время друзья шли в тишине, потом Стивен произнес:

— Все равно, дело всего лишь в нескольких часах.

— Еще и в отливе, — заметил Мартин.

— Господи, Господи, об этом я позабыл. А моряки так волнуются насчет отлива.

Четверть мили спустя Стивен продолжил:

— Боюсь, мои последние послания сообщили вам далеко не всю необходимую информацию.

В высшей степени правда. Стивен Мэтьюрин так долго и тесно сотрудничал с разведкой, флотской и политической, а его жизнь так долго зависела от сохранения тайн, что он совершенно не желал доверять что-либо бумаге. Да и в любом случае корреспондентом он был равнодушным. Мартин заверил, что это не так, и Стивен продолжил:

— Если бы имелись хорошие новости для вас, поверьте, я бы их с огромной радостью доставил бы лично. Но вынужден сообщить, что ваш памфлет, мастерски написанный и протестующий против распутства и порки во флоте, сделал практически невозможным ваше назначение на должность корабельного капеллана. К сожалению, это я слышал

непосредственно в Уайтхолле.

— Об этом адмирал Кэйли рассказал моей жене несколько дней назад, — вздохнул Мартин. — Он удивлен моей безрассудной смелостью. Но я думаю, что должен был хоть как-то выразить протест.

— Конечно, храбрый поступок. Но теперь вернемся к мистеру Обри. Вы же следили за судом и приговором, я думаю?

— Следил, и с крайним негодованием. Дважды написал ему, но уничтожил оба письма, боясь побеспокоить и навредить неуместной симпатией. Тяжелейшее искажение правосудия. Мистер Обри не больше способен организовать мошенничество на Бирже, чем я. Даже и меньше — он практически не знает сферу коммерции, не говоря уж о финансах.

— Вы знаете, что его уволили со службы?

— Не может быть! — воскликнул Мартин, окаменев.

Мимо проползала телега, возница уставился на них с открытым ртом и даже повернулся всем корпусом, чтобы потаращиться подольше.

— Его имя вычеркнули из списка пост-капитанов в первую же пятницу.

— Должно быть, это едва его не убило, — отозвался Мартин, глядя в сторону, чтобы скрыть эмоции. — Для мистера Обри служба означала всё. Выгнать такого храброго и честного офицера...

— Радость от жизни это взаправду убило, — подтвердил Стивен, когда они не спеша продолжили путь, — Но он человек великой силы духа, и у него достойная восхищения жена.

— Какую же поддержку оказывает жена мужчине! — воскликнул Мартин, и улыбка пробила сквозь его помрачневшее лицо.

Жена Стивена, Диана, никакой поддержки ему не оказывала, от нее только болело сердце. Боль, иногда тупая, иногда невыносимо острая, не прекращалась никогда. Но доктор сдержанно продолжил:

— Много чего можно сказать о браке. У них есть еще и дети. Но надежда касательно Обри не умерла, в том числе из-за того, что из флота вместе с ним списали и его фрегат. Друзья купили «Сюрприз», он оснащен как частный военный корабль, и капитан Обри им командует.

— Силы небесные, Мэтьюрин. «Сюрприз» — приватир? Конечно я знал, что его списывают из флота, но представления не имел... Всегда предполагал, что приватиры — маленькие, полупиратские суденышки с дурной репутацией. Люгеры или бриги или что-то подобное с десятью-двенадцатью пушками.

— Если честно, то большая часть из тех, кто занимается своими делишками в Ла-Манше, попадает под это описание. Но есть и частные

военные корабли, снаряжаемые для заграничных плаваний и гораздо более серьезные. В девяностые пятидесятипушечный француз посеял хаос в торговле с Востоком. Да и вряд ли вы позабыли тот потрясающий быстроходный корабль, за которым мы гнались день за днем и почти поймали по пути с Барбадоса — у него тридцать два орудия.

— Конечно, конечно, «Спартан». Но он же из Америки, не так ли?

— И что с того?

— У них такая обширная страна, что навевает смутные мысли, будто все там больших масштабов, даже приватиры.

— Послушайте, Мартин, — сказал Стивен, немного помолчав. — Сказать вам кое-что?

— Сделайте одолжение.

— Слово «приватир» неприятно звучит для моряка, и применять его к «Сюрпризу» может показаться оскорбительным. Однако «Сюрприз» — отнюдь не обыкновенный приватир. Команда обычного приватира поднимается на борт, зная: нет добычи — нет денег. Их кормят — и только, а деньги морякам достаются лишь от призов. Это делает их разнузданными и наглыми. Они без малейшего сожаления грабят, обдирая несчастные жертвы. Говорят, что самые жестокие из них бросают за борт несчастных, которые не могут откупиться, а насилие и дурное обращение с пленными для них — обычное дело.

С другой стороны, на «Сюрпризе» всё строится совсем иначе, по военному порядку. Людям платят за работу. Капитан Обри намерен принимать только опытных моряков, на чей добрый нрав можно положиться, а тех, кто не подчинится военно-морской дисциплине — увольнять на берег.

С нынешним экипажем он немедля совершит одно-два коротких плавания — на запад и на север, может, на Балтику. Всех, кто не подойдет, спишут на берег перед главным походом. Имея в виду все это, возможно, стоит дать совет называть «Сюрприз» частным военным кораблем, или же если вам не нравится — капером.

— Благодарен вам за предупреждение и постараюсь никого не оскорбить. Но вряд ли мне представится случай хоть как-то назвать этот корабль. Как далеко не отстоял бы он от обычных... сомнительных кораблей, даже под лучшим командованием частный военный корабль вряд ли нуждается в капеллане. Или я ошибаюсь?

Настойчивое желание услышать, что он ошибается, совершенно очевидно читалось на постном, огорченном лице не имеющего своего прихода Мартина, так что Стивен с большой горечью признал:

— К несчастью, как вы знаете, среди моряков бытует абсурдное суеверное предубеждение — они считают, что священник на борту приносит неудачу. А в предприятии подобного рода удача решает все. Именно поэтому они так стремятся на корабль со «Счастливым» Джеком Обри.

Но я не имел в виду разные пустяки, когда попросил встретиться со мной в Полтоне. Моя цель — узнать, насколько ваши планы, проекты или желания изменились с нашей последней встречи. И не захотите ли вы, чтобы я попросил мистера Обри назначить вас помощником хирурга.

После предварительных плаваний «Сюрприз» направится в Южную Америку. В таком длинном плавании необходимы два медика. Ваши знания медицины уже лучше, чем у большинства помощников хирургов. А я, разумеется, предпочту помощника, который к тому же воспитанный собеседник и натуралист.

Прошу, подумайте над этим. Если вы сможете дать ответ в течении двух недель, к концу первого плавания, то сделаете мне большое одолжение.

— Назначение зависит только от мистера Обри? — спросил Мартин с сияющим лицом.

— Именно так.

— Тогда, может, немного пробежимся? Как вы видите, дорога идет с холма насколько хватает глаз.

— Эй, на палубе, — окликнул впередсмотрящий с топа мачты «Сюрприза», — три корабля... четыре... пять — прямо на правом крамболе.

С палубы их закрывала возвышенность с севера, заканчивающаяся мысом Пенли-Хед, но впередсмотрящему из местных открывался отличный вид. Он добавил:

— Боевые корабли, часть брестской эскадры, надо полагать. Но волноваться нечего. Фрегатов или шлюпов нет, и они готовятся к повороту через фордевинд.

Всё дело в том, что если бы их сопровождали шлюпы или фрегаты, один могли бы отправить посмотреть, кого можно зацапать в порядке принудительной вербовки с судов в Шелмерстоне.

Вскоре отряд показался из-за Пенли: два семидесятичетырехпушечника, потом трехпалубник, скорее всего «Каледония» под флагом вице-адмирала красной эскадры на фоке, потом еще два семидесятичетырехпушечника, причем последний почти наверняка — «Помпей».

Корабли повернули один за другим и удалились в открытое море, под два румба к брамсельному ветру, образуя такую строгую линию, будто ее провели по линейке, каждый корабль в двух кабельтовых от предыдущего. Своей обыденной расточительной красотой они могли растрогать любого моряка, но жестоко ранить человека, изгнанного из их мира. Но рано или поздно это должно произойти, и Джек радовался, что первый удар оказался не таким тяжелым.

У этого конкретного несчастья имелось множество аспектов, и не последний — резкое, практическое, немедленное понимание того, что он — потенциальная жертва собственного флота. Но склонностью анализировать собственные чувства Обри не отличался. Как только эскадра скрылась из виду, он возобновил мучительное хождение вперед-назад, пока на повороте не заметил поднимающийся в гавани парус люгер.

Маленькая фигура размахивала чем-то белым на носу. Одолжив у Дэвиджа подзорную трубу, Джек разглядел, что это Стивен Мэтьюрин. Люгер намеревался пересечь отмель на правом галсе, и Стивена заставили убратся с дороги — посадили на ловушку для омаров посередине. Но он продолжал кричать тонким охрипшим голосом и чем-то махать. Джек, к своему удивлению, заметил, что его сопровождает преподобный Мартин — наверняка собрался нанести визит.

— Бонден, доктор скоро будет с нами, вместе с мистером Мартином. Дай Падину знать, на случай если каюту его господина нужно прибрать, и приготовься поднять их на борт, если можно — не замочив ног.

Оба джентльмена, хотя и давно привычные к морю, отличались какой-то умственной неполноценностью, несчастливым отставанием в развитии, которое мешало им приобретать моряцкие привычки — неисправимые сухопутные крысы. Доктор Мэтьюрин (в особенности) в попытках подняться на борт падал между таким количеством кораблей и лодок, что и не сосчитать.

На этот раз его ждали, и сильные руки подняли его, задыхающегося, на борт. Джек Обри воскликнул:

— Так вот вы где, доктор! Как я рад вас видеть. Дорогой мистер Мартин, — пожимая руку, — снова добро пожаловать на борт. Надеюсь, у вас всё хорошо?

Мартин замерз. Он устал, а сырой морской ветер насквозь продул его тонкую одежду во время плавания. Хотя он и улыбался, и говорил как положено, но зубы у него стучали.

— Пойдемте вниз, — пригласил Джек. — Разрешите мне предложить чего-нибудь горячего. Киллик, подай кофейник, и поживее.

— Джек, — извинился Стивен, — я смиренно прошу прощения за опоздание. Это полностью моя вина — тяжкое потакание своим желаниям в лице дроф. Я бесконечно благодарен за то, что ты нас дождался.

— Ничего страшного, — заверил Джек. — Меня ждут у адмирала Расселла вечером, до начала отлива мы не отправимся в путь. Киллик, Киллик, пойди сюда. Мои наилучшие пожелания капитану Пуллингсу, он в трюме, и передай ему, что некоторые из его друзей поднялись на борт.

— До прихода дорогого Тома есть вопрос, который я хотел бы решить. «Сюрпризу» нужен помощник хирурга, особенно с учетом того, что я могу отсутствовать некоторое время. Тебе знакомы способности мистера Мартина в этом деле. С твоего одобрения, он согласен работать моим помощником.

— Как помощник хирурга, не как капеллан?

— Именно так.

— Буду счастлив видеть мистера Мартина снова с нами, особенно как доктора. Должен пояснить вам, сэр, — сказал он, повернувшись к Мартину, — что даже на кораблях его величества матросам не очень-то по вкусу священник на борту. А на капере они еще сильнее подвержены языческим суевериям. Боюсь, это их бы сильно расстроило. Хотя я уверен, что при случае им понравится, если их похоронят со вкусом. Так что пока вы числитесь помощником хирурга, они получают лучшее из двух миров.

В каюту ворвался Пуллингс с самыми дружественными приветствиями, Падин попытался на своем примитивном английском узнать, желает ли доктор надеть фланелевый жилет, а Дэвидж сообщил, что адмиральский катер будет у борта через пять минут.

Адмиральский катер подвалил к левому борту, чтобы избежать церемоний, и так же без намека на пышность Стивена спустили вниз как мешок картошки.

— Вы очень добры, сэр, что тоже пригласили меня, — извинялся он, — но я стыжусь показаться в таком наряде — ни секунды не нашлось свободной, чтобы переодеться с момента прибытия.

— Вы отлично выглядите доктор, в самом деле, отлично. Там будем только я, моя подопечная Полли, с которой вы знакомы, и адмирал Шэнк, с которым вы знакомы еще лучше. Надеялся еще, что придет адмирал Генри — у него появилось свободное время и он активно занялся медициной, но его уже ждали в другом месте. Тем не менее, он передал свои наилучшие пожелания, и у меня есть для вас его последняя книга, очень милая.

Милая книга называлась «Отчет о способах, которыми адмирал Генри вылечил ревматизм, склонность к подагре, невралгию тройничного нерва,

судороги и удалил катаракту». Стивен рассматривал иллюстрации, пока Полли, очаровательная молодая особа, чьи черные волосы и синие глаза еще сильнее вызвали в памяти мысли о Диане, играла вариации на мелодию Перголези [\[4\]](#). Адмирал Шэнк проснулся:

— Прошу прощения, я, кажется, отключился. О чем мы говорили, доктор?

— Мы обсуждали воздушные шары, сэр, и вы пытались вспомнить детали устройства, которое, по вашим расчетам, должно было избавить от неудобства, смертельно опасного неудобства чрезмерно высокого полета.

— Да, да, сейчас его вам нарисую.

Адмирала на службе называли «Старый Шкив» за его оригинальную койку, которую лежавший в ней человек, даже хилый инвалид, мог наклонять, поднимать, опускать и перемещать с места на место при помощи системы двойных и тройных шкивов. Числился за ним и ряд других изобретений. Он нарисовал воздушный шар с сетью тросов вокруг оболочки и объяснил, что с помощью системы блоков эта конструкция должна уменьшать объем газа и понижать подъемную силу.

— Но, тем не менее, она не сработала, — признался адмирал. — Единственный выход не подняться слишком высоко, как бедный Сенхаус, которого больше никто не видел, или как замерзший насмерть Чарлтон — выпустить часть газа из оболочки. И если при этом похолодает, вы, скорее всего, упадете со страшной силой и разобьетесь вдребезги, как бедный Кроул со своими собакой и кошкой. Вы когда-нибудь были в воздушном шаре. Мэтьюрин?

— В одном я был, в том смысле, что сидел в гондоле. Но воздушный шар оказался строптивым и не собирался взлетать, так что меня вынудили вылезти. Мой напарник унесся один, приземлившись за три поля от меня, прямо в графстве Роскоммон. Но сейчас они снова в такой моде, что я надеюсь на новую попытку — хочу понаблюдать парение стервятников вблизи.

— Ваш воздушный шар был тепловой или газовый?

— Строили его как тепловой, но торф оказался не столь сухим, как надо, и в тот день моросило. Хотя мы и раздували пламя, как Борея, но так и не смогли придать шару достаточную подъемную силу.

— Оно и к лучшему. Если вы взлетаете и оболочку охватывает пламя, как это часто случается, свои последние секунды вы потратите, сожалея о своем безрассудстве. Своенравные, опасные штуки, Мэтьюрин. Я не отрицаю, что хорошо закрепленный воздушный шар, держась на высоте, скажем, три или четыре тысячи футов, станет полезным наблюдательным

постом для генерала, но я искренне убежден, что посылать в них нужно лишь приговоренных преступников.

После паузы адмирал Шэнк спросил:

— Что случилось с Обри?

— Адмирал Расселл повел его в библиотеку, показать модель «Сантисима Тринидад»

— Хорошо бы, чтобы он его вернул. Уже несколько минут как время ужина, Эванс дважды заглядывал. Если меня не кормить в привычное время, то ваши стервятники — ничтожества рядом со мной. Я бросаюсь на собеседников и рычу, как львы в Тауэре. Ненавижу непунктуальность, а вы, Мэтьюрин? Полли, дорогая, не думаете ли, что вашему опекуну там плохо стало? Часы уже давно пробили к ужину.

В библиотеке двое рассматривали модель, и адмирал Расселл произнес:

— Все, с кем я разговаривал, согласны, что действия Кабинета против вас, или, точнее, против вашего отца и его единомышленников — самое омерзительное, что случалось на флоте со времен узаконенного убийства бедняги Бинга ^[5]. Будьте уверены — мои друзья и я сделаем все, чтобы вас восстановили в списке.

Джек кивнул, и несмотря на осведомленность о том, что худшей услуги придумать нельзя — адмирал с друзьями принадлежали к оппозиции — хотел уже выразить должную признательность, но адмирал удержал его:

— Ни слова. Что я на самом деле хотел сказать — не скисайте, не прячьтесь от друзей, Обри. Те, кто не очень хорошо вас знают, сочтут это чувством вины. Да и в любом случае вы так доведете себя до меланхолии и хандры. Не сторонитесь друзей. Я лично знаю тех, кого ранил ваш отказ повидаться, и слышал о многих других.

— Мужественно с их стороны приглашать меня, но мой визит скомпрометировал бы их. А сейчас идет такое соперничество за корабли и повышения, что я не хочу создавать моим друзьям помехи в Адмиралтействе. С вами — совсем другое дело, сэр. Командовать вы не хотите, как адмирал белой эскадры, уже отказавшийся от титула, ничего не боитесь — хоть Адмиралтейства, хоть кого угодно. Но совету вашему последую до тех пор...

— О сэр, — воскликнула Полли из дверного проема — на кухне страшная суматоха. Ужин наполовину накрыли, когда пробили часы, теперь он наполовину остыл, а Эванс и миссис Пейн ругаются в коридоре.

— Господи спаси, — воскликнул адмирал, взглянув на библиотечные

часы, лишённые боя. — Обри, нужно бежать как зайцы.

Ужин шел приятным чередом, и хотя суфле видело и лучшие времена, но кларет «Латуа» оказался настолько близок к совершенству, как только можно пожелать. Со следующим ударом часов Полли пожелала всем спокойной ночи, и снова исключительная грация ее реверанса, наклон ее головы вызвал в памяти Стивена живой образ Дианы, которой грациозность заменяла добродетель, хотя по своим собственным (необычайно жестким в отдельных отношениях) стандартам она обычно вела себя порядочно.

Приятно видеть, как покраснела Полли, когда Стивен открыл перед ней дверь — в ее юные годы для нее это все еще оставалось редким опытом. Когда мужчины снова расселись, адмирал Расселл вынул из кармана письмо и произнес:

— Обри, я знаю, как вы цените память о Нельсоне, так что хочу подарить вам вот это, и пусть подарок принесёт вам удачу в плавании. Он его прислал мне в третьем году, когда я с лордом Кейтом был в Зунде, а он служил на Средиземном море. Вначале я его прочитаю вслух, не столько из тщеславия, сколько потому, что он его писал, разумеется, левой рукой, и почерк сложно разобрать. После обычного вступления следует: «Вот я здесь, предвкушая развлечение от тулонских ребят, и мы только и ждем, как честно встанем борт о борт с ними.

Рискну сказать, что когда мы закончим, останется сколько-то лишних шляп. Вы славный товарищ, и как коммодор Джонстон сказал про генерала Медоуза, «Не сомневаюсь, что ваше общество будет в радость в день битвы друзьям, но чертовской проблемой для врагов». Надеюсь, дорогой Расселл, что вы всегда будете считать меня самым искренним из первых».

Он передал письмо, все еще открытое, через стол.

— Какое мужественное письмо, — воскликнул Джек, рассматривая его с неподдельным восторгом. — Не думаю, что когда-либо писалось нечто лучшее. Я правда могу его забрать, сэр? Невероятно благодарен и буду ценить его, как же я буду его ценить! Снова и снова благодарю вас, сэр, — последнее он сказал, пожимая руку адмирала железной хваткой.

— О Нельсоне могут нести что угодно, — заметил Старый Шкив, — все эти типы, у которых наготове первый камень. Но даже они признают, что формулировать мысли он умел прекрасно. Мой племянник Каннингем служил мичманом у него на «Агамемноне», и Нельсон ему как-то сказал: «Есть три вещи, молодой джентльмен, которые нужно постоянно держать в уме. Первое — всегда неукоснительно выполнять приказы, не пытаясь сформировать собственного мнения об их правильности. Второе — считать

врагом всякого, кто плохо отзывается о короле. И третье — ненавидеть французов пуще дьявола».

— Восхитительно сказано, — одобрил Джек.

— Он конечно не мог иметь в виду всех французов? — спросил Стивен, любивший не-наполеоновскую Францию.

— Думаю, что всех, — ответил Шэнк.

— Думаю, что он немного увлекся, — признал Расселл. — Но он так и побеждал. И знаете ли, в целом во французах мало хорошего. Говорят, о народе можно судить по его поговоркам. Когда французы хотят описать что-то сильно грязное, то говорят «*sale comme un royaume*» ^[6], что дает ясное представление об их личной чистоте. Когда у них мысли заняты другими делами, то говорят «нужно выпороть других кошек» — чрезвычайно негуманно. А когда снимаются с якоря, то командуют «*a-Dieu-va*», то есть «с Божьей помощью», что дает представление об их моряцком мастерстве. Ничего более преступного даже в голову не идет.

Джек рассказывал адмиралу Шэнку, как Нельсон однажды попросил передать соль самым вежливым образом, а в другой раз он сказал: «Никогда не думайте о маневрах, идите прямо на них», и Стивен собирался предположить, что и среди французов могут быть хорошие люди, указав на изготовителей прекрасного кларета, когда адмирал Расселл вышел из недолгой задумчивости:

— Нет, нет. Исключения могут встречаться, но в целом пользы от них не вижу. Именно французский командер, из славного рода, насколько про них это уместно говорить, сыграл со мной самый грязный трюк из всех, о которых я когда-либо слышал на войне, столь же грязный, как французская гребенка.

— Расскажите об этом, пожалуйста, сэр, — попросил Джек, втайне поглаживая письмо.

— Поведаю вам вкратце, раз вы собираетесь отплывать с началом отлива, то не могу вас задерживать. Я тогда командовал «Гусаром», старым «Гусаром», в конце последней американской войны в восемьдесят третьем. «Гусар» — аккуратный маленький фрегат, способный держать круто к ветру, очень похожий на ваш «Сюрприз», но не такой хороший ходок. Нельсон же командовал «Албермалем» на той же станции, мы неплохо ладили.

Я крейсировал к северу от мыса Гаттерас на мелководье, при сильном ветре с норд-норд-веста и туманной февральской погоде, когда погнался за парусом на весте, шедшим правым галсом. Я с ним сблизился, и разглядел — хотя день был довольно туманный — что он идет под временными

мачтами, а в корме виднеется несколько дыр от ядер.

Когда они подняли перевернутый английский вымпел на грот-вантах и английский флаг над французским на кормовом флагштоке, стало очевидно — это трофей одного из наших кораблей, во время захвата его повредили и призовому экипажу нужна помощь, а корабль в тяжелом положении.

— Ничего другого это значит не могло, — подтвердил Джек.

— О нет, оказалось — могло. Это значило, что командовало им ничтожество, бесчестное ничтожество. Я зашел с подветренной стороны, чтобы окликнуть и спросить, что им нужно. Но когда залез на коечные сетки с рупором в руках, чтобы перекричать ветер, то заметил — на палубах полным-полно народу, не призовой экипаж, а сотни две-три человек. Тут они выкатывают орудия, кладут руль так, чтобы оказаться на траверзе моего форштевня, снести мне бушприт, дать продольный залп и пойти на абордаж. Десятки абордажников уже с ухмылками переминались на цыпочках на миделе.

Все еще с рупором в руках кричу «Прямо на ветер», а у команды хватило ума спустить задние паруса еще до команды. «Гусар» послушался, так что от большей части продольного залпа мы уклонились, хотя мне все же повредили фок-мачту и сорвали большую часть вант по правому борту.

Мы оба привелись носом к ветру, практически борт о борт друг к другу. Мои люди швыряли в их абордажников холодные ядра — с замечательным успехом — а морские пехотинцы падали так быстро, как могли перезаряжать. Потом я командовал «На абордаж». Услышав это, ублюдок круто положил руль, повернулся к ветру и поднял паруса. Мы помчались за ним.

После часа перестрелки его огонь ослабел, и он повернул руль на правый борт, левым галсом поворачивая в наветренную сторону. Я последовал за ним, дабы прижать против ветра, но, к сожалению, фок-мачта и бушприт грозились свалиться за борт. Мы не могли идти в наветренную сторону, пока не закрепим их.

В конце концов мы справились и начали нагонять француза, когда погода прояснилась. С наветренной стороны мы увидели крупный корабль (позже узнали, что это «Центурион»), а с подветренной — шлюп, хорошо известный нам «Терьер». Так что мы понеслись вперед, невзирая ни на что, и за пару часов нагнали. Дали полный бортовой залп, он ответил двумя орудиями и спустил флаг.

Корабль оказался тридцативосьмипушечной «Сибиллой», хотя они и выбросили за борт с дюжину пушек во время погони, с командой в триста

пятьдесят человек и сверхштатниками из Америки. Командовал им ничтожество граф де Кергарю — Кергарю-Сокмариа, если не изменяет память.

— Что вы с ним сделали? — спросил Джек.

— Тише, — ответил адмирал, покосившись на Шэнка. — Старый Шкив уснул. Давайте тихонько уйдем, и я доставлю вас на корабль. Ветер попутный, вы не потеряете ни минуты отлива.

Глава вторая

Рассвет застал «Сюрприз» далеко в серой пустыне моря — естественной его среде. Устойчивый брамсельный ветер дул с зюйд-веста. Несмотря на низкие облака и порывы дождя, день обещал проясниться. Уже в такое раннее время подняли брамсели, поскольку Джек хотел уйти с привычных маршрутов военных кораблей, ведущих на ту или иную станцию.

Он не хотел, чтобы его людей насильно завербовали — а ни один офицер на королевской службе не удержится от соблазна при виде такого многочисленного отборного экипажа из способных моряков. Не имел он и желания быть вызванным на борт корабля его величества, чтобы продемонстрировать документы, доложить о себе и столкнуться с небрежным приемом — фамильярностью или неуважением.

Далеко не все офицеры отличались природной или благоприобретенной деликатностью. Джек уже столкнулся с несколькими случаями пренебрежения, к этому без сомнения можно будет привыкнуть, но пока с него будто кожу сдирали заживо.

— Начинай, Джо, — сказал старшина-рулевой, переворачивая часы, и размытая фигура шагнула вперед, дабы отбить три склянки утренней вахты. Помощник штурмана бросил лаг и доложил о скорости в шесть узлов две сажени. В подобных условиях редкий корабль мог развить такую, и вряд ли кто — большую.

— Мистер Вест, — обратился Джек к вахтенному офицеру, — я на некоторое время спущусь вниз. Сомневаюсь, что ветер продержится, но, кажется, день будет приятным.

— Именно так, сэр, — отозвался Вест, пригнув голову от внезапного душа из брызг — «Сюрприз» шел круто к ветру на зюйд-зюйд-ост, и покрытое рябью море билось о правую скулу. Вода стекала на корму, смешиваясь с дождевой. — Как приятно снова оказаться в море.

На этой ранней стадии Джек Обри был един в трех лицах. Конечно же, капитан, но раз из многочисленных кандидатур не нашлось ни одной подходящей, еще и штурман, помимо всего прочего ответственный за навигацию, а заодно и казначей.

Офицеры, командующие исследовательскими кораблями, обычно сами исполняли обязанности казначея, но Джек таких назначений раньше

никогда не получал. Подразумевается, что как капитан он должен присматривать за делами казначея и подписывать его отчеты, но его ошеломил объем и сложность необходимых подсчетов, когда пришлось заниматься ими детально.

Уже достаточно рассвело, чтобы можно было работать у кормового окна большой каюты. Изогнутая последовательность оконных стекол во всю ширину корабля радовала Джека даже во времена глубочайшего несчастья, как и сама каюта — красивое помещение, в котором едва бы нашелся хоть один прямой угол. Двадцать четыре фута ширины и четырнадцать длины давали ему больше места, чем у всех офицеров вместе взятых. И это еще не все — из большой каюты открывались двери в две малых, одну обеденную и другую для сна.

Обеденную каюту, однако, отдали Стивену Мэтьюрину. Когда прибыл завтрак, Джек, расправившись почти с третью счетов, авизо и накладных, кивнул в сторону двери и спросил:

— Доктор хоть шевелится?

— Ни звука, сэр, — ответил Киллик. — Устал он до смерти вчера, как загнанная лошадь. Но, может, запах разбудит. Обычно получается.

Запах, издаваемый кофе, беконом, сосисками и тостами будил его во многих широтах. Как и большинство моряков, Джек Обри очень консервативно подходил к еде, и даже в самых длинных плаваниях обычно справлялся, возя с собой кур, свиней, закаленную козу и мешки зеленого кофе, чтобы получать одинаковый (кроме тостов) завтрак и на экваторе, и за полярными кругами.

Эти блюда Мэтьюрин считал высшим притязанием Англии на цивилизацию, но на этот раз его не пробудил ото сна даже кофе. Он не среагировал ни на уборщиков на квартердеке прямо над головой, ни на укладку коек в семь склянок, ни на сигнал «Всем матросам завтракать» в восемь, со всем обычным ревом, топотом и громыханием.

Он все спал и спал, когда стих ветер, и когда корабль повернул на левый галс, спал под шум выбираемых и укладываемых в бухты снастей. Показался на свет он только во время утренней вахты, зевая и потягиваясь, с развязанными на коленях бриджами и с париком в руке.

— Да сохранят вас Господь и дева Мария, — поприветствовал его ожидавший Падин.

— И с тобой пусть будут Господь, дева Мария и святой Патрик, Падин, — отозвался Стивен.

— Мне принести чистую рубашку и горячей воды для бритья?

Стивен задумался, потеряв подбородок:

— Можешь принести воды. Погода, как я вижу, тихая, качка пренебрежимо слабая, опасность несущественная. Что же до рубашки, — продолжил он, повысив голос, чтобы перекричать оживленную болтовню матросов в одиннадцать дюймах над ним, — одна на мне уже есть, и снимать ее я не намерен. Но ты можешь попросить Береженого Киллика сделать мне одолжение и принести кофейник.

Последнее он сказал еще громче и по-английски — существовала высокая вероятность, что неистребимо любопытный Киллик уже подслушивает.

Чуть позже Стивен, побритый и освежившийся, поднялся на палубу. То есть вышел из каюты сквозь дверь в проход на шкафуте корабля и по трапу на квартердек, где капитан, первый помощник, боцман и канонир о чем-то совещались. Стивен проложил себе дорогу к гакаборту и, облокотившись на кормовые поручни, окинул взглядом всю длину корабля, все сорок ярдов, до той точки, где приподнятый бушприт делал его еще длиннее. День действительно оказался приятным, но ветер стихал, и несмотря на величественно поднятые паруса, «Сюрприз» делал не более двух или трех узлов, едва ли наклоняя палубу.

На первый взгляд ничего не поменялось — знакомые, наполненные солнцем изгибы парусов над головой, натянутый такелаж отбрасывает резкие тени. Некоторое время Стивен пытался понять, в чем же важное различие. Дело не в отсутствии флотских мундиров — кроме как на флагманских кораблях или под командованием исключительно «квартердечных» капитанов, в последнее время офицеры стали носить непримечательную рабочую одежду, пока их не приглашали на обед в каюту капитана или же речь не шла об официальных церемониях. Что же до матросов, то они всегда одевались как вздумается.

Дело и не в отсутствии вымпела боевого корабля на топе мачты — Стивен его никогда и не замечал. Нет, частично виновато отсутствие багровых мундиров морской пехоты, яркого пятна цвета на бледной палубе и среди невыразительных оттенков моря, а частично — отсутствие мальчишек любого сорта, юнг или юных джентльменов на квартердеке.

Пользы от них немного. Они занимали ценное место. Их сложно заставить молча и внимательно нести службу. Но все же они придавали кораблю какую-то визгливую жизнерадостность. Хотя жизнерадостность присутствовала и без них, на деле еще и более шумная (матросы хохотали на топах, на шкафуте и на полубаке), чем это допускалось на флоте под командованием столь строгих капитанов, но природа веселья другая.

Стивен размышлял в поисках дополнительных различий, когда Бонден

пришел на корму, чтобы поправить запутавшийся красный вымпел, и они перекинулись несколькими словами.

— Матросы невероятно довольны письмом Нельсона, сэр, — рассказал Бонден, после того как они обсудили ветер и возможность наловить трески крючковой снастью. — Они это считают, как вы можете назвать, предзнаменованием.

В этот момент боцманская дудка позвала Бондена и остальных матросов спускать на воду синий катер, и Джек прошел на корму.

— Доброе утро, сэр, — поприветствовал его Стивен, — Прошу прощения, что не явился к завтраку, но спал как бы спал герой Плутарха, который пробежал от Марафона до Афин без передышки, если бы не упал замертво. Бедный Мартин все еще спит, невзирая на натертые ноги и все такое. Господи, как же мы мчались, так сильно боялись упустить корабль. Иногда, на очень крутых склонах, он меня за руку вел.

— Доброе утро, доктор, и хороший денек сегодня, — ответил Джек. — Мистер Мартин разве на борту? Я считал, что он вернулся домой, чтобы уладить дела и присоединиться к нам, когда вернемся в Шелмерстон.

— Разумеется, у меня не было времени поговорить о нем или чем-нибудь еще вчера после обеда, а ночью я уснул до того, как ты спустился вниз. И даже сейчас, хотя мы и не за адмиральским столом, — прошептал Стивен, посмотрев на штурвал — в десяти футах от них, сразу перед бизань-мачтой, со старшиной и рулевым, не говоря уж о вахтенном офицере у кабестана и нескольких моряках, спешащих по вантам, чтобы установить крьюйс-марс. — Здесь едва ли найдется место для конфиденциального разговора.

— Значит, спустимся вниз.

— Даже сказанное здесь, — заметил Стивен в каюте, — в истинном святилище фрегата, почти все становится известно в более или менее искаженном виде всему кораблю к концу дня. Не приписываю никому на борту дурных намерений или зловредности, но факт в том, что люди уже знают о письме лорда Нельсона.

Они знают, точнее уверены, что знают, будто «Сюрприз» куплен консорциумом, публичным представителем которого выступаю я. Считают, что в него почти точно входит мой бывший пациент принц Уильям. И они уверены, что Мартин превратился из священника в хирурга, поскольку его лишили сана за перепих... тебе знакомо это выражение, Джек?

— Думаю, слышал его.

— За перепих с женой епископа. Раз он лишен сана, то не может

принести неудачу. Что же до его присутствия — я предлагал ему отправиться домой, получив аванс, как ты выручил меня много-много лет назад, а потом вернуться с рундуком. Но он предпочел послать аванс жене и остаться на борту. Дела у него отчаянные — никакой надежды на приход, никакой — на капелланство после этого злосчастного памфлета, недружелюбный тесть и опасность ареста за долги по возвращении.

В любом случае, хотя мы в море лишь на две недели, он счастлив терпеть неудобства единственной рубашки и изношенных ботинок ради шанса на приз. Я объяснил ему нашу систему раздела призовых денег, он ее не понял и будет рад хоть четырехпенсовику. Есть и кое-что другое, о чем мне не терпится рассказать. Может, залезем на топ, когда матросы закончат?

— Это займет еще какое-то время, — сказал Джек, которому приходилось залезать со Стивеном на топ. — Может быть, лучше пройтись вокруг корабля на твоём ялике после практических стрельб. Я в любом случае хочу оценить дифферент.

— Ты хочешь прямо сейчас провести стрельбы?

— А почему бы и нет? Ты разве не видел, как синий катер с мишенями спускают на воду? Раз мы в удаленном уголке моря, хочу посмотреть, как новые матросы справятся с боевыми снарядами. Сделаем полдюжины залпов, правобортная вахта против левобортной, до обеда. Нужно быть в хорошей форме.

— Мишени на плаву, сэр, — доложил Пуллингс из дверей каюты. Он действительно был в форме — напряженный, словно увидевший крысу терьер, разительный контраст с Джеком Обри.

У Стивена сложилось впечатление, что его друг не сильно бы волновался, если бы мишени потихоньку утонули сами по себе, и впечатление это подтвердилось во время первой части учений. Стимулы письма Нельсона и доброты адмирала давно закончились, вернулась угрюмость.

Угрюмость не означала нежелание исполнять свои обязанности. Обри испытывал слишком сильное чувство долга по отношению к кораблю, чтобы быть неточным или непунктуальным. Но Стивен заметил, что даже запах тлеющих фитилей, сокрушительный грохот орудий, скрежет и звон отката и дрейфующий над палубой пороховой дым не волновали капитана. Пуллингс, обожавший Джека Обри, наблюдал за ним с заметной тревогой.

Чего Стивен не заметил, так это того, что учения с орудиями и ружейной стрельбой оказались исключительно неудачными. Обычно подобные упражнения происходили вечером, когда команда по сигналу

«Все по местам» разбегалась по боевым постам. Хирургу надлежало быть глубоко внизу и принимать раненых.

У Стивена не хватало опыта и понимания исключительного уровня артиллерийской подготовки фрегата в былые времена. Джек Обри с самых первых шагов в море (и еще больше — со времен первого самостоятельного командования) убедился в том, что точная и быстрая стрельба вносит большой вклад в победу, нежели надраенная медяшка. Этому принципу он следовал на всех своих кораблях, и «Сюрприз», которым командовал дольше всего, довел до выдающегося уровня. В подходящих условиях ЕВК «Сюрприз» мог сделать три точных бортовых залпа за три минуты восемь секунд, по его оценке — лучший результат на всем королевском флоте.

Нынешний «Сюрприз», пусть и лишившись префикса «ЕВК», все еще нес свои старые орудия — «Умышленное убийство», «Прыгучий Билли», «Отрыжка», «Внезапная смерть», «Том Крибб» и другие, как и сохранил большую часть орудийных расчетов. Но чтобы создать единую корабельную команду, а точнее предотвратить излишнюю неприязнь и расхождение во взглядах, Джек и Пуллингс перемешали в расчетах старых и новых матросов. Результат — печально медленная, неумелая и неточная стрельба.

Приватеры привыкли брать противника на абордаж, а не расстреливать его с расстояния (вдобавок орудийный огонь наверняка мог снизить стоимость жертвы). Мало кто мог наводить орудие хоть с какой-то точностью. Старые «сюрпризовцы» бросили немало нервных взглядов на капитана — критиковал он обычно нещадно — но никакой реакции не дождались. Ничего, кроме непоколебимой суровости. Окликнул он лишь один раз, да и то нового матроса, слишком близко подошедшего к пушке: «Абордажник у шестого орудия, Джеймс, отодвинься или на отдаче лишишься ступни».

Сделали последний выстрел, орудие прочистили, перезарядили, положили пыж, забили его и выкатили.

— Ну, сэр... — замялся Дэвидж.

— Посмотрим, что они смогут сделать с левобортными орудиями, мистер Дэвидж, — ответил Джек

— Закрепить орудия, — скомандовал Дэвидж, — всем матросам к повороту!

Пусть новички и не разбирались в стрельбе, но моряками были превосходными. Они побежали к своим местам у парусов, шкотов, булин, строп и бакштагов так же живо, как и старые «сюрпризовцы».

Последовали привычные команды: «Руль под ветер», «Паруса на галсовый угол». Но за громким «Грот к ветру» немедленно последовал визгливый возглас с топ-мачты «Эй на палубе, парус на одном румбе по левому крамболу».

Парус, несущийся под ветром с приличной скоростью, можно уже было разглядеть и с палубы. Впередсмотрящий, очевидно, смотрел на стрельбы, а не на горизонт.

«Сюрприз» увалился под ветер, Джек обстенил фор-марсель и с подзорной трубой поднялся на топ. Отсюда судно можно было разглядеть целиком. Даже без подзорной трубы Джек мог сказать, что это — крупный тендер, одно из тех быстрых, проворных, способных держаться круто к ветру суденышек на две-три сотни тонн, которые используются контрабандистами или их преследователями.

Для контрабандиста очень аккуратное, слишком уж аккуратное. В подзорную трубу Джек увидел военно-морской вымпел над гротом. Тендер шел с наветренной стороны. На дальней дистанции «Сюрприз» от него почти наверняка уйдет, но это означает вернуться на регулярные торговые пути. Там есть вероятность попасться какому-нибудь ранговому кораблю, который украдет у него гораздо больше людей, чем тендер. Уходить, лавируя против ветра, бессмысленно. Ни один корабль с прямым парусным вооружением не может держать так круто к ветру, как тендер.

Джек вернулся на палубу и приказал вахтенному офицеру:

— Мистер Дэвидж, мы ляжем в дрейф, пока он не приблизится, а после продолжим стрельбы. Приготовьтесь приспустить марсель и вымпел.

Среди новых матросов у квартердечных карронад раздался ропот недовольства, и даже больше — они совершенно не желали, чтобы их вербовали. Один из них даже рискнул воскликнуть:

— Это же всего лишь «Вайпер», сэр. Под ветер он гораздо медленнее нас.

— Эй ты, замолчи! — воскликнул Дэвидж, ударив матроса по голове рупором.

Джек спустился вниз и через мгновение послал за Дэвиджем.

— Кстати, мистер Дэвидж. Я объяснял Весту и мистеру Балкли, но кажется, не упоминал при вас: на этом корабле нет места рукоприкладству и ругательствам. На частном военном корабле агрессивные офицеры неуместны.

Дэвидж хотел что-то ответить, но, взглянув на лицо Джека, проглотил слова. Образец агрессивного офицера, готового разразиться громом и молниями вне зависимости от того, кто перед ним, он мог лицезреть прямо

перед собой.

Киллик молча подал приличный сюртук — синий, но без флотских знаков различия, галунов или форменных пуговиц. Джек одел его и начал собирать бумаги, которые придется предъявить, если его заставят явиться на борт. Он посмотрел на зашедшего Стивена и произнес с натянутой улыбкой:

— У тебя тоже есть какая-то бумага, как я погляжу.

— Послушай, дружище, — ответил Стивен, отведя Джека к кормовому окну. — Я отдаю этот документ не без внутренней борьбы. Негласно подразумевалось, что он предназначен защищать нас только в южноамериканском плавании. Но плотник рассказал мне, что «Вайпером» командует чрезвычайно деловитый хлыщ, свеженазначенный лейтенант, привыкший к грубости и тирании. Мне думается, что если щенок окажется столь провоцирующим, как я боюсь, то ты сорвешься, и никакого плавания в Южную Америку не будет вообще.

— Господи, Стивен! — воскликнул Джек, читая документ — письмо Адмиралтейства, защищающее от принудительной вербовки всю команду. — Я ценю твоё мнение. Судя по флотским спискам, «Вайпером» командует сын этого маонского ничтожества Диксона. Может оказаться сложным сдержаться и не побить его, если начнет выпендриваться. Господи, теперь мне легко на сердце.

Но даже так Джеку Обри понадобились все запасы самоконтроля (больше, чем он в себе предполагал найти), чтобы не побить юнца. Потеря всех положительных эмоций не затронула подозрительность, раздражительность, злость и гнев. На деле они все усилились, за исключением длинных периодов апатии — явно не сейчас.

Когда «Вайпер» подошел на дистанцию окрика, он приказал «Сюрпризу» привести под ветер и отправить шкипера на борт с документами. Все это надлежало сделать чертовски быстро — приказ подкрепили выстрелом под нос.

Джек переправился на шлюпке, буксировавшей мишени, и, поднявшись на борт «Вайпера» (всего-то два шага, в воде эти тендеры сидели очень низко), отсалютовал квартердеку. Юноша на вахте, помощник штурмана, изобразил рукой движение в сторону шляпы и сообщил, что капитан занят и примет мистера Обри позже.

После этого он вернулся к разговору с капитанским писарем, прогуливаясь взад-вперед и непринужденно болтая. Мичманы с тендеров пользовались дурной репутацией на флоте из-за плохих манер, и на «Вайпере» свято следовали этой традиции, привалившись к поручням с

руками в карманах, пляясь на Обри, перешептываясь, хихикая и снова пляясь.

Дальше к носу кучкой собрались старшины тендера, наблюдая с молчаливым неодобрением, а средних лет моряк, когда-то служивший под началом Джека, замер у кнехтов с тросом в руках и выражением неподдельного ужаса на лице.

Наконец капитан «Вайпера» принял Обри в низком помещении, которое здесь считалось каютой. Диксон сидел за столом, но не предложил Обри сесть. Его он ненавидел с давних дней на Менорке, и как только «Сюрприз» появился в поле зрения, придумывал саркастические реплики самого болезненного свойства.

Но зрелище могучего Джека, заполнившего собой остатки пространства и кажущегося еще более массивным, поскольку ему пришлось нагнуться под низким подволоком, его мрачное лицо и естественный авторитет сломали решимость юного Диксона. Он ничего не сказал, когда Джек смахнул какие-то вещи с ларя и сел. Только когда юнец пролистал бумаги, то произнес:

— Вижу, у вас хорошо укомплектована команда, мистер Обри. Придется освободить вас от десятка-другого матросов.

— Они защищены.

— Чушь. Не может быть. Приватеры не освобождены от вербовки.

— Прочтите, — посоветовал Джек. Он собрал остальные бумаги и навис над столом.

Диксон прочитал. Потом прочитал еще раз и подержал бумагу на свет, чтобы рассмотреть водяной знак. Тем временем Джек через портик разглядывал покрытые брезентом шляпы команды своей шлюпки, поднимающиеся и опускающиеся на легком волнении.

— Ну, — наконец выдавил Диксон. Думаю, сказать больше нечего. Свободны.

— Что вы сказали? — уточнил Джек, нависнув над ним.

— Я сказал, что сказать больше нечего.

— Хорошего вам дня, сэр.

— Хорошего вам дня, сэр.

Команда шлюпки встретила Джека сияющими улыбками, а рядом с «Сюрпризом» один из шелмерстонцев крикнул друзьям, выглядывающим из-за коек:

— Парни, мы под защитой!

— Тишина в шлюпке! — воскликнул шокированный старшина.

— Тишина на палубе! — скомандовал вахтенный офицер, дабы унять

веселье.

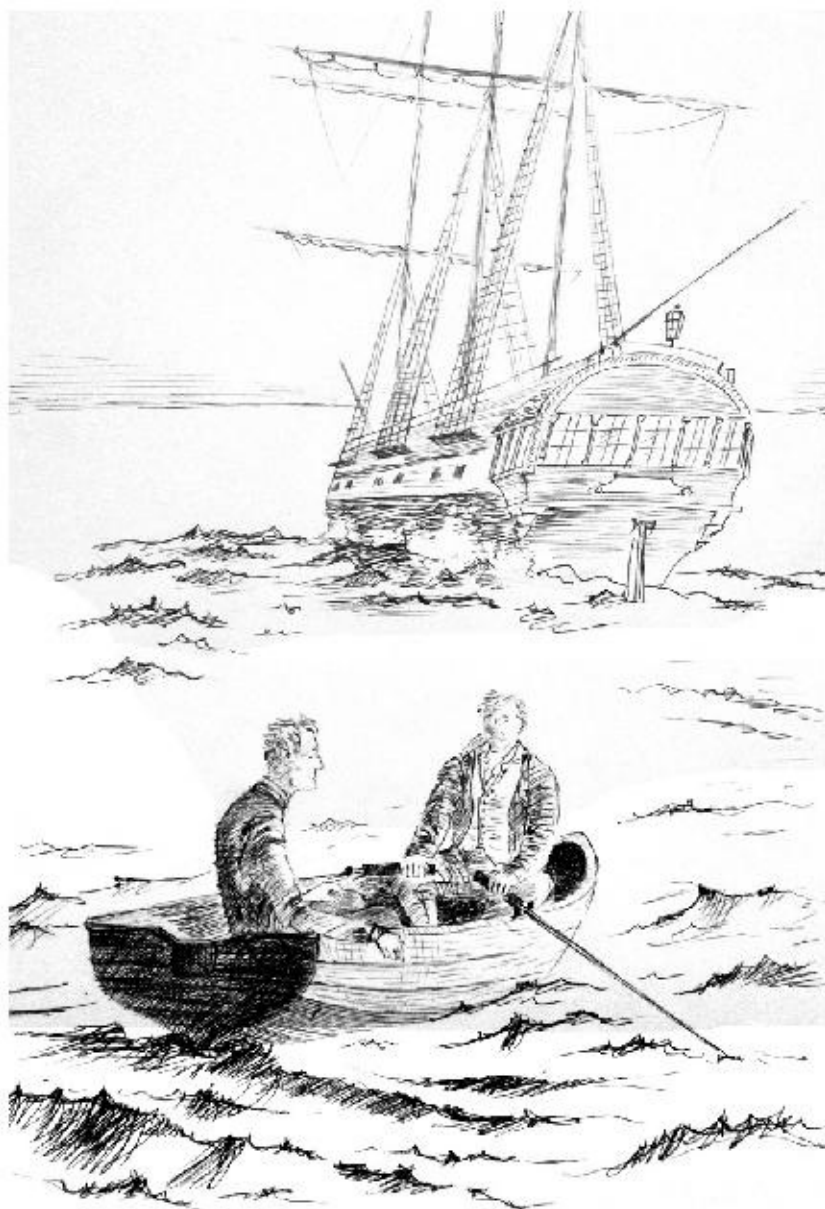
Разум Джека все еще занимал документ Стивена и его возможные последствия, и он поспешил вниз, не обратив внимания на гам. Но едва он успел убрать папку с бумагами, как поднялся гораздо больший гвалт. Когда «Вайпер» поднял паруса и начал набирать ход, все шелмерстонцы и дезертировавшие с других кораблей «сюрпризовцы» оккупировали наветренные ванты лицом к тендеру. Парусный старшина отсчитал «Один, два, три». Все дружно закричали «Ау!» и начали колотить себя по задницам в унисон, гогоча как маньяки.

— Стоп! — проревел Джек голосом, предназначенным для мыса Горн. — Вы, Богом проклятое стадо идиотов, здесь что, бордель? Кто следующий по жопе хлопнет, запорю так, что на нее уже не сядет. Мистер Пуллингс, ялик доктора на воду немедленно, пожалуйста, и пусть приготовят еще три мишени.

— Стивен, — признался Джек, отдыхая на веслах ярдах в двухста от фрегата. — Выразить не могу, как я благодарен за этот документ. Если кого-нибудь из наших дезертировавших старых соплавателей забрали бы, а я уверен, что этот убогий, подлый щенок их не пощадил бы, то их могли бы повесить или в лучшем случае приговорить к нескольким сотням плетей. И нам пришлось бы постоянно играть в прятки с королевскими кораблями. Конечно, немного здравого смысла даст возможность не пересекаться с путями эскадр, но насчет крейсеров нельзя быть столь уверенным. Понимаю, что не должен спрашивать тебя, каким образом получена защита.

— Но я тебе все же расскажу, поскольку в вопросах секретности ты нем как могила. Во время южноамериканского плавания я надеюсь установить некоторые связи, представляющие интерес для правительства. Адмиралтейство некоторым образом об этом осведомлено и понимает — я не смогу добраться до Южной Америке на корабле без матросов. Вот почему дали освобождение от вербовки. Надо было рассказать раньше. На самом деле очень много всего надо рассказать, эти темы не подходят для переписки.

Стивен помолчал, уставившись на далекую моёвку, и продолжил:

— *Послушай, Джек, сейчас я соберусь с мыслями и изложу текущую ситуацию.*

— Послушай, Джек, сейчас я соберусь с мыслями и изложу текущую ситуацию. Это сложно — я не волен в своей речи, очень многое мне сообщили конфиденциально. Опять-таки, не помню, что я тебе рассказал в те ужасные времена — детали затуманены в памяти. Тем не менее, в общих чертах и включая то, что тебе уже известно, ситуация такова.

Доказательство твоей невиновности заключалось в том, что Палмер оказался в долгу перед тобой и в благодарность рассказал, что подписан мир, что цены на Бирже вырастут и тебе следует купить определенные акции в предвкушении этого подъема.

Доказательство твоей вины заключалось в том, что Палмера не существовало и ты сам распространил слух, короче — что ты преступно повлиял на рынок. Во время процесса мы не смогли предоставить Палмера, и перед лицом такого судьи, как Квинборо, наше дело оказалось безнадежным. Позже, и сейчас речь пойдет о том, что тебе скорее всего неизвестно, некоторые мои союзники и я при помощи крайне умного охотника за ворами нашли труп Палмера.

— Почему же тогда...

— Джек, прошу, не требуй от меня говорить подробнее и не сбивай с мысли. Я не вольная птица, и должен очень аккуратно следовать выбранному курсу.

Стивен снова замолк, собираясь с мыслями, а лодка плавно качалась на зыби:

— Хозяева Палмера, которые приказали тебя обмануть, проломили ему голову. В виде трупа, изуродованного и бесполезного для закона трупа, он бы их не скомпрометировал.

Приказы ему отдавали французские агенты, англичане на высоких должностях, но в этом случае главным образом они руководствовались желанием заработать. Они хотели повлиять на рынок, но так, чтобы обвинили другого человека. Одним из этих агентов оказался Рэй — не прерывай меня, Джек! — и поскольку он совершенно точно знал о твоих перемещениях и о присутствии на борту картельного судна, то смог организовать поразительно успешную последовательность событий.

Хотя все это выглядит очевидно, мы бы никогда не поняли, что Рэй и его друг стояли за этим делом, если бы их не выдал обиженный французский агент (на этот раз француз).

Стивен помедлил, потом на ощупь вытащил из кармана грандиозный синий бриллиант, наполовину заполнивший его раскрытую ладонь. Он мягко покрутил его так, чтобы камень заиграл на солнце, и продолжил:

— Скажу тебе, Джек, этим французом оказался Дюамель, с которым мы так много имели дел в Париже. Диана попыталась выкупить нас этой прелестной вещицей, и одним из условий нашего освобождения стал возврат камня. Дюамель его привез. В обмен на услугу, которую я ему смог оказать, Дюамель не только выдал имя Рэя и его коллеги Ледварда, Эдварда Ледварда, но и устроил им столь же элегантную ловушку, как Рэй

— тебе.

Они оба члены клуба «Баттонс». Пока я наблюдал из окна «Блейкс», Дюамель встретил их на Сент-Джеймс-стрит, прямо у входа в клуб, отдал им сверток с купюрами и получил донесение об английских военных и морских перемещениях и об отношениях с шведским двором.

Мы с коллегами очень быстро пересекли улицу, но, к сожалению, к моему горькому сожалению, завалили операцию. Когда спросили Рэя и его компаньона, то получили отказ — они не желали посетителей. К несчастью, один из моих спутников попытался пройти силой, поднялся шум. К тому времени, как мы получили разрешение, они удрали — не через кухню или конюшню (там у нас дежурили люди), а через крохотное слуховое окно на крыше. Оттуда они по парапетам перебрались к матушке Эбботт. Одна из девушек их впустила, приняв все за шалость.

Они залегли на дно, и ответственные за поиски до сих пор не могут сказать — где. Ледвард, видимо, подозревал, что он в опасности — его записи моим друзьям ровным счетом ничего не сообщили. Они боятся, что он воспользовался каким-нибудь хитрым планом побега.

Рэй оказался не столь предусмотрительным. Из находок в его доме ясно, что он замешан в деле с Биржей и много на этом заработал. В любом случае, переданное Дюамелю донесение просто убийственное — часть информации могла поступить только изнутри Адмиралтейства. Думаю, что на этом закончу. Вряд ли стоит добавлять, что мои коллеги, которые никогда и не считали тебя виновным в чем-то помимо неосмотрительности с этими проклятыми акциями и облигациями, сейчас полностью убеждены в твоей невинности.

Последние несколько минут сердце Джека билось гораздо сильнее и быстрее обычного, будто заполнив всю грудь. Тяжело дыша и до некоторой степени контролируя голос, он спросил:

— Значит ли это, что меня могут восстановить на службе?

— Будь в этом мире хоть сколько справедливости, я бы в этом был уверен. Но не стоит ждать чего-либо с уверенностью. Прочных надежд нет. Ледварда и Рэя не поймали, их нельзя предъявить суду. Весьма вероятно, что их покрывает кто-то еще более высокопоставленный: имеет место странное сопротивление...

В любом случае, кабинет министров не желает предоставлять оппозиции громкий и дискредитирующий скандал. Raison d'etat [\[7\]](#) с легкостью перевешивают ущерб, причиненный индивиду — особенно индивиду без политического влияния, или даже хуже. В это отношении позволю заметить, что генерал Обри — печальная обуза.

Опять-таки, власть имущие проявляют чрезвычайное нежелание признавать свои ошибки. С другой стороны, как друг советую тебе не отчаиваться и не поддаваться меланхолии. Не будь одиноким, не будь праздным, как говорит чудесный Бертон [\[8\]](#). Выход, если он есть, заключается в действиях. В действиях на море.

— Прости, если я с утра выглядел таким унылым. Дело в том... я не хочу жаловаться, Стивен, но снился мне сон, настолько правдоподобный, что и сейчас вспоминаю с легкостью. Сон о том, что все это дело — суд и прочее — сами оказались сном. Облегчение и радость от осознания, огромное счастье меня пробудили. Но даже проснувшись я все еще не освободился ото сна и уверенно начал искать мундир.

Джек опустил весла и закончил круг вокруг корабля, оценивая дифферент. Рассудок согласился со словами Стивена, но в глубине души едва заметное сияние рассеивало глубочайшее несчастье.

Пока они гребли к фрегату, Джек произнес:

— Рад, что ты снова повидал Дюамеля. Он мне понравился.

— Хороший был человек. Вернуть бриллиант, когда он рвал все связи со своей страной, уезжал в Канаду — вот потрясающий пример великодушия. Я о нем сожалею.

— Он же не умер, бедняга?

— Я бы не упомянул его имени, если бы он все еще оставался в живых. Нет. Хинидж Дандас по моему поручительству собирался отвезти его в Америку, где он хотел поселиться на берегу ручья с форелью в Квебеке. Все свое значительное состояние он обменял на золото и зашил в пояс. На борт корабля он поднимался в Спитхеде при сильном волнении и, как и я временами, провалился между шлюпкой и бортом. Собственный капитал потопил его без шансов на спасение.

— Искренне жаль, — ответил Джек и стал грести сильнее. Он задумался, стоит ли говорить о Диане и ее бриллианте — бесчеловечно не делать этого — но решил, что вопрос слишком деликатный. Он может с легкостью привести под ветер, может причинить боль. Пока Стивен не упомянет ее, лучше молчать.

Когда они поднялись на борт, Обри приказал спустить еще мишени. Настала очередь вахты левого борта встать к орудиям — несколько более достойный результат, сопровождаемый беглым огнем критики, советов и даже похвал с квартердека, а потом «Сюрприз» разразился двумя бортовыми залпами с близкой дистанции.

В этих сокрушительных залпах орудия стреляли последовательно от носа к корме — слишком старые шпангоуты не выдержали бы отдачу всех

орудий, так что одновременную стрельбу лучше оставить на крайний случай. Частные военные корабли сами обеспечивали себя порохом, очень дорогим веществом, так что в большинстве случаев бортовые залпы (сокрушительные или нет) встречались крайне редко. Матросы восприняли их как празднование в честь триумфа над «Вайпером». И праздник завершился тем, что капитан и старший канонир выстрелили из носовых погонных орудий — двух длинноствольных бронзовых девятифунтовок с очень ровными стволами, потрясающе аккуратных и дальнобойных пушек, личной собственности Джека Обри.

Они выстрелили по плавающим на поверхности обломкам мишеней, уже разбитым бортовыми залпами, и хотя не слишком-то удачно, но вызвали бурю ликования. Когда Джек вернулся на корму, вытирая следы пороха с лица, Мартин поделился со Стивеном: «Капитан стал больше похож на себя, вам не кажется? Вчера вечером его вид меня ошеломил».

Крайняя степень несчастья покинула Обри, но в его душе все еще оставалось очень много места для беспокойства и тревоги. Помимо навязчивых размышлений о домашних и юридических сложностях (еще год назад неунывающий, жизнерадостный Джек от них бы избавился), он осознал сложность, практически невозможность снова собрать такую же качественную команду корабля, как в прошлом. Он не понимал раньше, как сильно годы командной работы и постоянных тренировок на одном и том же орудии с теми самыми же партнерами возвысили старых «сюрпризовцев» над обыденным уровнем.

Моряки-приватеры, сильные и полные усердия, могли выкатывать орудия в имитации стрельбы (обычное упражнение, поскольку порох очень дорог) с великой силой и усердием. Но потребуются месяцы или даже годы, чтобы они достигли того совершенства в выборе момента, координации и усилий и экономии сил, которое делало штатных «сюрпризовцев» такими опасными для врагов.

Пока же можно или восстановить прежние орудийные расчеты, или поменять стратегию. Вместо того, чтобы ослабить оппонента с расстояния и возможно даже сбить топ-мачту, а потом зайти с носа или кормы, дать сокрушительный продольный залп и при необходимости взять на abordаж, можно последовать совету Нельсона «идите прямо на них».

Но совет этот родился в начале последней войны, когда французское и испанское мореходное умение и артиллерийская подготовка заметно уступали английским. Сейчас же корабль, заходящий с наветренной стороны по ровному морю, будет уязвим и не способен ответить на вражеские бортовые залпы двадцать-тридцать минут. К этому времени

корабль могут так изуродовать, что он сам спустит флаг — попался, который кусался.

Но, с другой стороны, свои навыки Джек выработал, командуя кораблями его величества. Хорошо, конечно, захватить вражеского купца или приватира, но главная их цель — захватывать, сжигать, топить или уничтожать военные корабли противника. Теперь — другое дело. Главной добычей должны стать купцы или приватиры, желательно неповрежденные, здесь нужен другой подход.

Конечно, конечно и трижды конечно он с удовольствием вступит в бой с противником равной силы из рядов французского или американского флота — жесткая битва без намека на прибыль. Для списанного приватира захватить вражеский фрегат — слава во плоти.

Но к несчастью «Сюрприз», пусть быстрый и способный идти круто к ветру, принадлежал ушедшей эпохе в плане охоты за славой. В королевском флоте оставалось только пять двадцативосьмипушечных фрегатов, из них четыре стояли на хранении без дела. Водоизмещение современных фрегатов превышало тысячу тонн, они несли тридцать восемь восемнадцатифунтовых и карронады. «Сюрприз» мог с тем же успехом атаковать линейный корабль.

Водоизмещение «Сюрприза» меньше шестисот тонн, вооружен он двенадцатифунтовками (и если бы кницы специально не усилили, то лучше бы чувствовал себя с девятифунтовыми пушками). Даже с полным экипажем ему пришлось бы противопоставить меньше двухсот человек крупным американцам с экипажем более чем в четыреста. И все же «Сюрприз» числился фрегатом. Захватом формально уступающего приза — тяжелого корвета или любого шлюпа, трех- или двухмачтового — славы не заслужить.

«Может, лучше вернуться к карронадам?» — подумал Джек. Одно время «Сюрприз», за исключением погонных орудий, нес только карронады — кургузые толстые штуки, больше похожие на мортиры, чем на пушки. Легкие орудия — тридцатидвухфунтовая карронада весит всего лишь семнадцать английских центнеров, а двенадцатифунтовая длинноствольная пушка — тридцать четыре, и они просты в обращении.

Вес залпа с ними доходил до четырехсот пятидесяти шести фунтов. Конечно, эти четыреста пятьдесят шесть фунтов летели недалеко и неточно — карронады все-таки оружие ближнего боя. Но самое главное — не требовалось особых навыков для стрельбы. И хотя массивные ядра просто сокрушали цель и могли искалечить или потопить приз, но заряды картечи рвали вражеский такелаж и очень эффективно очищали открытые палубы

от противников, особенно если они скапливались для абордажа.

Приняв, что в одном заряде четыре сотни пуль, бортовым залпом в четырнадцать карронад их выстреливалось больше четырех тысяч. Четыре-пять тысяч железных шариков, ревущих над палубой со скоростью тысяча шестьсот семьдесят четыре фута в секунду обескураживают, даже если выстрелили ими неопытные матросы... Возможно, это верное решение, хотя и отбрасывающее в сторону все тонкости боя один на один — высокого морского искусства маневрирования ради выгодной позиции, прицельного огня самыми точными орудиями с очень большой дистанции, повышения скорости стрельбы по мере сокращения дистанции до тех пор, пока противники не сойдутся борт к борту в пароксизме битвы, беспрестанном грохоте в клубах дыма.

«Но это все относится к совершенно другому миру, — поразмыслив, решил Джек, — и вряд ли мне повезет когда-нибудь снова оказаться в нем. Хотя надо посоветоваться со Стивеном».

Будучи капитаном корабля его величества, Джек Обри никогда не советовался ни с кем по подобным вопросам. В плане стратегии, тактики и правильных действий он принимал решения молча — не исходя из какой-нибудь теории, но потому что ему казалось очевидным: капитан должен командовать, а не спрашивать совета или председательствовать в комитете.

Он знал капитанов и адмиралов, созывавших военные советы. За этим обычно следовало осмотнительное отступление или в лучшем случае просто бездействие. Но сейчас — другое дело. Он командовал кораблем не его величества, а доктора Мэтьюрина.

Он до конца не мог поверить в то, что Стивен на самом деле владеет «Сюрпризом», но это так. Хотя они с самого начала договорились, что командование фрегатом продолжится по старым правилам, с полномочным капитаном, Джек чувствовал, что обязан проконсультироваться с судовладельцем.

— Я мало что знаю о морских сражениях, — ответил Стивен, внимательно выслушав аргументы за и против карронад. — Хотя я побывал Бог знает в скольких из них, почти всегда — вдали, под ватерлинией, ожидая раненых или помогая беднякам. Мои взгляды едва ли стоит озвучивать.

Но все же, в этой ситуации ты можешь попытаться поймать обоих зайцев. Почему бы тебе не попробовать выучить новые расчеты, подольше тренируясь с пушками, а если не сработает — переключиться на карронады? Если я правильно понял, ты решительно против того, чтобы некоторые расчеты состояли из «сюрпризовцев», а некоторые — из

новичков?

— Именно так. Это самый быстрый способ расколоть команду надвое, причем наихудшим образом — хорошие артиллеристы с одной стороны, олухи с другой. Какая-то доля ревности неизбежна, странно, почему она едва себя проявляет, и я сделаю все, дабы не усилить ее. Только счастливый корабль — эффективный боевой корабль. Но палить до тех пор, пока из огородных пугал не получатся хорошие артиллеристы — слишком дорого.

— Послушай, мой друг. Я ценю твое стремление сэкономить каждый пенни в нашем совместном предприятии, но и порицаю одновременно. Такая экономия может обернуться против тебя. Временами мне кажется, что ты чрезмерно экономишь, даже на том, что может помочь делу. Не мне тебя учить профессии, но если дюжина бочек пороха в день поможет принять решение в столь важном вопросе — сделай мне одолжение и потрать их.

Ты всегда снабжал корабль порохом из своего кармана, когда хватало призовых денег. Сейчас же невнимательный казначей не заметит таких расходов, даже трижды проверив счета. И в любом случае, если речь идет об орудиях и стрельбе, нужно учитывать огромную экономию, полученную благодаря знаниям Тома Пуллинга. Карронады не пришлось покупать.

Знания о сухопутном мире Тома Пуллинга не превосходили таковые его капитана, и его тоже жестоко обманывали. Зато он прекрасно знал то, что можно назвать «миром куликов» — мелких и средних чиновников, живущих одной ногой на берегу, другой — в море; начальников портов и их помощников, деятелей из флотской коллегии и артиллерийско-технического комитета и тому подобных. Хотя в обычных вопросах Том поступал честно, как восходящее солнце, на правительственное имущество, как и большинство друзей, он смотрел совершенно по-другому.

Он отправился вместе со Стивеном, когда «Сюрприз» продавали со службы, он пировал со многими знакомыми в порту. Когда он точно узнал о будущей судьбе фрегата, то в частном порядке поговорил с ответственными лицами, отметив, что орудия у него безнадежно устарели, на другой корабль их не установишь, второе утолщение на казенной части ствола и обод дула не соответствуют уставным. Его бы не удивило, что с таким износом они совсем в плохом состоянии, металл устал и годны лишь на переплавку.

Его друзья прекрасно все поняли, и хотя, на самом деле, в стоимость «Сюрприза» не входили пушки, в Шелмерстон он, в порядке компенсации,

уносил еще и полный набор столь же «дефектных» карронад. Сейчас они составляли малую часть ста шестидесяти тонн его балласта, уложенные довольно высоко, чтобы поддержать остойчивость.

— Нет, ну правда, — улыбнулся Джек, — представление о морали на службе странное, иногда мне самому сложно его определить. Думаю, почти каждый моряк знает, где провести черту между наказуемым каппабаром и традиционным дружеским разделом. Да и Том достаточно выложил, чтобы никто не считал себя обворованным — по крайней мере, в плане металлолома. Так что ничего криминального в этой истории, думаю, нет. Но это напомнило мне про другой вопрос — наказания на частном военном корабле. Знаешь же, что я думаю о порке — ненавижу отдавать подобные приказы. Я хотел было последовать довольно обыденной на подобных кораблях традиции — пусть матросы сами определяют наказание.

— Как мне кажется, они вряд ли буду суровыми к сослуживцам.

— Но, знаешь ли, они суровы. Во время мятежей девяносто седьмого матросы поддерживали на восставших кораблях строгий порядок, и если кто неподобающе себя вел — имею в виду, по их мнению — то устанавливали решетку. Две, три и даже четыре дюжины плетей назначались не так уж редко.

— Как я понимаю, ты все-таки решил не в пользу этого правила.

— Именно так. Мне пришло в голову, что если между старыми и новыми матросами начнется вражда, а ты же знаешь, как тяжело поначалу притереться друг к другу смешанной команде, то раз уж придется наказывать старого «сюрпризовца», то его ждет очень суровая порка. Будь я проклят, коль моих людей посмеют так пороть.

— Будем надеяться, что постоянная стрельба из орудий их подружит. Я заметил, что сильный шум и активность придают бодрость духу и спланивают людей.

Сильного шума и активности хирург «Сюрприза» и его помощник получили в последующие дни сполна. Джек поймал Стивена на слове, и не только позднюю часть утренней вахты отдали под практическую стрельбу, но вечерние часы также заставляли корабль с очищенной к бою палубой, грохочущим — иногда даже стреляющим с обоих бортов одновременно, выбрасывающим пламя из темного облака дыма, словно рукотворный вулкан.

Мартин и Мэтьюрин — тихие люди, они не любили чудовищный шум, не просто ужасный грохот последовательных взрывов, но рев орудийных станков, стремящихся то вперед, то назад, и всеобщий топот ног,

носящихся между орудиями, артиллерийскими погребами и снарядными ящиками. Обоим не нравились орудия убийства сами по себе, но особенно негодовали они от того, что боевая тревога продолжалась даже в последнюю полувахту ^[9] — как раз когда корабль вошел в воды, интересные с точки зрения натуралиста.

«Сюрприз» не только ревел так дьявольски, что ни одна птица, медуза или пелагический краб не собирались держаться в зоне видимости, но и врачей вынуждали ограничиться орлопом, их местом по боевому расписанию. Их помощь требовалась и на учениях — многих неудачников привели или даже принесли вниз с ожогами, ссадинами, сломанными пальцами рук и ног и даже со сломанной ногой.

Иногда Стивен по трапам выбирался в главный люк и таращился туда-сюда на оживленную палубу. Его сердце грело зрелище Джека Обри, спешащего от орудия к орудю, иногда агрессивно освещенного вспышками пламени, иногда кажущегося высоким привидением. Он раздавал советы расчетам спокойным, совершенно уверенным ревом, загоняя неуклюжих матросов на их места, иногда впрягаясь в пушечные тали, чтобы накатить орудие, иногда с помощью лома наводя его. Все это он проделывал с пылким напряженным вниманием, а когда выстрел попадал в цель и расчет ликовал, на его лице проступало суровое удовлетворение.

Напряженная работа, очень правдоподобная имитация настоящего боя. Из пушек стреляли так часто, что они перегревались и становились своенравными, подпрыгивая и откатываясь со страшной силой.

Один раз «Прыгучий Билли» порвал одновременно и боковые тросы, и задние тали. С зюйд-веста шло сильное волнение, и вся смертоносная масса орудия и станка понеслась бы неуправляемо по палубе, если бы невероятно сильный Падин не удержал пушку вымбовкой, пока его товарищи закрепляли орудие. Работали они так быстро, как могли, но все это время Падину пришлось стоять с уже ободранной рукой, прижатой к раскаленному стволу — настолько раскаленному, что его кровь шипела, стекая по металлу.

Бонден, командовавший расчетом, отвел его вниз, открыто плачущего от боли. Слышно было, как он успокаивает Падину громким разборчивым голосом, предназначенным для инвалидов, иностранцев и буйных (Падин в этот момент попадал во все три категории): «Не бойся, приятель, доктор быстро тебя вылечит — ну ты и храбрый парень — а несет от тебя как от бифштекса — рискну сказать, он спасет тебе чертову руку — уж от боли точно избавит». И, потянувшись (Падин значительно превосходил Бондена

ростом), аккуратно вытер слезы с его щек.

С болью, и очень острой, доктор справился опасной дозой лауданума, спиртовой настойки опиума, одного из наиболее ценимых им лекарств.

— Здесь, — сказал он на латыни своему помощнику, держа в руках бутылку янтарной жидкости — содержится самое близкое к панацее средство из известных. Периодически использую его сам. Прекрасно помогает при бессоннице, патологической тревожности, боли при ранениях, зубной боли, головной боли и даже при мигрени. — Он мог бы добавить в список душевную боль, но продолжил: — Как вы заметили, я подобрал дозу, исходя из веса страдающего и силы его страданий.

Сейчас, с благословения Господа, вы увидите, как лицо Падина вернется к выражению обычного доброжелательного благодушия, а несколько минут спустя он незаметно соскользнет на грань опиумной комы. Самый ценный препарат во всей фармакопее.

— Я в этом уверен. Но разве у приема опиума нет противопоказаний? Разве не может образоваться зависимость?

— Возражения высказывают только некоторые несчастные, в основном янсенисты [\[10\]](#) — они также осуждают вино, хорошую еду, музыку, компанию женщин и, ради всего святого, выступают против кофе! Подобные возражения верны только касательно немногих бедных душ с мизерной силой воли. Они с той же легкостью становятся жертвами опьяняющих жидкостей, практически моральные имбецилы. Они подвержены и другим формам моральной ущербности. Иначе вреда не больше, чем от курения табака.

Стивен плотно закрыл бесценную флягу, убедился, что в запасе есть еще пара оплетенных бутылей, из которых ее можно снова наполнить и продолжил:

— Уже некоторое время адский грохот прекратился, так что, может быть, мы сумеем подняться и выкурить по сигаре на четвердеке. Вряд ли кто-нибудь будет возражать против добавочного дыма, я думаю. Падин, ты как себя чувствуешь?

Падин, чей разум заглушила латынь, а боль — лекарство, улыбнулся, но ничего не ответил. Стивен с тем же результатом повторил вопрос по-ирландски, попросил Бондена аккуратно привязать раненого в гамаке, чтобы его поврежденная рука не болталась, и повел Мартина на четвердек.

Пустота там поразила Стивена, пока он не заметил мистера Веста, пристально взирающего на грот-марс с бизань-вант. На марсе капитан и Пуллингс держали свои подзорные трубы параллельно друг другу,

рассматривая что-то с наветренной стороны.

— Быть может, они увидели чеграву, — предположил Мартин. — Мистер Пуллингс заметил иллюстрацию в вашем Бюффоне — я его забыл раскрытым в кают-компании — и сказал, что, кажется, довольно часто встречал их в этих широтах.

— Давайте поднимемся по снастям и удивим их, — предложил Стивен, на которого внезапно нахлынуло необычное благодушие — прекрасный вечер, мягкий воздух, золотистое закатное небо и ярко-синие волны, белые по бортам и в кильватере.

Несколько старых «сюрпризовцев», все — бывшие пациенты Стивена, поспешили на корму вдоль шкафута, крича: «Не смотрите вниз, сэр — не цепляйтесь так за выбленки — держитесь за ванты, которые толстые, двумя руками — потихоньку, сэр — не шевелитесь на волнении, что бы ни делали». Встревоженные матросы помогали им карабкаться снизу, все выше и выше — очень высоко, потому что «Сюрприз» нес грот-мачту тридцатишестипушечного фрегата. Наконец-то два восторженных лица уставились на площадку марса сквозь «собачью дыру».

— Не дергайтесь, — воскликнул Обри, — Вы еще не обрели морскую поступь. Неподходящее время для беготни по снастям. Давайте руку.

Он вытащил Стивена и Мартина на платформу, и Стивен в очередной раз поразился его силе. Неполные девять стоунов Мэтьюрина — естественно, но Мартин-то гораздо более плотного телосложения. Но подняли его так же легко, как собаку за загривок — вытащили из «собачьей дыры» и поставили на ноги.

Наблюдали на марсе не за чегравой, а за парусом, причем недалеким.

— С каким апломбом все-таки эти восемнадцатипушечные шлюпы ходят, — проворчал Пуллингс. — Посмотрите, как несется! Сейчас еще мунсели поставят. Ставлю полкроны, что в течении пяти минут он лишится фор-брам-лиселя.

— Хотите взглянуть на него, сэр? — поинтересовался Джек, передавая Мартину подзорную трубу

Мартин приставил к ней единственный глаз, про себя отметил пролетевшего буревестника и после паузы воскликнул:

— Он стреляет! Я вижу дым! Конечно же, у него не хватит храбрости нас атаковать?

— Нет, нет, это один из наших. — Их достиг грохот выстрела. — Это сигнал нам лечь в дрейф.

— А нельзя ли симитировать глухоту и уйти в противоположном направлении? — поинтересовался Стивен, которого пугало еще одно

столкновение с королевскими офицерами.

— Большинство частных военных кораблей избегают своих государственных собратьев, если могут идти быстрее, — ответил Джек, — и такая мысль меня посетила в первую очередь. Но курс он сменил очень быстро, сразу на пять румбов, это значит, что нас узнали. Если мы не ляжем в дрейф после выстрела, а вот и второй, и если о нас доложат, мы можем и каперский патент потерять. «Сюрприз» чертовски легко узнать из-за этой необычной грот-мачты — заметен за десять миль, что твой надутый индюк. Том, наверное, для обычного крейсирования нужно поставить запасную короткую брам-стенгу, а эту всегда можем вернуть на место в случае погони.

Пуллингс не ответил — он все ниже и ниже склонялся над подозрной трубой, лежащей на поручне марса, чтобы лучше ее сфокусировать, и наконец воскликнул:

— Сэр, сэр, это «Тартарус»!

Джек забрал подозрную трубу и через секунду тем, что у него считалось счастливым голосом, подтвердил:

— Так и есть. Можно разглядеть бредовый ярко-синий галс-боканец.

Последовал еще один выстрел, и Джек продолжил:

— Показывает свой номер. Сейчас будет передавать сигнал. Уильям всегда хорошо управлялся с сигнальными флагами.

Он позвал вахтенного офицера вниз:

— Мистер Вест, мы сблизимся со шлюпом на всех парусах, и пусть сигнальный старшина приготовится. Точно — вернулся он к соседям по грот-марсу, когда шлюп расцветился линией флагов. — живо подняли. Том, рискну предположить, что ты их можешь прочесть без сигнальной книги?

Пуллингс у Джека служил сигнальным лейтенантом, и большую часть списка сигналов знал наизусть.

— Попробую, сэр. — И медленно начал читать: — Добро пожаловать... повтор добро пожаловать... рады видеть... прошу капитана отужинать... имею сообщение... надеюсь... теперь телеграфирует Д О Г... сигнальный мичман у них безграмотный.

На квартердеке помощник сигнального старшины, шелмерстонец, спросил:

— Что бриг имеет в виду, сигналя Д О Г?

— Они имеют в виду нашего доктора. Он не какой-нибудь там два-пенса-за-визит полубрадобрей-полухирург. Нет, он настоящий врач с дипломом, в парике и с тростью с золотым набалдашником.

— А я и не знал, — удивился шелмерстонец, уставившись на марс.

— Многого ты еще не знаешь, приятель — отозвался старшина, впрочем, беззлобно.

— Приближающимся судном командует мистер Баббингтон, — объяснил Стивен Мартину. — Вы же помните мистера Баббингтона по партии в крикет?

— О да. Он сделал несколько рывков, прекрасно рассчитанных по времени, и вы мне рассказывали, что он играл за Хэмблдон. Буду очень рад снова его видеть.

Чуть позже он его увидел. Корабли дрейфовали под обстетенными марсеями, не очень близко из-за усиливающегося волнения. «Тартарус» крайне вежливо зашел с подветренной стороны фрегата. Его капитан, с красным от радости и усилий лицом, уговаривал Джека не поднимать свою шлюпку со шлюпочных ростров — у «Тартаруса» есть шлюпбалки, катер можно спустить за долю секунды.

— Буду очень благодарен, Уильям, — заверил Джек, с легкостью перекрывая голосом сотню ярдов моря. — Но визит будет коротким. Мне надо идти на зюйд, а погода может ухудшиться.

Катер коснулся воды, гостей перевезли к «Тартарусу», и Джек, забыв на секунду, что не может отдавать приказы, указал мичману: — Левый борт, пожалуйста.

Это означало бы подъем без церемоний. Но он собрался с мыслями, когда шлюпка зацепилась за борт, и пропустил вперед Пуллингса и Стивена — офицеров на королевской службе.

Секундное замешательство потонуло в визгливом возмущении доктора Мэтьюрина по поводу боцманской люльки, которую спустили, чтобы поднять его на борт сухим и без лишних тревог. «Что за оскорбительное отличие? — завопил он. — Разве я не просолённый морской волк?» Но тон его голоса полностью сменился, когда на палубе его встретил старый сослуживец Джеймс Моуэт.

— Джеймс Моуэт, вот счастье! Как я рад вас видеть. Но что вы здесь делаете? Я думал, вас назначили первым лейтенантом на «Илластриус».

— Так и есть, сэр. Уильям Баббингтон всего лишь подбросит меня до Гибралтара.

— Разумеется, разумеется. Расскажите, как поживает ваша книга?

Исключительно радостное лицо Моуэта несколько омрачилось.

— Что ж, сэр, издатели дьявольски...

Но Баббингтон вмешался, чтобы поприветствовать доктора на борту, и в конце концов, смеясь и болтая, привел всех в каюту. Там они застали

миссис Рэй — довольно коротконогую смуглую молодую леди, сейчас очень мило покрасневшую от смущения, смеси переживаний из-за того, что ее здесь увидели, и радости от того, кого она увидела.

Никого это особо не удивило. Все присутствующие хорошо знали друг друга много лет — трое младших делили мичманскую берлогу на первом корабле Джека Обри. И все знали, что Баббингтон гораздо сильнее привязан к Фанни Харт (как ее звали в девичестве), чем к любой другой из своих бесчисленных пассий.

Быть может, выходить в открытое море с женой исполняющего обязанности второго секретаря Совета Адмиралтейства и чересчур. Но все знали, что Баббингтон богат, а у его семьи достаточно голосов в Парламенте, чтобы защитить от любых обвинений, не связанных с тяжелой некомпетентностью. Все к тому же имели хотя бы некоторое представление о репутации Рэя. Только Фанни оказалась по-настоящему удивлена, озадачена и обеспокоена. Она особенно боялась мистера Обри и села как можно дальше от него, укрывшись за Стивеном в углу.

Сквозь гул голосов Стивен слышал, как она шепчет:

— Странно это все выглядит, не правда ли, почти компрометирующе, так далеко от берега — чувствую себя не очень комфортно — путешествую, чтобы поправить здоровье — доктор Гордон прямо-таки настаивал на морском плавании — конечно, вместе с горничной. Господи, о да — так рада видеть, что у бедного капитана Обри дела идут неплохо, хотя, Боже ты мой, что бедняге пришлось пережить, он выглядит постаревшим, кто бы удивился — стоит ли мне сесть с ним за ужином? У Уильяма есть письмо от жены, может, оно его задобрит.

— Дорогая Фанни, он не нуждается в задабривании. Вы ему всегда нравились, даже если бы и было за что кидать камни, он бы не потянулся за ними. Но скажите мне вот что. Последний раз, когда мы говорили про капитана Баббингтона, вы его назвали Чарльзом, что меня озадачило. Хотя наверняка у него несколько имен и он предпочитает это.

— Нет, нет, — снова засмущалась Фанни — я в тот день все путала, мой ум, если его вообще так можно назвать, весь в беспокойстве. Мы незадолго до того побывали на маскараде у миссис Грэхэм. Я вырядилась горской пастушкой, а Уильям — Молодым претендентом ^[11]. Как же мы веселились, о Господи! Так что я продолжала звать его Чарльзом еще несколько дней подряд — как же ему шла шотландская юбка.

Вы меня принимаете наверное за жалкую дурочку, но я невероятно рада слышать, что нравлюсь капитану. Я сяду рядом с ним за ужином, не переживая. Господи, как я надеюсь, что пудинг на сале не окажется сырым.

Уильям говорит, что для капитана это так важно. Он клянется, что его можно приготовить за мгновение в скороварке Папена [\[12\]](#), но во времена моего детства на пудинги всегда уходили часы.

Ужин прошел весело, со смехом и болтовней, и чисто с плотской точки зрения оказался крайне привлекательным после спартанской кухни «Сюрприза». Пока что не нашли кока ни для капитана, ни для кают-компаний. Джек не сделал персональных запасов из экономии, Стивен по забывчивости, а кают-компания — из-за полнейшей нищеты. Питались они корабельными припасами, и поскольку корабль все еще оставался в домашних водах, пили не грог, а слабое пиво, мутнеющее и прокисающее с каждым днем. Единственной роскошью в капитанской каюте оставались завтраки, о которых Киллик позаботился самостоятельно.

Во время еды Баббингтон рассказал, как «Тартарус» два дня и ночь гнался за невероятно быстроходной американской шхуной, наверняка прорывавшей блокаду, стремящейся в Брест или Лорьян.

— Я установил счалки и перлины, как вы обычно делаете, — поведал Баббингтон, — и мы обязательно ее нагнали бы, если бы шкаторины обоих марселей одновременно не сорвались с ликтросов. Но мы все же отогнали ее миль на триста-четыре к югу от курса, и ей придется проделать весь этот путь обратно, прежде чем команда увидит берега Франции.

— Мистер Моуэт, — напомнил Стивен во время паузы, когда со стола убрали, чтобы освободить место для пудинга и соответствующих вин — фронтиньяка и канарской мадеры, — вы рассказывали об издателях.

— Да, сэр. Я хотел сказать, что они чертовы прокрастинаторы.

— Ох, какой ужас! — воскликнула Фанни. — Они ходят в... особые дома, или...

— Имеется в виду, что они все затягивают, — успокоил ее Баббингтон.

— А...

— Именно. Книгу предполагали выпустить к Славному Первому Июня, потом отложили на день Трафальгарской битвы, а теперь уверяют, что ничего кроме годовщины Кампердауна публику не устроит. Но преимущество в этом тоже есть — можно отшлифовать уже написанное и добавить кое-что новое.

— Познакомьте нас с новой поэмой, Моуэт, — попросил Пуллингс.

— Пожалуйста, — поддержали Баббингтон и Фанни.

— Ну, — отозвался Моуэт со смесью удовольствия и скромности. — Она довольно длинная. Так что, если можно, мэм, — кивая в сторону Фанни, — я прочитаю только последние строфы. Она о битве, и эти строки

должны показать самый разгар кровавой бойни.

Над бездной как на крыльях мчались,

Все ближе и ближе эскадры сближались.

«Очистить палубу», — тут боцман закричал.

«Очистить палубу», — закуток каждый отвечал.

Незванный страх с лица согнал их краску.

Все замерли в едином изумленьи,

В тиши могильной и в одном стремленьи.

Его на секунду прервал взрыв где-то ближе к носу, подозрительно похожий на выстрел двенадцатифунтовки.

Косой своею смерть по кораблям метет,

На каждой на корме уже кого-то ждет.

А демоны резни в кровавом наводнении

Губами чавкают и из реки кровавой пьют.

— Сэр, если позволите, — воскликнул высокий, побледневший и напуганный мичман из дверей каюты. — Вахта мистера Корнуолиса, и скороварка взорвалась.

— Никто не пострадал? — уточнил Баббингтон, вставая.

— Никто не убит, сэр, я думаю, но...

— Простите, — извинился Баббингтон перед гостями, — я должен сам посмотреть, в чем дело.

— Ненавижу все эти иностранные изобретения, — проворчала Фанни во время тревожной паузы.

— Никто не убит, — рассказал Баббингтон по возвращении, — и хирург уверяет, что ожоги ерундовые, полностью заживут за месяц или около того, но я с глубоким сожалением вынужден сообщить вам, сэр, что пудинг равномерно размазало по коку, его помощнику и подволоку. Они решили, что если положить утюг на предохранительный клапан, пудинг приготовится быстрее.

— Жалко, что так вышло с пудингом, — заметил Джек, когда они вернулись в кормовую каюту «Сюрприза», — но в целом, я редко когда так наслаждался ужином. И хотя Фанни Харт — ни Сцилла, ни Харибда, но друг друга они обожают, и только это на самом деле что-то значит. По пути в Портсмут Уильям заглянул в Эшгроу, поинтересоваться у Софии, как дела. Она передала ему письмо на случай, если мы повстречаемся. Дома все хорошо, и даже моя теща — не такое тяжкое испытание, как можно подумать.

Она заявила, что со мной жестоко обошлись и мы с Софией заслуживаем ее полнейшее сочувствие. Не то чтобы она хотя бы на

секунду считала меня невиновным, но то, что, по ее мнению, я сделал, она полностью одобряет. Если бы ей дали такую возможность, она бы повторила этот трюк, как и любая женщина, движимая чувством долга касательно своих финансов... Ты же точно не «Марсельезу» подбираешь?

Стивен держал виолончель меж коленей и некоторое время уже очень тихо играл две-три фразы с вариациями — полусознательное музицирование, не мешавшее ни говорить, ни слушать.

— Нет. Это мелодия Моцарта, точнее, должна быть мелодия Моцарта. Она, без сомнения, крутилась в голове у того француза, который написал «Марсельезу». Но что-то от меня ускользает...

— Стивен, — воскликнул Джек, — ни одной ноты более, прошу тебя. Вспомнил, что ты имеешь в виду, только бы не упустить.

Он снял тканевый чехол с футляра скрипки, грубо настроился и сразу нащупал правильный мотив. Вскоре присоединился Стивен. Когда они оказались полностью удовлетворены, то остановились, настроили инструменты, передали туда-сюда канифоль и вернулись к основной теме, вариациям на нее, инверсиям. Вначале один принимался импровизировать, а другой подхватывал, потом они менялись и играли до тех пор, пока внезапный крен на подветренный борт едва не выбросил Стивена из кресла, а его виолончель не издала мрачный вопль.

Он снова сел, струны и смычок не пострадали, но свободно текущий ритм разрушился, и они больше не играли.

— Все равно неплохо, — заметил Джек, — я скоро вообще к чертям слух потеряю. Во время артиллерийских учений бегаю туда-сюда без остановки, делая то, на что обычно есть полдюжины мичманов у орудий. В жизни не думал, что эти маленькие дикари такие полезные. Теперь выжат, как лимон. Держись крепче, Стивен, — воскликнул он, поймав доктора, когда тот снова упал, на этот раз из стоячей позиции. — Где твоя морская поступь?

— Дело вовсе не в ней, — начал оправдываться Стивен, — корабль движется дико и разнузданно. В таких условиях и крокодил бы упал, если у него нет крыльев.

— Я предупреждал, что ночь будет тяжелой. — подтвердил Джек, подойдя к барометру. — Но возможно, она окажется еще тяжелей, чем я думал. Лучше бы приготовиться к шторму. Киллик, Киллик, сюда!

— Сэр? — Киллик появился немедленно, с куском плюсованной ткани под мышкой.

— Запри виолончель доктора и мою скрипку в хлебной кладовой вместе с этой штуковиной.

— Так точно, сэр. Виолончель доктора и вашу скрипку в хлебную кладовую вместе с объектом.

Вскоре после свадьбы Диана подарила Стивену невероятный, но безымянный образец мастерства и изобретательности краснодеревщиков. Он мог выступать в роли пюпитра (обычно так и использовался), но различные рычаги и створки превращали его в умывальник, маленький, но вполне пригодный письменный стол, медицинский ящик и книжный шкаф. В нем нашлось место для семи секретных отделений, астролябии, солнечных часов, вечного календаря и даже для набора граненых бутылочек, а также щеток и расчесок из слоновой кости. Но больше всего радовало Киллика то, что петли, накладки на замочные скважины, прижимные пружины, плашки ручек, запорные крышки и прочая фурнитура сделаны из золота.

Об этой штуке Киллик заботился словно идолопоклонник — плюсованная ткань была лишь одним внутренним чехлом из трех, предназначенных для плохой погоды. Употребляемое капитаном название Киллик считал неподходящим, неуважительным и неуместным. «Объект» — вот правильное слово, которое даже близко не связано с ночными горшками, а наоборот — со святостью, с реликвиями. Долгие годы Киллик пытался всех приучить именно к этому слову.

Джек постоял немного, с легкостью подстраиваясь под переменчивую бортовую и килевую качку. Губы его сложились будто бы для свиста, но на деле ум его занимала не музыка, а серия расчетов их местоположения, течений, силы ветра и изменяющегося атмосферного давления — сейчас и по опыту многочисленных подобных ситуаций в этой части Атлантики.

Он надел бушлат, поднялся на квартердек и второй раз оценил ситуацию, уже более инстинктивно, напрямую воспринимая морской ветер. Брам-стенги уже спустили на палубу, задраили люки, установили заглушки на иллюминаторы и дважды закрепили шлюпки на рострах.

— Когда вызовут вахту левого борта, пусть зарифят марсели. Позовите меня, если ветер переменится, — приказал он Дэвиджу. — Вас сменяет капитан Пуллингс?

— Да, сэр.

— Тогда передайте ему мои распоряжения. Спокойной ночи, мистер Дэвидж.

— Спокойной ночи, сэр.

В каюте он заметил:

— Кажется, это может быть тот шквал, про который я говорил, утверждая, что бой или шторм замечательно помогает сработаться

смешанной команде. Стоило же мне трепаться как дурачку. Я же не желал по-настоящему жестокого шторма.

— Пра-пра-прабабушка моего крестного жила в Авиле, в доме, который я покажу тебе и Софии, когда кончится война. Она лично знала святую Терезу, и святая ей как-то сказала, что больше слез пролито над сбывшимися молитвами, чем над теми, которые не услышаны.

Глава третья

Буря и вправду оказалась такой, что нарочно не пожелаешь. Ветер все усиливался и заходил, пока на третий день не дошел до ост-норд-оста. Так он сильно задувал две полных вахты, не меняясь ни на румб. Но потом, когда «Сюрприз» шел под полностью зарифленными фоком и штормовым бизань-стакселем, ветер начал менять направление и постоянно сбивать корабль с курса, да еще и усилился.

К этому времени, ближе к концу ночной вахты где-то в четвертом часу утра, когда дождь лил сплошной стеной, Том Пуллингс выбрался из койки, накинул штормовку и вскарабкался по трапу, чтобы посмотреть, как Дэвидж выводит корабль на ветер. Большая часть вахты пряталась на миделе, укрывшись от брызг, дождя и потоков воды под срезом полубака. Четырем рулевым и вахтенному офицеру, уцепившемуся позади них одной рукой за бизань-мачту, приходилось выдерживать удушающий поток, и они держали головы низко, чтобы иметь возможность дышать.

Дэвидж, опытный и способный моряк, знал в свое время чудовищные волны, но даже он ответил на вопрос Пуллингса (которому пришлось кричать ему прямо в ухо с руками, сложенными рупором): «Довольно хорошо сэр, спасибо. Но я подумываю позвать капитана. Каждый раз, когда корабль немного приводится к ветру, руль вроде как вибрирует, будто бы штуртросы соскакивают или износились».

Пуллингс протолкнулся среди рулевых (так получилось, что исключительно шелмерстонцев), сжал рукояти, подождал, пока «Сюрприз» приведет к ветру и сильные волны ударом направят нос в подветренную сторону, почувствовал привычное запаздывание, улыбнулся и крикнул:

— Всего лишь одна из мелких проделок фрегата в такую погоду. Так происходит всегда. Можно оставить капитана в покое.

Внезапно очень длинная и яркая череда молний осветила низкие темные тучи и залитый водой корабль. Чудовищный раскат грома проревел едва ли не на расстоянии вытянутой руки. И без малейшего предупреждения ветер сменил направление, натянув стаксель до грани разрыва и повернув «Сюрприз» на четыре румба к ветру, бросив на гигантские волны с огромной скоростью. Первый раз корабль нырнул так, что весь полубак оказался глубоко под зеленой водой. Килевая качка достигла такой силы и размаха, что Джека, спавшего мертвым сном в

подвесной койке после тридцати шести часов на палубе, со всей силы ударило прямо о бимсы над головой.

«Вряд ли мы встанем на ровный киль», — пробормотал себе под нос Пуллингс. Свет компасной лампы выхватывал такое же мрачное ожидание конца на лицах рулевых. Все происходило будто в замедленном темпе: бушприт и часть полубака поднялись, темные, будто кит в белой пене, чудовищный поток воды, залив мидель, ринулся на корму, затапливая кварталдек и снося переборки.

Практически непрерывные молнии высвечивали группки вахтенных, хватающихся за давно натянутые между пушек от носа до кормы спасательные леера. Еще до того, как вода стекла по шпигатам кварталдека, Джек Обри в ночной рубашке выскочил по трапу на палубу.

— Корабль слушается руля? — прокричал Обри, и, не дождавшись ответа, схватился за штурвал. Последовательность трудно уловимых вибраций между напором последовательных волн на руль дала ему понять, что все в порядке. Корабль слушается руля как всегда. Когда он бросил взгляд на компас, то стекающая на стекло кровь окрасила свет компасной лампы красным.

— Вы ранены, сэр, — беспокоился Пуллингс.

— К черту, — отозвался Джек, налегая на штурвал, чтобы обезветрить паруса — Подтяните фок. Вперед, поживее! На фок-гитовы!

Оказалось, что это последний из наиболее жестоких капризов бури. Со сменой вахты ветер, снова задув с ост-норд-оста, очистил луну от облаков, и открылось довольно-таки мрачное зрелище. Утлегарь, блинда-рей и боканцы снесло за борт, бушприт и фока-рей треснули, бизань-гик сломан и порвана немалая часть такелажа. Зрелище мрачное, но не безнадежное: никого не смыло, в трюме набралось не так уж много воды. Пусть капитанская каюта оказалась пустой, сырой, аскетичной и после потери переборки лишенной всяческой приватности, но к завтраку корабль шел на приличных пяти узлах под одними марселями, а умеренный ветер слабел. На камбузе вовсю растопили плиту, а Киллик спас из трюма кофемолку — ее туда забросило бездумной волной, когда помощник плотника спустился проверить уровень воды в льяле.

— Корабль слушается руля? — прокричал Обри, и, не дождавшись ответа, схватился за штурвал.

Один глаз Джека Обри закрывала окровавленная повязка. Свои длинные соломенные волосы он обычно носил аккуратно заплетенными и завязанными широкой лентой на затылке, но пока не нашел времени смыть с них свернувшуюся кровь. Закостеневшие локоны торчали во все стороны, придавая ему совершенно нечеловеческий вид. Джек радовался тому, как

повела себя команда — никакого нытья насчет уменьшенных рационов (три дня исключительно на галетах, сыре и слабом пиве), никто не пятился при команде подняться наверх, никакого отлынивания на нижних палубах, никаких недовольных взглядов. Открытый глаз Обри смотрел на мир благосклонно.

— Примечательный факт, — отметил он за завтраком, — за долгие годы в море я ни разу не встречал некомпетентного плотника. Боцманы — о да, они часто становятся тиранами, из-за таких трудно иметь дело с матросами. Канониры тоже — их невозможно заставить принять хотя бы малейшие новшества. Но не плотники: они, кажется, рождаются для этой профессии. Наш мистер Бентли уже почти закончил левобортный боканец и укрепил накладками бушприт, мы теперь можем... какого дьявола они там орут на шкафуте?

Изогнувшись и бросив взгляд вдоль свеса квартердека, он разглядел матросов, посланных чинить шлюпочные найтовы. Они стояли и перекрикивались с впередсмотрящим на топ-мачте.

— Прошу прощения, что не постучал, — извинился прибежавший Пуллингс, — но стучать не по чему. Парус, сэр, с подветренной стороны, корпус пока не виден.

— Корпус за горизонтом? Тогда успеем допить кофе, — успокоился Джек. — Присаживайся Том, дай я тебе налью чашечку. На вкус он немного странный, но хотя бы горячий и мокрый.

— Горячий и мокрый, так точно, — ответил Пуллингс и спросил у Мэтьюрина: — Боюсь, вам пришлось пережить довольно утомительную ночь, доктор. Ваша каюта, извините за выражение, в полной разрухе.

— Некоторое время я сильно беспокоился, признаюсь, — отозвался Стивен. — Мне сквозь сон показалось, будто какая-то преступная рука оставила дверь открытой, дабы подставить меня под потоки воды. Но потом я понял, что двери нет вообще, успокоился и заснул.

Сразу после завтрака на «Сюрпризе» установили брам-стенъги. Скоро стало ясно, что преследуемое судно особой ценности не представляет, но Джек все равно стал методично поднимать паруса, пока фрегат не начал отбрасывать славный бурун и вода не запела вдоль бортов длинной волной, рисуя такой прямой и мощный кильватерный след, будто корабль гнался за манильским галеоном. Ветер задувал со скулы правого борта, и появилась возможность поставить лисели.

Первый раз после выхода из Шелмерстона Джек по-настоящему гнал корабль, первый раз новые матросы увидели, на что способен «Сюрприз». Скорость радовала всех на борту, и не только скорость, но и благородство

корабля — то, как он принимал волны носом и отбрасывал их в стороны.

Хотя ветер слегка утих, зато теперь он дул поперек течения и зыби, закручивая ее в скверной манере, но корабль мчался по коротким, неровным волнам так мягко, как только можно. На четырех склянках утренней вахты бросили лаг, показавший чистых десять узлов, и фрегат охватило ликование.

Проблем ничто не предвещало, но Джек приказал свистать матросов на обед раньше обычного, вахту за вахтой. Большая часть вскоре вернулась на свои посты, доедая всё, что смогли унести, чтобы ничего не пропустить. Они, как выяснилось, преследовали искалеченное судно с косым парусным вооружением. Вероятность того, что это та самая шхуна, за которой гнался Баббингтон, росла с каждой минутой.

Фок-мачта у нее держалась прочно, с поднятым фоком, фор-марселем и неплохим набором стакселей, а команда отчаянно пыталась установить временную грот-мачту. Впустую: даже если бы успели поднять грот, их все равно бы довольно быстро догнали. Без повреждений и лавируя против ветра, шхуна обогнала «Тартарус», но покалеченная и по ветру соперничать с «Сюрпризом» не могла.

— Значит, это шхуна, — уточнил Мартин, стоя на полубаке. — Как это можно определить?

— У нее две мачты. Вторую как раз пытаются установить.

— Но у бригов, кечей, биландров [\[13\]](#), галиотов и доггеров [\[14\]](#) тоже две мачты. В чем разница?

— Средний и большой кроншнеп тоже в общем похожи и у обоих два крыла. Но для всех, кроме самых поверхностных наблюдателей, разница очевидна.

— Они отличаются размером, полосами вокруг глаз и голосом.

— Помимо голоса, примерно так же различаются эти двухмачтовые суда. Привычный взгляд, — заверил Стивен не без самодовольства, — сразу замечает аналоги полос вокруг глаз, больших кроющих перьев и перепончатых лап.

— Возможно, со временем я этому научусь. Но ведь есть еще люгеры, португальские рыболовные лодки и датские боты [\[15\]](#). — Поразмыслив над этим обстоятельством, Мартин продолжил: — Хотя довольно любопытно, что помимо нескольких ловцов сардин за мысом Лизард и двух военных кораблей, это первое судно, которое мы встретили на протяжении долгих дней. Припоминаю, что в водах Ла-Манша судоходство кипит — огромные конвои иногда растягиваются на мили, много и одиночных кораблей или

маленьких групп.

— Уверен, — ответил Мэтьюрин, — что для моряка пути через океан проложены в соответствии с ветрами и погодой, ими он следует с той же легкостью, как христианин может спуститься по Саквилл-стрит, пересечь мост Карлайл, пройти мимо колледжа Святой Троицы и прийти в Сант-Стивенс-Грин, это прибежище дриад, одна элегантнее другой. Капитан Обри, с другой стороны, потрудился избежать этих путей. Так же поступают и контрабандисты, на которых охотился тот неприятный тендер. Нет сомнений, что судно перед нами — одно из них.

В этом отношении Мэтьюрин ошибался. Шхуну точно строили с упором на скорость, и для перевозки контрабанды она отлично подходила, но взору более опытному, чем у доктора, открылось бы, что пока ее небольшой экипаж отчаянно трудился над вантами и грот-марса-реем, другая группа мужчин и три женщины собрались у кормовых поручней. Они махали руками и окликали фрегат — очевидная картина возвращенного трофея, точнее трофея, готового к возвращению.

«Сюрприз» подошел поближе и поравнялся со шхуной, забрав ветер из её парусов, выстрелил под ветер, и судно спустило флаг.

— Соплаватели, — громко обратился к экипажу Обри. — Вы все помните условия нашего договора. Если кто-то забудется настолько, что ограбит пленника или плохо с ним обойдется, или же разграбит шхуну, то его ссадят на берег. Спустить синий катер!

Но шхуна «Мерлин» оказалась не возвращенным трофеем. И что бы ее капитан (франкоговорящий американец из Луизианы) ни говорил, не входила она и в ряды независимых приватиров. По невероятно многословным, но все же согласующимся свидетельствам пленных стало ясно, что это консорть более мощного корабля — «Спартана», снаряженного франко-американским консорциумом, чтобы нападать на союзную торговлю с Вест-Индией.

Джек очень хорошо знал «Спартан» — преследовал его два дня и две ночи, в ясную, плохую и очень плохую погоду. Он высоко ценил мореходные навыки капитана приватира, но все равно его потрясла информация о том, что американец в этом плавании захватил как минимум пять призов. Его жертвами оказались два порт-рояльских судна с сахаром, отставших ночью от конвоя из-за своей медлительности, и три одиночных вест-индийца с гораздо более ценными грузами индиго, кофе, сандала, черного дерева, экстракта желтого дерева и мехов. Последние попробовали прорваться в одиночку, будучи хорошими ходоками.

Но еще больше удивило то, что все пять призов стояли на якоре в

гавани Орты, на Фаяле, пока их капитанов, несколько жен (тех капитанов, которые предпочли плавание с комфортом) и торговых агентов отправили во Францию на шхуне, дабы организовать уплату выкупа за них самих, суда и грузы.

— Господи, почему же он не помчался домой со всей скоростью, с такой-то великолепной добычей? — пытался понять Джек. — В жизни не слышал, чтобы частный корабль так преуспевал за один короткий поход, да и за длинный тоже.

Ответ оказался очевидным, но стал известен лишь вечером. Капитан шхуны не выдавал никакой информации, а его маленький экипаж и не мог проболтаться, будучи совершенно неосведомленным об общем плане. А Джек и Пуллингс слишком беспокоились о бывших пленниках, нынешних пленниках и ремонте трофея.

Американский капитан, торговцы и их жены поднялись на борт «Сюрприза», и в нормальных условиях хотя бы из вежливости Джек пригласил бы их на обед — быстро приближался офицерский час. Но сейчас у него не было ни каюты, чтобы принимать гостей, ни хоть каких-то запасов, чтобы накормить их в том случае, если бы каюта существовала.

— Мистер Дюпон, — обратился он к американскому капитану, которого отвел на корму, чтобы в относительном уединении посмотреть документы «Мерлина», — вы можете сделать мне огромное одолжение, если пожелаете.

— Я рад сделать все, что в моей власти, сэр, — ответил Дюпон, с сомнением разглядывая фигуру перед ним. Капитаны приватиров заслуженно славились своей жестокой жадностью, а Джек Обри — высокий, мрачный, неумытый, со светлой щетиной на небритом лице, окровавленной повязкой (рана из-за суматохи снова открылась), и заостренными от крови волосами, которые все еще болтались, как ужасно покрашенный женский парик — заставил жен купцов отпрянуть в ужасе, как бы они ни были привычны к морю. — Все, что в моих скромных силах.

— Дело в том, что у нас мало провизии. Мне будет стыдно за корабль и за себя, если я предложу вам и дамам обед из солонины, сушеного гороха и такого слабого пива, что его едва можно пить.

— Я в вашем полном распоряжении, прошу вас, — воскликнул Дюпон, приготовившийся к гораздо худшему. — Запасы у меня довольно обширные, хотя чай почти кончился. И хотя кок у меня черный, кое-что он умеет. Я его купил у человека, который прямо-таки поклонялся своему брюху.

Конечно, это поклонение ложным богам, но после такой бури и многих дней почти на одних галетах капитан и офицеры «Сюрприза» сочли, что в этом что-то есть. Даже гости приятно удивились — хотя черный кок и раньше всегда их хорошо обслуживал, но сейчас раскрыл все свои таланты. От его волована ^[16] у дам глаза на лоб полезли, а яблочный пирог словно готовили на кухне «Флэдонга».

«Сюрпризовцы» приписали такой эффект счастью и благодарности — когда кок переправился на фрегат, Киллик (как капитанский стюард, естественно отвечавший за такие дела), взял его за руку и медленно прокричал в его недоуменное ухо: «Ты теперь свободный человек, кричи ура!», жестами показав освобождение из оков. Так он обозначил то, что, ступив на палубу британского корабля, чернокожий перестал быть рабом.

— Ты, — повторил Киллик, дотронувшись до его груди, — свободный человек.

— Простите, сэр. Меня зовут Смит.

Но из страха оскорбить кого-нибудь говорил он так тихо, да еще и среди радостных воплей, что его слова совершенно не повлияли на общественное мнение.

Пировали в кают-компании. Джек Обри, приглашенный и уважаемый, сидел за одним концом стола, Пуллингс — за другим. Когда обед наконец закончился, Стивен и его сосед справа вышли на подветренную сторону квартердека покурить маленькие бумажные сигары на испанский манер.

Общались они тоже по-испански. Собеседник Мэтьюрина, Хайме Гусман, выходец из Авилы в Старой Кастилии, владел частью кадисской фирмы, которая приобрела большую часть красящего экстракта желтого дерева на захваченном судне «Вильгельм и Мария». Он мог в определенной степени объясняться на деловом английском, но давно уже разругался со всеми товарищами по плену. Общительного по природе человека на долгие недели лишили могущества речи, и теперь он говорил с пугающим многословием.

— Эти женщины, ох, эти отвратительные, постыдные женщины, — жаловался он, выпуская дым изо рта и носа — не давали мне предаться моей слабости даже по пути в Америку. Циветты развратные. Но и без этого я нахожу их до глубины души невыносимыми. Одно время думал помочь им исправиться, но потом понял — тот, кто моет ослу голову, теряет впустую и мыло, и время. Никого из них бы не приняли в Авиле. Бабушка вашего крестного никогда бы не согласилась их принять.

Воспоминания об Авиле времен юности привели Гусмана к

размышлениям про город Альмаден, где его брат присматривал за деловой стороной ртутных шахт, и о Кадисе, где сейчас обитал испанец — печально безнравственном и опустевшем городе.

— Как и вы, дон Эстебан, — продолжал он, — я старый добрый христианин. Я обожаю окорок. Но если так можно сказать, во всем Кадисе окорока не найти. Почему? Потому что жители лишь прикидываются христианами, все они наполовину мавры или евреи. Дела с ними вести невозможно, как выяснил мой бедный брат. Они чудовищно нечестные, двуличные, скупые и, как большинство андалузцев, нечеловечески гонятся за прибылью.

— Кто хочет разбогатеть за год, будет повешен через полгода, — заметил Стивен.

— Их нельзя вешать слишком рано или слишком часто. Вот посмотрите на дело моего бедного брата. Разумеется, ртуть нужно посылать в Новый Свет. Без нее не отделишь золото от породы. Когда Англия и Испания воевали, ее переправляли фрегатами. Но их снова и снова захватывали из-за предательства порочных кадисских клерков. Они сообщают гибралтарским евреям время отбытия и даже точное число бурдюков — потому что вы должны знать, дон Эстебан, ртуть перевозят в бурдюках из овчины по половине английского центнера каждый.

Теперь ход войны изменился. Фрегатов свободных нет, не говоря уж о линейных кораблях. Так что мой бедный брат прождал несколько лет, под давлением и нападками со всех сторон, и нанял самого мощного и стоящего доверия приватира на побережье — корабль «Азул», примерно таких же размеров как ваш, чтобы отвезти сто пятьдесят тонн в Картахену. Сто пятьдесят тонн, дон Эстебан, шесть тысяч бурдюков! Вы можете представить шесть тысяч бурдюков ртути?

Они прошлись несколько раз по квартердеку, представляя в уме шесть тысяч бурдюков, и Гусман продолжил:

— Но боюсь, что та же порочность снова в деле. На «Спартане» отлично знают, что «Азул» отплыл восемь дней назад и должен зайти на Азоры. Вот чего он ждет. Может быть, уже и захватил. Но суть вот в чем — это я узнал, потому что юные офицеры на «Спартане» далеко не такие сдержанные, как мистер Дюпон — в конце месяца американский фрегат «Констительюшн» и шлюп пройдут мимо Азорских островов с юга. «Спартан» присоединится к ним и отправится в Штаты в безопасности.

Джек Обри обладал редкой добродетелью слушать не прерывая, и в этом случае даже дождался послесловия.

— Сообщаю тебе об этом, Джек, в том виде, в каком узнал. Есть

причины считать, что Гусман заблуждается насчет гибралтарских евреев — он с пламенным фанатизмом жаждет восстановления инквизиции — но вполне вероятно, что франко-американский концерн может узнать о грузе ртути. Считаю, что добросовестность Гусмана вряд ли стоит подвергать сомнениям. Что ты думаешь о его замечаниях насчет «Констительюшн»?

— Если кораблем все еще командует мистер Халл, то он явится настолько близко к назначенному времени, насколько это в человеческих силах. В их флоте у него репутация человека точного как часы. О бое даже и думать нечего — «Констительюшн» вооружен сорока четырьмя двадцатичетырехфунтовками, бортовой залп в семьсот шестьдесят восемь фунтов, и набор как у линейного корабля. Его прозвали «Железнобокий старик». Тем не менее...

Голос Джека затих, а перед внутренним взором предстала карта Атлантики между тридцать пятым и пятидесятым градусами северной широты, с Азорскими островами посередине. «Спартан» должен крейсировать между Сан-Мигелом и Санта-Марией, с наветренной стороны — дабы выиграть ветер у «Азула». В данное время года это значит к весту или норд-весту.

Недавняя буря могла заставить «Азул» дрейфовать, но могла и бросить вперед. С другой стороны, она почти наверняка задержала «Констительюшн», важный фактор в начинавшем принимать очертания плане. Нужно всего-то заставить «Спартан» поверить, что «Сюрприз» — это «Азул», по крайней мере настолько, чтобы дело дошло до схватки.

Даты, недавняя погода, возможная скорость эффективного, но не спешащего «Азула» и точное место «Сюрприза» выстроились в нужном порядке. Джек считал, что если ветер останется достаточно сильным и корабль сможет проходить сто двадцать пять миль в день, появлялась возможность успеть. Не слишком большая вероятность, но стоящая значительных усилий.

«Если ветер останется достаточно сильным». Барометр поднимался и опускался хаотично, прогноза не дожидаться. Значит, надо действовать без него, и прямо сейчас.

Стивен снова слышал слова «нельзя терять ни мгновения», и Джек побежал на палубу, приказать Пуллингсу заставить всех матросов чинить «Мерлин» с максимальной скоростью. Вернувшись, он попросил:

— Стивен, не будешь ли ты так добр переводить, пока я расспрашиваю джентльмена об «Азуле»?

Благодаря связям и роду занятий Гусман знал о кораблях гораздо больше, нежели обычные обитатели суши. Его сведения о том, что «Азул»

— трехмачтовый корабль с парусным оснащением барка и водоизмещением около пятисот тонн, оказались вполне убедительными. Таким же и оказалось описание внешности приватира — покрашен в красивый синий цвет, на котором черные крышки портов выглядят очень по-флотски. Эти слова заставили Джека серьезно задуматься.

Оснастить «Сюрприз» как барк несложно — всего-то снять бегин-рей и крюйс-марса-реи так, чтобы на бизани остались только косые паруса. Но плавание задумывалось как испытательное, и запасов взяли мало. Черные крышки орудийных портов — замечательно, они и так оставались черными, не отклоняясь от «нельсоновской клетки», но вот синие борта — совсем другое дело.

— Позовите мистера Бентли, — скомандовал Джек, и когда плотник явился, спросил: — Мистер Бентли, сколько у нас синей краски?

— Синей краски, сэр? Как раз хватит покрасить в пару слоев синий катер, но тонко, очень тонко.

Джек задумался на мгновение, и попросил Стивена:

— Пожалуйста, спроси, синий — светлый или темный.

Оказалось, что «Азул» — бледно-голубой, как раннее утреннее небо. Тогда он вернулся к плотнику и поинтересовался, как у них дела с белой краской. Ответ оказался столь же обескураживающим — короткий центнер с горкой.

— Ну что ж, — смирился Джек. — Придется сделать все, что можем. Скажите, мистер Бентли, как дела со шхуной?

— О, сэр, — сразу просиял плотник, — наша второсортная запасная фор-стенга с подтесаной пяткой и немного подрезанными пяртнерсами стала лучшей грот-мачтой, какую можно пожелать. Боцман сейчас крепит ванты, и как только закончит, можно установить довольно изящную стеньгу.

— Вы чрезвычайно заняты, мистер Бентли, вы и ваша команда?

— Заняты, сэр? Пчелам до нас далеко.

Пчелам было до них далеко и на следующий день — во время ночного хождения по палубе Джек наткнулся на решение проблемы изменения внешности «Сюрприза». Чтобы закрыть широкие черные полосы, нужно несколько толстых слоев синей краски, а всех их запасов не хватит и на один слой для половины борта. Один слой сработает на белом, но бесполезен на черном. Но можно покрасить парусину. Краска отлично ложится на белую парусину, и было бы желание — а по белому полотну даже немного синей краски хватит.

Как только «бездельников» подняли вместе с первыми лучами солнца,

Обри долго совещался с парусным мастером, пытаясь выяснить, что в парусной кладовой самое тонкое, белое и что меньше всего жалко. Придется пожертвовать несколькими кусками хорошей парусины номер восемь, но в основном они отобрали паршивую, тонкую материю, которой только брамсели или бом-брамсели чинить можно. «Сюрприз» продали со всем снаряжением, и эти паруса выцвели под солнцем и истончились до ниток в тихоокеанских тропиках во время последнего задания.

Когда палуба высохла — ничего кроме неизбежного боя не могло предотвратить уборку сияющего чистотой корабля — парусину растянули, обмерили, измерили снова, приложили к бортам, с великой точностью разметили, снова приложили к бортам и наконец-то разрезали и начали красить.

Под это занятие выделили тщательно прикрытый квартердек. С текущими волнением моря и требуемой скоростью и речи не шло о том, чтобы спустить люльки за борт, прибить ткань к бортам и красить ее на месте. Полубак слишком тесный, и в середине, с рострами и шлюпками на них, не повернешься, а шкафут постоянно занят. Ночью установилась переменчивая погода, но дул все еще достаточно сильный брамсельный ветер. Благоприятный ветер от норд-норд-оста зашел к весту, и чтобы удержаться на наиболее выгодном курсе, надо было идти в галфвинд (всего один румб позади траверза), для чего требовалось постоянно работать с брасами и булиями.

Так что когда Стивен поднялся на палубу, кормовая часть корабля оказалась необычно многолюдной и оживленной. Как обычно, он провел большую часть ночи, думая о Диане и разглядывая кристально ясные мысленные образы. Особенно тот, в котором она бросала лошадь через чудовищную ограду, перед которой многие мужчины повернули назад, а она пролетела через нее без остановки. Так что около двух часов ночи он прибег к своей обычной дозе, спал допоздна и вылез из койки осоловевшим.

Кофе его до какой-то степени оживил, и он бы посидел с ним подольше, если бы взгляд на часы не напомнил — прямо сейчас пора заняться своими обязанностями, присутствовать в лазарете, пока Падин, исполняющий обязанности санитаря, колотит у грот-мачты в медный таз и поет:

Все больные собирайтесь,

В лазарет скорей спускайтесь.

Пусть он жутко заикался в обычной речи, но пел довольно неплохо.

Но для начала Стивен собирался взглянуть на небо, пожелать

спутникам доброго утра и посмотреть, сопровождает ли их «Мерлин». Но он едва взобрался по трапу, едва заметил теплый день, ослепительный солнечный свет, ясное небо и груды ослепительно-белых парусов над головой, как крик всеобщего неодобрения смел улыбку с его лица.

— Сэр, сэр, сойдите с нее, сэр!

— Назад, доктор, Бога ради, назад!

— Он же сейчас в горшок свалится!

Новые матросы оказались столь же резкими, как и старые «сюрпризовцы», да еще и более грубыми — один из них обозвал Стивена «волоом неуклюжим». Они быстро поняли, что намечается, и ничто не могло превзойти их решимости вступить в бой со «Спартаном» и их стремления подготовиться к бою, каким бы гипотетическим он ни оставался.

— Одерживай! — скомандовал Джек, схватив доктора за локти. — Не шевелись. Падин, Падин, сюда. Неси новые ботинки доктору, ты меня слышишь?

Прибыли новые ботинки. Стивен переобулся, уставился на выкрашенные в синий полосы ткани, растянутые до кормовых поручней, на суровые, но постепенно смягчающиеся лица, обращенные к нему и извинился перед Джеком: «Ох, как мне жаль. Не надо было смотреть на небо». А через секунду: «Падин, кажется, опять лицо?»

Оно самое. Щека у бедняги так распухла, что кожа лоснилась, а отвечал Падин лишь тяжкими вздохами.

Пробило пять склянок. Падин постучал в таз и задушенным голосом пробормотал привычные слова. Но хотя на «Сюрпризе» и имелся обычный набор ипохондриков, происходившее на палубе оказалось столь интенсивным, искренним и целеустремленным, что в лазарет не явился никто кроме самого Падина. Стивен и Мартин печально посмотрели на него. Они подозревали ретенированный зуб мудрости, но поделаться ничего не могли. Так что доктор Мэтьюрин, замерив пульс Падина и снова заглянув ему в рот и в горло, отмерил щедрую дозу привычного лекарства, наложил на лицо повязку, похожую на кроличьи уши, и освободил пациента от несения службы.

— Для вас это практически панацея, — заметил Мартин, имея в виду лауданум.

— По крайней мере, он хоть что-то делает, — ответил Стивен, пожимая плечами и разводя руки. — Мы практически беспомощны... Я набрел на отличное слово на днях, до того мне неизвестное — психопаннихия, всеночный сон души. Рискну предположить, что оно вам

давно знакомо по занятиям теологией.

— Для меня оно ассоциируется с Гауденом [\[17\]](#). По-моему, он считал термин ошибочным.

— У меня оно ассоциируется с мыслями о комфорте, — поведал Стивен, поглаживая бутылку. — Глубоком, продолжительном комфорте. Хотя признаю, что не знаю, является ли подобное состояние здоровым учением или нет. Может быть, расположимся на полубаке? Не думаю, что они начнут докучать нам там.

Не докучали. Все оказались слишком заняты с парусиной и с тем, чтобы покрасить белую полосу с наветренного борта, по крайней мере к корме от фок-русленей, рискованно свешиваясь из орудийных портов. Солнце освещало полубак под углом одиннадцать-двенадцать градусов, приятно согревая после долгой и безотрадной английской зимы.

— Синее море, синее небо, белые облака, белые паруса, все сверкает — что может быть приятнее? — поинтересовался Стивен. — Немного пены от буруна не играет роли. Наоборот, даже освежает. А солнце прогревает прямо до костей.

После обеда — спешно сготовленного и спешно съеденного без особого аппетита — матросы вернулись к работе, а хирурги — к созерцанию, на этот раз с комфортом устроившись на запасных матах. «Мерлин», с рассвета почтительно идущий в кабельтове позади фрегата, теперь его обогнал, делая восемь узлов против шести «Сюрприза» — он мог идти гораздо круче к ветру. Когда они поравнялись бортами, призовой экипаж прокричал, что макрель ловится, только успевай затаскивать на борт.

Но даже возможность порыбачить — любимое матросское развлечение, особенно при сокращенных рационах — не отвлекла от работы. Несколько новичков разбирались в навигации, большинство старых «сюрпризовцев» неплохо представляли, где должен оказаться фрегат, чтобы перехватить «Спартан» вовремя. Все они видели, как офицеры замеряют высоту солнца в полдень. И все с огромным удовольствием слышали, как Дэвидж сообщил: «Двенадцать часов, сэр, если позволите, и сорок три градуса пятьдесят пять минут северной широты», на что капитан ответил: «Спасибо, мистер Дэвидж, отмечайте полдень».

Это означало, что если учитывать только широту, то им нужно пройти где-то шесть градусов за три дня. И хотя придется еще немного уйти на восток, но даже так со средней скоростью в пять узлов все должно получиться великолепно. А пока что лаг еще ни разу не показал меньше

шести узлов. Уже в четверг они могут вступить в бой, прибыльный бой. Только глупец будет уменьшать шансы сблизиться со «Спартаном» ради какой-то макрели, да еще и испанской.

Но даже так между двумя мазками кисти Бонден сбегал на нос с корзиной ручных крючковых снастей. Стивен и Мартин, поделив между собой клочки красного носового платка в качестве приманки, начали выдергивать рыб из воды. Они уже наполовину наполнили корзину, когда заметили преследующих макрель бонито, и предвкушали крупную рыбу, но тут раздался зловещий возглас «Человек за бортом!»

— Травить шкоты! — скомандовал Джек, перепрыгнув через окрашенную ткань к коечным сеткам.

Матросы с огромной скоростью, но все же крайне аккуратно бросились по местам, и в течении минуты всех оглушал грохот обвисающих и хлопающих парусов, выпускающих ветер — жуткий звук.

Джек поймал взглядом потерпевшего — одного из маляров, слишком сильно высунувшегося, и увидел, что он плывет. Также он заметил, что «Мерлин» круто заложил руль и спустил шлюпку с кормовых шлюп-балок. Он снова застегнул пуговицы (до того собирался сбросить одежду). «Обстенить фор-марсель» — приказал он, и «Сюрприз» сбавил ход — странное мертвенное ощущение после такой спешной ритмичной жизни.

Шлюпка с «Мерлина» со спасенным на борту догнала корабль и под яростные крики не касаться бортов зацепилась за корму. Пуллингс поднялся по трапу, потом за ним последовало несколько мешков, а затем — насквозь мокрый объект их хлопот — пожилой «сюрпризовец» Плейс, Джо Плейс. На борту ему оказались не рады, хотя со многими матросами на фрегате он дружил, а кое-кто приходился ему родней. Никто его и не поздравил со спасением.

— Рискну сказать, что увалень выронил заодно и свою кисть, — заявил один из сослуживцев, когда Плейс проходил мимо, встречаемый неодобрительными покачиваниями голов.

— Иди-ка лучше переоденься, Плейс, — холодно посоветовал Джек, — если твоя расточительность оставила тебе хотя бы смену сухой одежды.

Повысив голос, он отдал серию приказов, плавно вернувших кораблю ход — резкими движениями можно повредить брамсели. Хотя ветер уже отчетливо и неприятно слабел.

— Как он управляется, Том? — спросил Джек, кивнув в сторону «Мерлина».

— Так легко, как только можно пожелать. Сухой, идет круто к ветру и рулит сам по себе. Но, сэр, дамы свирепствуют. Требуют, чтобы их

немедленно доставили в Англию, заявляют, что доложат о нас, натравят на нас суд, что нас вышлют в Ботани-Бей.

— По-моему, я слышал их вопли, когда вы нас окликали насчет макрели. Можешь им сказать, что все скоро закончится. Дольше четверга мы не можем оставаться в открытом море, если не начнем есть ремни и подошвы. Завтра в любом случае сокращаю рационы в два раза. А даже если и останемся дольше, то вряд ли есть шанс найти нашу цель после четверга. Так что именно четверг — крайний срок, а может даже и слишком поздний.

— Что до ремней и подошв, сэр, я позволил себе доставить немного благ жизни в тех мешках. Это все добровольные пожертвования, — заверил Пуллингс, чувствуя на себе осторожный взгляд Джека и понимая, что в голову капитана вполне может прийти слово «разграбление».

— Спасибо, Том, — рассеянно поблагодарил Джек. Он прошел к носу, посвистел и поскреб бакштаг. — Если ветер снова задует с норда и усилится, как я надеюсь и о чем молюсь...

— Аминь, сэр, — поддержал Пуллингс, также скребя бакштаг.

— То мы можем оставить вас позади. Не ломись бездумно вперед, лишь бы не потерять нас из виду — не ставь ничего выше марселей. Координаты встречи — 37° 30' северной широты, 25° 30' западной долготы. И спасибо за всяческие блага.

— Так точно. сэр. 37° 30' северной широты, 25° 30' западной долготы, — подтвердил Пуллингс, перешагивая через кормовые поручни.

Но невзирая на свист и царапание бакштагов — а каждый моряк на борту счел необходимым последовать примеру капитана — ветер болезненно слабел весь день и всю ночь. «Мерлин», вместо того чтобы остаться далеко позади, с трудом не обгонял «Сюрприз» под единственным фоком с двумя рифами.

— Странное дело, — поделился мыслями Дэвидж в кают-компании, — но я готов был поклясться, что ветер по всем приметам сместится на север. Как и капитан, хотя барометр вел себя странно. Но, может быть, стоит выпить за Борея. — Он разлил по бокалам пунш — подарки Пуллингса включали по бутылке бренди на каждого офицера — и произнес: — Джентльмены, за Борея.

— За Борея, — отозвался Вест. — Но умеренно. Никаких зарифленных марселей в ночную вахту.

— За Борея, всенепременно, — поддержал Стивен. — Но если он отлучится на час или около того поутру, то мистер Обри сможет насладиться плаванием, а мистер Мартин и я — сбором образцов с лодки.

Мы сегодня днем прошли через флотилию неизвестных науке медуз, и ни одну не удалось поймать сачком.

— Мы вам очень благодарны за макрель и бонито, — ответил Вест, — но я не думаю, что хоть один человек на корабле променяет милую движения на юг на всех медуз в мире. Нет, даже и на сотню ярдов, хоть вы бы на каждый обед выставляли бочонок устриц.

И все же во вторник восходящее солнце озаряло практически гладкое перламутровое море, единственную рябь на котором создавал пустяковый кильватерный след лодки. Оно освещало и хирургов, которые вглядывались в полупрозрачные глубины или собирали маленьких существ и дрейфующие водоросли. Джек Обри, правда, не стал тешить себя купанием, хотя и имел такое намерение после бессонной ночи. Он пытался силой воли заставить корабль двигаться быстрее под стихающим ветром — каждую склянку лаг разматывался все меньше и меньше, пока с катушки не сошло ни одного узла, несмотря на все усилия старшины-рулевого.

Никакого купания. Как только достаточно рассвело, Джек начал организовывать люльки по бортам, и вскоре после завтра корабль, пусть и с обвисшими парусами, гудел как улей.

— Превосходно. — заверил он Пуллинга через четверть мили неподвижной воды, «Мерлин» очень медленно дрейфовал, поворачиваясь, на траверзе «Сюрприза». — Именно этого я и хотел.

— Прости его Господь, — проворчал Киллик футом ниже, в заново собранной каюте.

— Теперь мы покончим с верхней черной полосой и сможем заняться нижней — дотянемся прямо до медной обшивки.

Нескольких шелмерстонцев попроще так можно было задурить, но старые соплаватели капитана Обри только кивали друг другу или улыбались втихомолку. Они прекрасно знали, что иногда командир обязан так говорить, так же как священник — молиться по воскресеньям.

Они не поверили ни на миг, но целеустремленности не убавилось. Хотя вахта за вахтой штиль понижал первоначальный градус энтузиазма, но работали они упорно. Если имелся хоть какой-то шанс, что посудина может к четвергу добраться до азорских скал, они не окажутся виноватыми в том, что фрегат не готов. И вправду, к полудню обе нижних черных полосы закрыли парусиной, прочно прибитой медными гвоздями выше и ниже ватерлинии — чтобы накрентить корабль, орудия каждый раз перетаскивали на другой борт.

Наложили последние остатки голубой краски, экономно размазанные так, чтобы закрыть как можно больше ткани. Синий лег не слишком

хорошо, но это не сильно повлияло — по краям его оттенили на обычный морской манер смесью грязи и жира с камбуза.

В любом случае, Гусман доложил с ялика Стивена, что «Сюрприз» и «Азул» теперь похожи, как две горошины из одного стручка.

Оставалось только переделать парусное оснащение под барк и снять высокую и слишком легко узнаваемую грот-брам-стенгу. Но это Джек планировал оставить напоследок — подобные изменения в оснастке снижали скорость, а скорость сейчас решала все.

В том, что скорость решит все, никто не сомневался. Но к полудню корабль лежал в дрейфе неподвижно, не пройдя даже и восьмидесяти миль с момента последнего наблюдения. А ветер, когда он все же поднялся, оказался еще более жестоким, куда как более жестоким — он задул с юга прямо в лицо, усиливаясь с каждым часом.

«Сюрприз» покорно лавировал галс за галсом, но матросы перебрасопивали тяжелые реи и поправляли паруса до предела совершенства со смертельным разочарованием в сердцах.

Стивен и Мартин поднялись на палубу во время второй команды «Всем к повороту на другой галс» после затянувшегося сеанса работы с пелагическими ракообразными. Некоторые из них оказались никем не описанными и практически неизвестными науке.

— Какое счастье снова двигаться! — воскликнул Стивен. — Как же корабль несется!

Он поймал мрачный взгляд Джека Обри, полный сдерживаемого гнева, обратил внимание на его плотно сжатые губы, заметил мрачные лица шкафутных и ютовой команды, всеобщую тишину и под громогласное «Руль под ветер» пробормотал:

— Спустимся-ка мы снова вниз.

Они зарисовывали свои образцы при свете из огромного кормового иллюминатора, и когда вошел Киллик, Стивен поинтересовался у него:

— Киллик, расскажи, пожалуйста, какова ситуация в целом?

— Что ж, сэр. Насколько я вижу, мы можем спокойно собираться и возвращаться домой. Мы лавируем против ветра так тяжело, как можем, горбатимся, «все к повороту» каждую склянку, а что в итоге? Не больше мили к югу в час. А если ветер усилится, если придется убавлять брамсели, то вообще станем дрейфовать. Посудина может идти очень круто к ветру, но и ее сносит немного. А если задует надолго, то нас точно отнесет на север.

— Но естественно, — встрял Мартин, — если ветер нас удерживает, он должен делать то же с «Азулом».

— Ох, — воскликнул Киллик, чуть ли не воя — разве вы не видите, что этот так называемый «Азул» идет на запад? Не на юг, как мы, а на запад? Из Кадиса на Сан-Мигел? Ветер у него с траверза, с траверза, — при этих словах он показал на борт, чтобы стало понятнее, — так что эти пидоры, у которых ветер отходит из парусов, стоят себе со сложенными руками, поплеывая с подветренного борта, как венец творения, и делают себе без труда шесть или семь узлов, унося наш законный приз...

На этих словах Киллик начал задыхаться от возмущения.

Но тот же самый Киллик на следующее утро, в среду, стоял у постели доктора с сияющим лицом, тряся подвесную койку за веревки и повторяя: «Наилучшие пожелания от капитана, и хочет ли доктор увидеть прекрасное зрелище? Наилучшие пожелания от капитана, и хочет ли доктор увидеть...»

Когда Стивен выскользнул из койки, то заметил, что палуба наклонена как минимум на двадцать пять градусов. С осторожностью держась за переборку, он влез в бриджи, напялил на себя позорное старое пальто и, моргая, выбрался навстречу сияющему дню.

«Сюрприз» шел прямым курсом, вода пенилась под подветренными поручнями и высоко взлетала брызгами из-под кат-балки. Сильный ветер уже немного не подходил для лиселей, но со старой привычкой Джека натягивать в качестве дополнительных лось-штагов перлины и легкие тросы, фрегат все же поднял брамсели и неся вперед прекрасным ходом — счастливые моряки столпились на наветренном шкафуте, а с полубака слышался смех.

— Вот вы где, доктор. — воскликнул Джек. — Доброе утро. Разве не прекрасно? Ветер обернулся черным шквалом вскоре после того, как вы уснули, и начал задуть с вест-тень-зюйда во время утренней вахты. Думаю, сменится на норд-вест. Но пойдем со мной — осторожно!

Он привел его, все еще моргающего и не проснувшегося, к кормовым поручням.

— Вон они. Вот для чего я тебя разбудил.

Вначале Стивен не понял, в чем дело, а потом разглядел — море с подветренной стороны заполнили киты. Огромное стадо кашалотов шло в одном направлении, проходя впереди, позади, кругом и сквозь стадо гренландских китов, двигавшихся им навстречу. Куда ни глянь, всюду огромные темные тела всплывали, фонтанировали, иногда лежали на поверхности воды, но чаще дружно ныряли почти одновременно, поднимая над водой огромные хвостовые плавники. Некоторые подходили так близко, что доктор слышал их дыхание — сильный, практически взрывной выдох и тяжелый вдох.

— Господи, Господи, — наконец-то произнес он. — Какое величие творения.

— Как же я рад, что ты их увидел, — ответил Джек. — Через пять минут было бы поздно.

— Жалко, что я не сказал Мартину.

— А он уже к этому времени поднялся. Посмотри, он на крьюйс-марсе.

Там он и оказался, бесстрашная душа, и они помахали друг другу носовыми платками. Когда Стивен убрал свой, то посмотрел тайком на солнце. Оно висело с левой руки, невысоко над горизонтом. Так что корабль мчался к желанному югу, и наконец-то можно безопасно сказать:

— Поздравляю с благоприятным ветром.

— Большое спасибо, — улыбнулся Джек, но все же потряс головой. — Лучше поздно, чем никогда. Давай выпьем кофе.

— У тебя мало надежды, боюсь, — сказал Стивен в каюте, удерживая кофейную чашку, как только мог.

— Признаюсь, немного. Но если ветер сместится к норду и удержится, то есть шанс, что мы успеем пройти дистанцию, если ничего не сорвет, — добавил он, дотронувшись до столешницы.

К полуденному наблюдению ничего не сорвало. Выяснилось, что «Сюрприз» прошел восемьдесят семь миль к югу, почти все — начиная с утренней вахты.

Ветер, хотя и не такой сильный, все еще поворачивал в нужную сторону. Вскоре после обеда установили первые лисели. Все матросы с пристальным вниманием следили за операцией. Некоторое время спустя показания лага «Десять узлов и три сажени, сэр, с вашего позволения» встретили радостным смехом от шкафута до полубака.

Корабль наполнился воскресшей, бьющей ключом надеждой. Не разделял ее только Падин. Утром Стивен ограничился припарками, надеясь так справиться с возможным нарывом. В полдень он накормил Падина супом с ложки и обновил припарки. Но в послеполуденную вахту боль усилился. Падин выбрался из подвесной койки, открыл шкафчик с лекарствами и принял дозу лауданума. Он постоял, оценивая бутылку — длинную, тонкую капельную колбу с отметками на боках.

Поразмыслив между спазмами боли, он спрятал бутылку под куртку и зашел в каюту мистера Мартина. В этой части корабля он никого не встретил, да никто бы и не обратил внимания — он присматривал за мистером Мартином так же, как и за доктором.

Здесь он нашел бутылку бренди, долил его в лауданум до прежней отметки, потом долил в бренди воды, после чего бутылки поместил по

рундукам, а себя — в койку. Он пребывал в одиночестве, не только потому что большинство матросов активно радовались скорости фрегата, но и потому что крик «Парус!» с марсовой площадки собрал всех — и из кладовых, и от стеллажей для тросов, и с настила цепного ящика.

Парус уже видно было с палубы, милях в пяти с подветренной стороны. Но «Сюрприз» поднял столько парусов, а полубак так часто заливало водой, что отчетливо рассмотреть встречное судно не получалось даже с марса. Но Джек, взгромоздившись на грот-брам-салинг, над брамселем (место, знакомое с юности, когда он служил на этом же кораблем мичманом), обозревал весь горизонт. Незнакомец, хотя и с прямым парусным оснащением, вряд ли мог быть «Спартаном» — помимо всего прочего, слишком к северу для него. Несмотря на испанский флаг, скорее всего это британец — с квадратной кормой, английской постройки. Наверняка вест-индиец.

Он ставил паруса с того момента, как заметил «Сюрприз», и теперь, на глазах Джека, ему снесло крьюйс-стеньгу, и бешеным трепетанием парусов привело под ветер.

«Сюрприз» мог бы спуститься под ветер и встать борт-о-борт за полчаса. Но даже если бы судно оказалось законным призом, эти полчаса слишком ценны, чтобы их потерять. Джек покачал головой, крутанул на брам-салингах и направил подзорную трубу на север. Во время утренней вахты «Мерлин» еще было видно, сейчас же он стал всего лишь отметиной на горизонте.

Обри вернулся на палубу. Тонкие брам-ванты прогнулись под его весом. Пока он спускался с коечной сетки на карронаду, а с нее — на квартердек, вся команда молчаливо смотрела ему в лицо. Джек подошел к нактоузу, бросил взгляд на компас и произнес:

— Так держать. Самую малость, не больше.

Курс останется тем же. Раздался вздох — знак удрученного согласия, похожий на выдох двух-трех китов, но ничего похожего на несогласие или возражения.

В ходе дня ветер ослабел еще сильнее, но и задувал с более выгодного румба, закрепившись на норд-вест-тень-весте, практически с раковины. «Сюрприз» поднял еще больше парусов — лисели там и тут, бом-брамсели, редкий, но полезный бовен-блинд, все возможные кливеры и целое облако стакселей.

Благородное зрелище наполнило всех матросов радостью и само по себе, не только как средство достижения цели. Джек подумывал насчет трюмселей, но солнце, склоняясь на западе в глубокую облачную грядку по

правому борту, дало понять — так не пойдет. Вовсе не пойдет. Нужно многое сделать до смены вахты, чтобы внезапный порыв ветра не заставил поднять всех матросов посредине ночи. Хотя направление ветра установилось, но сила могла измениться.

Спокойная ночь — дело первостепенной важности. Все матросы тяжело трудились еще с бури на прошлой неделе. И хотя держались они бодро, это совсем не то же самое, что при трехдневной погоне с противником в поле зрения. В таком случае люди обходятся без сна и отдыха, а сейчас уже стали заметны очевидные признаки изнеможения.

Его собственный старшина шлюпки, например, выглядел усталым и постаревшим. У рядовых матросов и так сна мало, даже и без подъема посреди чужой вахты, а перед боем крепкий сон еще нужнее.

Вероятность боя в четверг с самого начала была невысокой, а сейчас уменьшилась еще сильнее. Но только дурак будет сводить ее на нет после таких усилий и такого грандиозного плавания. С другой стороны, можно и перебдеть — чтобы получить хоть какой-то шанс «Сюрприз» должен оказаться к наветру между Сан-Мигелом и Санта-Марией.

«Все это нужно сопоставить», — подвел Джек итог для себя во время хождения по квартердеку. В результате сопоставления «Сюрприз» встретил ночь с поднятыми брамселями (обычно их сворачивали и брали риф на марселях). Сегодня корабль шел хорошо, и при уверенных пяти узлах ночью за сутки все равно наберется двести миль. Утром земля должна показаться на правом крамболе — высокая каменистая восточная оконечность Сан-Мигела.

— Джек, — поднял глаза от разлинованной бумаги Стивен, когда открылась дверь каюты. — Я только что переложил дуэт Саммартини ^[18] для виолончели и скрипки. Не хочешь ли попробовать его сыграть после ужина? Киллик обещает гороховый пудинг с камбуза и собственноручно пожаренный сыр.

— Он длинный?

— Нет.

— Тогда с удовольствием. Но я планирую лечь рано. Поскольку Том на шхуне, то возьму на себя ночную вахту.

Как и многие другие моряки, Джек Обри быстро обзавелся привычкой засыпать сразу, как только голова касалась подушки. Но этой ночью он хотя бы частично, но бодрствовал.

Не то чтобы его разум снова пытал сам себя подробными воспоминаниями его позора или затяжными и потенциально разрушительными тяжбами, которые ждали его на берегу. Скорее он, и

правда очень уставший физически и морально, скользил по поверхности реальности, слушая плеск воды о борта, сложный, вечно присутствующий голос ветра в натянутом такелаже и мелодию корпуса корабля. В то же время, более осознанно, он следовал мелодии, которую они играли, иногда отключаясь, но все же слыша склянки в должной последовательности и будучи в курсе ветра.

Странное состояние, очень редкое для Джека. Оно принесло почти столько же отдыха, как сон, и гораздо больше счастья, чем что-либо с начала судебного процесса.

Когда Бонден пришел разбудить капитана, то застал его на ногах и одетым. Обри отправился прямо на палубу.

— Доброе утро, мистер Вест, — поприветствовал он, глядя на серп луны, ясно видимый среди мелких облаков.

— Доброе утро, сэр, — ответил Вест. — Все в порядке, хотя ветер ослабел немного. Очень хорошо, что вы пришли на смену, сэр.

— Переворачивай, — скомандовал рулевой старшина, и Плейс, легко узнаваемый по одышке, потянулся вперед и отбил восемь склянок.

Пока вахты сменялись, Джек изучал доску, на которой записывались показания лага. Ветер не поменял направления ни на румб, но (как он прекрасно знал) ослабел, и корабль чаще не развивал шесть узлов, чем превышал их.

Несмотря на ветер с вест-тень-норда, ночь выдалась теплой. Подойдя к кормовым поручням, Обри с удовольствием увидел светящийся кильватерный след — длинный фосфоресцирующий хвост за кормой, первый в этом году.

Последовали обычные донесения — шесть дюймов воды в трюме, очень скромно после такой бури, но «Сюрприз» — сухой корабль. Последние показания лага — почти семь узлов. Похоже, ветер усиливался.

Вахта редко оказывалась такой спокойной. Матросам не командовали спускать или поднимать паруса или брасопить реи. Никакого движения — лишь рулевой старшина, его команда и впередсмотрящие окликают друг друга, бросают лаг, бьют склянки. Время от времени кто-нибудь бежит на нос, но большая часть вахтенных собралась на шкафуте. Иные тихо общаются, но большинство нашло доску помягче и дремлет.

Джек провел большую часть вахты, глядя на гипнотизирующий след за кормой, который корабль прятал из воды милую за милей, или же наблюдая за хорошо знакомыми звездами. Ветер периодически усиливался, и один раз он углем записал на доске семь узлов и две сажени, но для перемены в парусах этого недостаточно. Не менялся и ход плавания — похожего на

сон под светом луны и звезд скольжения по темному морю.

Он сдал вахту Дэвиджу и правобортным вахтенным в четыре утра, распорядился, чтобы его разбудили с «бездельниками», спустился вниз и погрузился в свой обычный бездонный сон.

С первыми лучами рассвета он снова поднялся на палубу. Ветер в основном не изменился, лишь слегка сместился к весту. Небо — чистое, за исключением облака и легкой дымки по правому борту. «Бездельники» уже собрались вокруг помп — заскорузлая, неопрятная кучка людей, неумытая и непричесанная. А достаточно высоко над горизонтом только что взошедшая Венера сияла еще чище в бледно-голубых небесах. Пожелав квартердеку доброго дня, Джек распорядился:

— Мистер Дэвидж, давайте сегодня утром лишь вымоем палубы швабрами и протрем их насухо. Потом, с «бездельниками» под рукой, потому что откачка воды и десяти минут не займет, думаю, можно прибавить паруса.

Одно из преимуществ подобного экипажа — за бросающимся в глаза исключением хирурга и его помощника все «бездельники» (то есть те, кто не стоит вахты) оказались очень способными моряками, одновременно будучи профессионалами в своей области — парусный мастер и его помощники, оружейник, помощники канонира, команда плотника, бондарь и прочие специалисты.

Еще одно преимущество, размышлял Джек Обри, взбираясь по такелажу на грот-марс и выше — с легкостью, не спеша, задумываясь о своем пути в высоту не больше чем поднимающийся на чердак своего дома человек, еще одно преимущество в том, что матросы единодушно стремятся порадовать капитана. Не из-за продиктованной им дисциплины, но из опасения быть списанными на берег — такого за время своей морской жизни он еще не встречал. Где-то через час поднимут наверх койки, минут за пять-шесть их свернут как положено и разместят в коечных сетях — без понуждения, ругани или линька. Немногие корабли его величества могли таким похвастаться.

— Доброе утро, Вебстер, — поприветствовал он впередсмотрящего на грота-салинге.

— Доброе утро, сэр — отозвался Вебстер, спускаясь на несколько шагов по подветренным вантам. — К весту ничего не видно, но, может, с вашей подзорной трубой...

Подзорная труба была очень хорошей — доллондовская ^[19] ахроматическая. Сидя на грота-салинге, Джек тщательно сфокусировал ее на западной части горизонта, описывая полукруги. Но на том месте, где он

ожидал увидеть Сан-Мигел, висела облачная гряда — темная, угрюмая, пурпурно-серая и непроницаемая для взгляда. Немного погодя он сложил подзорную трубу, повесил ее через плечо, кивнул впередсмотрящему и вернулся на палубу.

Там, проверяя и перепроверяя в уме расчеты ночного плавания, он начал поднимать паруса. Задолго до того, как койки подняли на палубу, «Сюрприз» развил чуть больше восьми узлов. Когда Джек спустился в каюту, чтобы проверить вычисления еще раз на бумаге и перенести их на карту, внося различные допущения на снос и ошибки, то проворчал: «Полный абсурд так беспокоиться. Я становлюсь настоящей старухой».

— Эй, на палубе! — воскликнул Вебстер с грот-салинга. — Земля на три румба по правому крамболу.

Его пронзительный голос перекрыл общий шум, создаваемый движущимися туда-сюда и болтающимися гораздо больше, чем на флоте, обеими вахтами. Он отчетливо раздался в каюте, и Джек с картой перед глазами и потолочным каютным компасом на бимсе над головой, убедился, что мыс Рибейра на острове Сан-Мигел должен показаться на зюйд-вест-тень-зюйде, как раз на три румба по правому крамболу.

Постучав по дверному косяку, зашел Вест.

— Земля, сэр, — доложил он, — на три румба по правому крамболу. На мгновение разглядел ее с палубы — дымка рассеивается, мне кажется, до нее где-то десять лиг.

— Спасибо, мистер Вест. Поднимусь на палубу немедленно.

Через мгновение дудка боцмана позвала матросов завтракать, и словно по команде вбежал Стивен.

— Храни тебя Господь, Джек, — довольно громко поприветствовал он, дабы перекрычать приглушенный топот ног. — Что это за земля? Надеюсь, не наш ли старый друг — мыс Мираж?

— Ну, если курс на мыс Мираж не строго зюйд-вест-тень-зюйд и до него не ровно десять лиг, то это должна быть северо-восточная оконечность Сан-Мигела, — ответил Джек, демонстрируя на карте параллельной линейкой пеленг на мыс.

— Ты не в восторге?

— Конечно, я доволен. Но нет, не то, что можно назвать восторгом. Чувства странные — приходят и уходят. В любом случае, это всего лишь маленький шаг. Еще многое нужно сделать.

— Если изволите, господа, — прервал его Киллик, — то вот пара свеженьких летучих рыб, только пойманных. Их нужно есть горячими.

— Есть что-то божественное в по-настоящему свежей летучей рыбе,

— заявил Стивен, пристраиваясь к тарелке. — Передай мне, пожалуйста, хлебницу. Скажи, Джек, я правильно понял, что ты говоришь про северо-восточную оконечность острова?

— Да, она называется мыс Рибейра. Там на вершине установлен большой крест, мы его, надеюсь, через час или два увидим.

— Но я предполагал, что если нам вообще повезет найти Сан-Мигел — крохотную отметину в бескрайнем океане, то нужно идти вдоль его западного берега, чтобы достичь места посередине между Сан-Мигелом и Санта-Марией, и даже немного к наветренной стороне.

— В это место мы и в самом деле стремимся. Но подойти туда мы должны с оста, будто бы из Кадиса. Моя задумка — спуститься до 37 градусов 30 минут северной широты или чуть ниже, а потом, обойдя Формигаш, повернуть к весту, лавируя так, будто хотим зайти в Орту, в надежде, что «Спартан» там нас ждет. Ну, или, точнее, он ждет «Азул».

— Как ты сейчас оцениваешь наши шансы?

— Почти все зависит от ветра с зюйда, который так задержал нас во вторник. Если он дул здесь, и не так сильно, чтобы заставить «Азул» лечь в дрейф, то отнес его к весту, и мы опоздали. Если же он здесь не дул или задувал с веста, от архипелага, то мы все еще можем встретить ожидающий «Спартан».

Но в любом случае ты увидишь Сан-Мигел, и если мы пройдем вдоль островков и рифов архипелага Формигаш, то сможешь найти какие-нибудь непомерно удивительные водоросли или животных. Скажи-ка мне, Стивен, — начал он после заминки, — ты когда-нибудь чувствовал, будто все, что ты делаешь, не совсем реально? Что ты играешь роль в пьесе, а настоящее не имеет значения. Это вообще обычно? Или в этом есть что-то нездоровое и это начало сумасшествия? — Но ему показалось, что все это слишком похоже на жалобу, и он сменил тему: — Как там Падин?

— Лицо у него все еще распухло, но сила воли выручает.

— Хотите еще летучей рыбы, сэр? — спросил Киллик. — Они падают на палубу стаями.

Во время утренней вахты, когда не подправляли паруса или не занимались орудийными учениями без стрельбы, большая часть команды глазела на то, как Сан-Мигел уверенно приближается, становясь все отчетливее. К полудню прямо на траверзе показался высокий крест на мысе, резко выделяющийся на фоне неба.

Ветер сменился на вестовый, одновременно стихая, так что последний бросок лага показал всего лишь пять узлов. Упадка духа это не вызвало — полуденное наблюдение, к которому все не таясь прислушивались,

показало, что за сутки прошли двести десять миль. Снова последовали всеобщие крики радости, и снова Падин их не услышал — глубоко внизу, в орлопе, он запирал лауданум, разведенный еще сильнее, чем раньше.

— После обеда нужно переделать бизань-мачту на манер барка, — распорядился Джек вахтенному офицеру. — Мистер Балкли все обдумал и отложил нужные снасти и блоки. Не думаю, что понадобится много времени.

Предстояла еще замена грот-брам-стенъги. Так что после обеда начали поднимать необходимый рангоут. Утомительное занятие — вначале нужно спустить с грота — и фока-рея на воду шлюпки, установленные поверх запасного рангоута. Стивен и Мартин, оба обладающие талантом путаться под ногами в такие моменты, но не пожелавшие спуститься вниз в столь прекрасный день, особенно при виде стольких гнездящихся на склонах острова птиц, забрали маты и рыболовные снасти на полубак.

— Как же сильно мы сбавили ход, — заметил Мартин.

— Ту же самую ремарку я произнес и при капитане, — ответил Стивен, — но он попросил меня не волноваться — мы всего лишь с подветренной стороны острова. Через час или около того снова понесемся вперед так же радостно, как и раньше.

К тому времени, когда гичка, баркас и четырехвесельный ял оказались на буксире за кормой, «Сюрприз» обогнул мыс Мадругада. Здесь им повстречался идущий курсом фордевинд ярко раскрашенный местный тунцелов.

— Обстенить фор-марсель, — скомандовал Джек, и «Сюрприз» заметно сбавил ход. Тунцелов сменил курс в ответ на столь очевидное приглашение. — Позовите доктора.

Когда он пришел, Джек спросил:

— Уверен, что ты можешь говорить по-португальски.

— Умеренно владею этим языком, — отозвался Стивен.

— Тогда пожалуйста купи у них рыбы, если есть, и потом узнай насчет того, какие ветры были на неделе. Если сочтешь нужным, поинтересуйся насчет «Спартана». Но по-настоящему важен ветер, особенно во вторник. Дул ли он с зюйда, и какой силы?

Лодка подошла к борту, подняли корзины с рыбой, серебристыми бонито фута в три длиной каждый, а вниз спустили монеты, пересчитанные громко и отчетливо, чтобы не ошибиться. Затем последовала бессвязная беседа Мэтьюрина с лодкой, во время которой Вест и Дэвидж спустили на воду шлюпку и оба катера.

Джек спустился в каюту, и там Стивен сообщил ему плохие новости:

во вторник дул сильный ветер с зюйда, а дядя рыбака видел, как вчера на вест прошел барк, курсом будто бы из Кадиса к Фаялу. Правда, старый джентльмен не назвал и не описал судно — лишь сообщил, что оно шло под испанским флагом.

— Ну что ж, — ответил Джек, — попытка с самого начала почти безнадежная. Но все же давай-ка выпьем пива, дабы отпраздновать рыбу. Нет ничего лучше, чем жареный на огне кусок бонито. Киллик, Киллик, сюда! Дай нам две кружки пива и галет, чтобы легче шло.

В такое время дня прохладное пиво было весьма приятным. Когда они пили, Джек заметил:

— Будь я суеверным, я бы сказал, что сам навлек неудачу, так громко и от души ликуя по поводу вчерашнего плавания, о столь точном и быстром выходе к суше.

— Не слышал я, чтобы ты ликовал.

— Ты не слышал, а судьба услышала. Поверь, Стивен, здесь нечто большее, чем в старушечьих сказках или в примете не ходить под лестницей [\[20\]](#). Мне кажется, что судьбу, или Фортуну, или какое слово ты сочтешь подходящим, нужно уважать. Нельзя хвалиться и загадывать, но нельзя и отчаиваться. Это дурной тон. Можешь исподтишка смеяться, но я поменяю парусное оснащение и буду крейсировать между Сан-Мигелом и Санта-Марией до конца дня. Завтра, сделав все возможное, мы отправимся домой. Если хочешь, пройдем мимо островов Формигаш и высадим тебя там на полприлива.

«Сюрприз» — теперь барк с бледно-голубыми бортами — медленно лавировал против ветра между островами. Посредине первой полувахты он занял позицию, которую капитан счел идеальной, но «Спартана» не обнаружил.

Никто уже и не ждал его. Часть матросов хотя бы немного понимала португальский, совместно они пришли к верному выводу. Так что много можно сказать об их уважении к Джеку Обри, поскольку смену парусного оснащения фрегата провели аккуратно и быстро, без расхлябанности и ворчания обходились и сейчас, при постоянных маневрах то к берегу, то от него. Утомительная серия поворотов, более медленная и гораздо более длинная, все-таки очень сильно напоминала хождение капитана по квартердеку — как он вышагивал милю за милю от кормового поручня до одного из рым-болтов сразу за шкафутом. Этот рым-болт его пятка давно уже отполировала до серебряного блеска.

Вечером не били общий сбор, и в таких случаях всю вторую полувахту команда обычно посвящала музыке и пляскам на полубаке. Но

сегодня, сидя под теплым вечерним небом, матросы вместо этого тихо переговаривались между собой.

Солнце село, оставив за собой розовый свет. Спустили койки, сменилась вахта, и корабль охватила рутина ночного плавания — медленного крейсирования то на норд, то на зюйд под зарифленными марселями и шлюпками на буксире. По своим неписанным правилам Джеку Обри следовало бы приказать поднять их на борт. Но весь сегодняшний труд по переделке фрегата завтра придется проделывать заново для плавания домой. Уставшим и павшим духом матросам придется дважды делать одну и ту же тяжелую бессмысленную работу, поэтому Джек оставил все как есть.

За столом в кормовой каюте он начал новый лист в своем серийном письме Софии — в некотором роде дневник, который она разделит с мужем.

«И вот мы, дражайшая Софи, к югу от Сан-Мигела в море, теплом как молоко. Как же я надеюсь, что погода у тебя хотя бы вполовину такая теплая. Если так, то желтые розы у южной стены должны славно цвести.

Надеюсь увидеть их цветение через неделю или около того, поскольку завтра мы поворачиваем назад. Плавание оказалось не столь удачным, как я надеялся, но, как я уже тебе рассказал, один довольно неплохой маленький приз — «Мерлин» — мы захватили, и новые матросы приспособляются замечательно хорошо.

Стивен утверждает, что никогда не встречал более здорового экипажа — в списке больных никого, кроме бедняги Падина с его распухшим лицом. Все это он приписывает тому, что есть им почти нечего, а из питья — только слабое пиво. Сейчас он с мистером Мартином в шлюпке за кормой, удит светящихся насекомых маленьким сачком и ситом, и должен признаться...»

На этом месте его письмо оборвалось — Джек услышал столь похожий на орудийную стрельбу звук, что отложил перо. Через мгновение звук повторился, и Обри выбежал на палубу. Дэвидж и Вест уже согнулись с подозрными трубами над поручнем левого борта.

— Прямо на траверзе, сэр, — доложил Вест. — Вот опять.

На темном фоне восточной стороны небосклона Джек отчетливо разглядел вспышки выстрелов, далеко друг от друга.

— Они в десяти милях, — сообщил Дэвидж, когда до них донесся звук.

— И между ними не меньше полумили, — дополнил Вест.

Последовала долгая пауза, пока они скрупулезно изучали восточный

горизонт, пауза, во время которой пушки левого корабля выпалили дважды, а правого, того, что южнее, — три раза.

— Мистер Дэвидж, поверните корабль на фордевинд, — приказал Джек.

— Шлюпки поднять на борт, сэр? — поинтересовался Дэвидж.

— Пока не следует, но попросите доктора подняться на борт, — Джек бегом спускался в каюту за подозрной трубой.

Слабый ветер медленно развернул нос корабля на восток, и с фока-рея Обри видел всё далеко вокруг. И раньше было вполне ясно, а теперь не осталось никаких сомнений, что в ночную подозрную трубу он сейчас наблюдает сражение двух кораблей. Преследователь отстает на полмили и идет точно в кильватер добыче. Оба отчаянно палят из погонных и ретиральных пушек — по две с каждой стороны. Может, еще и третья — на квартердеке преследуемого.

Луна еще пару часов не взойдет, но отраженного света хватало, и уловив орудийную вспышку и сфокусировав трубу, Джек выяснил, что передний корабль — барк. Вспышка орудия на квартердеке, да, на квартердеке есть орудие, осветила контр-бизань и отсутствие крьюселя. Он проверил это еще раз.

— Эй, на палубе. Ахой. Всем ставить паруса.

Корабли вполне могли принадлежать к национальным флотам — французский и британский, американский и британский, французский и испанский. Внутреннее убеждение в том, что преследуемый — «Азул», а преследователь — «Спартан», возможно, основывалось только на упорном желании, чтобы вышло так. В то же время, в королевском флоте барки практически не встречались, да и в других флотах — большая редкость. В любом случае, если Джек ошибся, обойдется это не более чем в одну бессонную ночь.

Под ним раздавались свист боцманской дудки, крики и вопли, он слышал: «вставай, подъём, вываливайтесь из гамаков, сони».

Джек спустился с рея и принял на себя командование. Он точно знал, какие паруса нужны «Сюрпризу» с таким ветром — единственным, при котором отсутствие крьюселя не вызывает затруднений. Фрегат шел точно на фордевинд под бовен-блиндом, фоком и лиселями с обоих бортов, грот-марселем и брамселем, а венчал все грот-бом-брамсель.

— Шлюпки, сэр? — обеспокоенно спросил Дэвидж. — Прикажете поднять их?

— Нет. С ветром строго в корму потеряем больше времени, чем выиграем в скорости. Но доктор уже на борту, как я вижу. Доктор, не

желаете ли подняться на фор-марс и посмотреть, что затевается? Бонден, помоги доктору и принеси мою сравнивающую подзорную трубу в чехле.

При свернутом фор-марселе с фор-марса открывался отличный вид. Джек спросил у Стивена:

— Смотри! Видишь его? Нет крьюселя — значит, это барк. При ветре в корму или почти в корму крьюсель всегда поднимают, если он есть. В этом есть смысл. Рассказать тебе, что, по-моему, случилось, если предположить, что мои догадки верны?

— Будь так добр.

— Думаю, «Азул» во вторник лег в дрейф и «Спартан» отправился к осту искать его, отклонившись гораздо сильнее к норду, чем следовало бы. Заметили друг друга они сегодня к концу дня. «Азул» привелся к ветру и помчался курсом, который, думаю, для него самый выгодный. Но «Спартан» быстрее и совсем недавно вышел на дистанцию огня. С тех пор они довольно упорно стреляют из погонных орудий в надежде что-нибудь друг другу сбить.

— И что же, по-твоему, произойдет?

— Если «Азул» не повредит противнику снасти, то «Спартан» его догонит и в дело вступят бортовые залпы. Здесь все зависит от их огневой подготовки. Но если «Спартан» подойдет достаточно близко, не лишившись важной части такелажа, его сорокадвухфунтовые карронады выплут барку по первое число. Даже и сомневаться нечего.

— Мы же не собираемся оставаться праздными зрителями?

— Надеюсь, что нет. Вряд ли мы их догоним прежде, чем «Спартан» (позволь называть его так) обгонит «Азул», потому что мы идем строго на фордевинд — невыгодный курс для любого корабля, даже для «Сюрприза». Но если повезет, то мы ввяжемся в дело чуть позже. Видишь ли, мы следуем за ними на зюйд, так что ветер все больше на раковине — значит, можно поднять больше парусов.

Можем ввязаться в дело и захватить его. — Последовала пауза. — Как я рад, что мы не сменили пушки на карронады, как я одно время планировал. Предпочту поливать его огнем с расстояния, нежели подходить близко к этим сорокадвухфунтовым «крушилкам». Если начнется погоня, то придется оставить шлюпки с Бонденом и несколькими надежными матросами в баркасе. Но, конечно же, ты понимаешь, что могут быть сотни вариантов. «Азул», например, может привести к ветру, пройти у «Спартана» под клюзом, дать продольный залп и пойти в дыму на абордаж. Столько всего может случиться.

Они умолкли, как и все матросы, столпившиеся под ними на полубаке,

наблюдая за отдаленной битвой. Сражение медленно перемещалось по морю, и ночь казалась еще чернее из-за вспышек орудий. Один раз преследователь рыскнул с курса, чтобы дать полный залп, и ослепительная вспышка высветила прямое парусное оснащение.

— Ставлю сотню фунтов, что это «Спартан», — пробормотал Джек.

— Что такое сравнивающая подзорная труба? — поинтересовался Стивен.

— А, — рассеянно объяснил Джек, — у нее посредине поделенная на две части линза, которая дает тебе два изображения. Когда они отделяются, значит, корабль отдаляется от тебя, а когда совмещаются — приближается.

Прошел час, полтора. Очень медленно преследователь отыграл дистанцию, потерянную после залпа, и начал сближаться. Он вел огонь из носовых орудий, и с «Сюрприза» казалось, что они на полпути к горизонту.

Грохот и раскатистое эхо стрельбы стали почти непрерывными по мере того, как два корабля почти встали борт-о-борт. Дым дрейфовал плотным облаком прямо за кормой «Азула». Именно им и оказался барк — во вспышке одного из залпов «Спартана», затаженного и неровного, Джек отчетливо разглядел бледные борта в подзорную трубу.

«Спартан» шел в полумиле с наветренной стороны и сближался, когда «Азул» внезапно будто бы положил руль на борт, очень быстро повернувшись, словно чтобы идти в фордевинд и продолжить путь другим галсом. «Спартан» дал продольный залп по уязвимой корме, но Джеку показалось, что с такого расстояния карронады не нанесли много вреда. Да и управлялся «Спартан» не так хорошо, как он ожидал по опыту прошлой стычки. Он несясь вперед непомерно долго, прежде чем перебрасопить паруса и последовать за «Азулом».

— Может быть, барк и уйдет, — произнес Джек вполголоса. — Может, «Спартан» какую-то снасть потерял.

Но что-то явно пошло не так. «Азул» как будто вообще не двигался. Обри сфокусировал на нем подзорную трубу: изображение замерло, барк лишился хода. По палубе двигались огни, и хотя «Спартан» наконец-то подходил с наветренной стороны, «Азул» спускал шлюпку. Две шлюпки.

— Господи, — воскликнул Джек, — они налетели на Формигаш!

Все это время погоня шла в южном направлении, и Джек соответственно добавлял паруса, теперь же убрал их, оставив только грот и фок — самые малозаметные паруса, что только нес фрегат — и на пол румба изменил курс.

Сжимая кромку марса так, что побелели пальцы, Джек наблюдал за сражением, которое все приближалось. Взошла луна, осветив огромные

клубы белого дыма, и, к своему удивлению, Обри увидел, что «Спартан» повернул вправо, чтобы взять «Азул» на абордаж с правого борта, противоположного от «Сюрприза».

Джек поспешил на палубу, приказал поднять оружейные ящики, погасить оставшиеся огни и прошел на нос. Вдали орудийная пальба достигла крещендо: три громоподобных полных бортовых залпа с каждого корабля, два последних — фактически одновременно. Затем пара одиночных выстрелов, редкая ружейная и пистолетная пальба и тишина. Джек видел, как люди прыгают из залитых светом орудийных портов «Азула» в шлюпки, покачивающиеся у левого борта, а затем гребут прочь, полностью скрытые корпусом своего корабля от «Спартана».

— Всем собратся на корме, — крикнул Джек, вернувшись на квартердек, а когда матросы собрались, сообщил: — Парни, «Азул» налетел на Формигаш, и «Спартан» захватил его. Мы захватим их обоих на шлюпках. Мистер Вест, оружейник раздаст пистолеты, абордажные сабли или топоры, кому что нравится.

Я пойду первым на баркасе, за мной мистер Смит на синем катере и мистер Балкли на красном, и мы берем на абордаж «Азул», запомните, «Азул», с фока-русленей. Мистер Дэвидж возглавит пинассу, мистер Бентли — гичку, мистер Кейн — ялик, и они высадутся на «Азул» с бизань-русленей. Шлюпкам держаться вместе цепочкой. Высаживаемся на «Азул», перебегаем его палубу — как когда-то Нельсон — и атакуем «Спартан» с носа и с кормы.

Ни звука, ни звука, пока мы приближаемся, но вопите во всё горло, когда кинемся на абордаж. На борту пароль — «сюрприз». А теперь, — Джек чуть повысил голос, перекрывая поднявшийся шепот, — ни звука, ни шороха, пока мы там не окажемся. Мистер Вест, мне жаль сообщить вам, что вы останетесь на корабле с десятью матросами и подойдете, когда я просигналю тремя фонарями, но не ближе, чем на полмили. Мы отчаливаем через пять минут.

Джек спустился за саблями и пистолетами, написал приказы Весту на случай, если если он получит пулю в голову или абордаж окончится провалом, а потом сел в баркас. Темнота наполнилась перешептываниями, в воздухе витала прямо-таки осязаемая готовность действовать. Джек принимал участие в куче шлюпочных операций, но ни разу не сталкивался с таким сильным нетерпением. Хотя сильный — это неверное слово.

— Готовы? — тихо спросил он каждую шлюпку.

— Готовы, так точно, сэр, — последовал ответ с каждой.

— Весла на воду!

С юга накатывала мягкая волна, ветер попутный, и шлюпки быстро неслись по воде. Ни слова, только скрип банок и уключин, плеск весел. Всё ближе и ближе, еще ближе. Шлюпки шли кучно — на последней сотне ярдов Джек был почти уверен, что с залитой светом оружейной палубы «Азула», на которой мелькали матросы, их угостят картечью. Он нагнулся вперед и тихо произнес:

— Давай, навалитесь. Навалитесь, как на гонках.

Бонден плавно подвел баркас под фока-руслени, Джек вытащил саблю и вспрыгнул на них, перевалился через борт, немедленно поднялся дикий крик на полубаке — пустом, если не считать трех тел. Тут же его отпихнула рвущаяся следом за ним толпа матросов, и одновременно он услышал вопли другого отряда, взбирающегося на «Азул», и крики «Сюрприз!», «Сюрприз!».

Из трех залитых светом люков выглянули испуганные лица и тут же пропали из виду.

— Давай, давай, сюда! — кричал Джек, мчась по проходу, и перепрыгнул на «Спартан». Атаку никак не ожидали, но двадцать пять — тридцать «спартановцев» ожидали их на квартердеке — сплоченный и решительный отряд с оружием, схваченным впопыхах.

Оружейная пуля выбила саблю из руки, удар пики вспорол кожу на шее, а коренастый крепыш врезал ему головой в подбородок, отчего Обри упал навзничь на чей-то труп. Джек перекатился, застрелил крепыша, схватил здоровенный двухметровый кусок поручня и врезался в ту группу, нанося удары с невероятной силой. Противники подались назад, налетая друг на друга, и Джек немедленно махнул как косой, сбив сразу троих и уже готов был ударить снова обратным ходом, когда Дэвидж поймал его за руку, крича:

— Сэр, сэр, они сдаются, сэр!

— В самом деле? — Джек тяжело дышал, яростное выражение постепенно сходило с его бледного лица, — тем лучше. Значит, всё. Быстрая схватка, однако, — он указал на драку на полубаке, бросил своё оружие (похожее на дверной косяк) и спросил: — Где их капитан?

— Погиб, сэр, убит выстрелом с «Азула», вот, у них выжил всего один офицер.

— Вы ручаетесь за своих людей, сэр? — обратился Джек к стоящему перед ним бледному юноше.

— Да, сэр.

— Тогда пусть спускаются в трюм. Все, кроме раненых. Где экипаж «Азула»?

— Они уплыли на шлюпках, сэр, прежде чем мы взяли его на abordаж. Мало кто остался.

— Мистер Дэвидж, прошу, возьмите три фонаря с орудийной палубы и подвесьте к вантам.

Фонари осветили картину жуткого разрушения. «Азул» стрелял невероятно точно, а тяжелые ядра «Спартана» с короткой дистанции смели все на своем пути.

Смерть явно собрала богатый урожай, особенно на орудийной палубе. Но перешагивая через тела, пока Джек видел, что никто из его команды не погиб, хотя Вебстер согнулся, зажав рану на животе, а его приятели перевязывали старшему канониру окровавленную руку.

— Сэр, — обратился юноша, прошу вас покинуть эту посудину — она не продержится на плаву и пяти минут. Мы уже перегружали с неё остатки ртуты.

— Мне жаль, Том, что ты это упустил, — сказал Джек Обри, завтракая в кормовой каюте вместе с Пуллингсом, который прибыл в точку встречи сразу после восхода солнца. — Отличный сюрпризец вышел, как понимаешь, а по-другому было и нельзя — я никак не собирался пробираться на корабле ночью мимо всех этих мелей. Ужасные скалы: «Азул» затонул на десяти саженях глубины вскоре после того, как мы успели забрать с него раненых. Никогда не пойму, как тот юный дурак вообще умудрился встать с ним борт-о-борт и не разбиться.

— Мне очень жаль, что вас ранило, сэр, — произнес Пуллингс, — надеюсь только, что выглядит хуже, чем на самом деле.

— Нет-нет. Это всё пустяк: доктор сам так сказал. Я тогда вообще ничего не почувствовал — тычок пикой, скользящий. Мы практически не понесли потерь, но Мать Божья, как же они друг друга измолотили, «Спартан» и «Азул», одна из самых кровавых стычек, что я когда-либо видел, на орудийных палубах кровь просто рекой. Просто рекой. «Азуловцев» в итоге наскреблось всего на две шлюпки, из тех, кто мог еще ходить. Думаю, что «спартановцев» мы захватили всего раза в два больше, не считая раненых. Да, они отправили немало в пяти призовых командах, но всё же бойня вышла та еще.

— Вот и боцман, сэр, — доложил Киллик.

— Присаживайтесь, мистер Балкли, — предложил Джек, — вот что я хочу узнать, у нас много французских флагов?

— Думаю, штуки три-четыре, не больше, сэр.

— Тогда обдумайте, как сделать еще парочку. Я не говорю, что вам нужно их смастерить, мистер Балкли, вся задумка может оказаться

пустышкой, но просто держите это в голове.

— Так точно, сэр, буду держать в голове, — подтвердил боцман и вышел.

— А теперь, Том, вернемся к призам — нельзя терять ни минуты. Доктор нас проклянет, знаю, — Обри кивнул в сторону кормового окна, где на островке Стивен и Мартин ползали на четвереньках, предоставив раненых их хирургам, — но как только мы приведем «Спартан» в приличное состояние, чтобы он мог отплыть, а с запасами и снастями у него все хорошо, то мы должны незамедлительно проследовать в Фаял, спеша изо всех сил, чтобы еще раз посмеяться, потому что конец месяца близок, и «Конститьюшн» всё ближе с каждым днем.

Мы должны проследовать к Фаялу: пять призов «Спартана» отстаиваются там в бухте Орты. «Спартан» появится мористее в сопровождении чего-то очень похожего на «Азул».

Разумеется, «Спартан» не станет спускаться по этому длинному проливу и терять время, но «Мерлин», который они так хорошо знают, зайдет туда, пару раз пальнет из пушки и подаст сигнал к отплытию, те поднимут якорь и присоединятся к нам в открытом море, где мы заменим призовые команды и отведем призы домой, подняв на них французские флаги, чтобы обмануть «Конститьюшн», если тот окажется в поле зрения. Ты понял мою задумку, Том?

Глава четвертая

Доктор Мэтьюрин и его помощник стояли на аптечном складе, сверяя свои покупки для пополнения медицинского сундука «Сюрприза».

— За исключением сухого бульона, двойных ретракторов и парочки хирургических щипцов для удаления пуль, которые мы найдем у Рамсдейна, полагаю, всё остальное есть, — заметил Стивен.

— Вы не забыли лауданум? — спросил Мартин.

— Не забыл. На борту его еще порядочно, но спасибо, что напомнили. — Порядочное количество заключалось в оплетенных бутылках на одиннадцать галлонов, в каждой содержалось более пятнадцати тысяч лекарственных доз, и Стивен благодушно размышлял над этим фактом. — Спиртовая настойка опиума, правильно прописанная, это одно из самых ценных лекарств, что у нас есть, — заметил Мэтьюрин, — и я позабочусь, чтобы не остаться без неё. Разумеется, иногда я и сам её употребляю в качестве мягкого успокоительного. И всё же, — добавил он, снова пробежавшись взглядом по списку, — и всё же, знаете ли, Мартин, я заметил, что его эффект снизился. Мистер Купер, как поживаете?

— А вы как поживаете? — в свою очередь спросил аптекарь, пожелтевшее и беззубое лицо и голос которого выражали необычайную радость, — полагаю, необычайно хорошо, ха-ха-ха! Когда мне сообщили, что заглянул хирург «Сюрприза», я сказал миссис К.: «Я должен спуститься и поздравить мистера Мэтьюрина с необычайно удачливым плаванием», а она ответила: «Ох, Купер, неужели посмеешь блеснуть остроумием при докторе?», а я ответил: «Да мы знакомы уже бездну лет, он простит мне скромную шутку». Так что поздравляю вас, сэр, поздравляю вас от всего сердца.

— Благодарю вас, мистер Купер, — Стивен с удовольствием пожал ему руку. — Весьма вам признателен за столь любезные поздравления. — А когда они вышли на улицу, он продолжил: — Его эффект снизился невероятно: я не могу на него полагаться. Мистер Купер — сама надежность, и я привык к его настойке. Плавание за плаванием. Всегда одинаковая, всегда стабильная, всегда на приличном бренди, а не на спирте. Причина в чем-то другом, но в чем — не знаю, а поскольку я не намерен превышать умеренной дозы, разве что в экстренных случаях, то иногда вынужден по ночам страдать бессонницей.

— А что вы считаете умеренной дозой, Мэтьюрин? — спросил Мартин чисто из любопытства. Он знал, что обычная доза составляет двадцать пять капель, а Стивен давал Падину шестьдесят, чтобы унять сильную боль, но также знал, что пристрастившиеся могут значительно превышать дозу, и хотел узнать, как далеко это могло зайти.

— О, ничего выдающегося для того, кто привык к этой штуке. Но не больше... не больше, скажем, тысячи капель. Или около того.

Мартин с трудом сдержал удивленный возглас, и чтобы скрыть это, окликнул проезжающий мимо шестиместный наёмный экипаж.

— Одумайтесь, — воскликнул Стивен, — дождь прекратился, небо чистое, пройти надо всего одну милю. Коллега, не слишком ли это расточительно?

— Мой дорогой Мэтьюрин, если вы были так бедны, так бедны и так долго, как и я, то должны тоже получать удовольствие от роскоши, когда наконец-то разбогатели. Давайте же, жалок тот, кому неведома радость.

— Ну ладно, — согласился Стивен, сначала ставя в экипаж портфель, а потом забираясь сам, — надеюсь, что вы не возгордитесь.

Они остановились у Рамсдейна, заказали оставшиеся припасы и инструменты, и на том расстались. Мартин намеревался подобрать кусок переливчатого муара по образцу, полученному от жены, а Стивен отправился в клуб.

Швейцары в «Блейкс» — люди сдержанные, но они со значительным видом улыбались и кивали, пока желали Стивену доброго дня и передавали дружеское письмо от сэра Джозефа Блейна — теперь снова главы морской разведки — в котором тот приветствовал его прибытие в Лондон и подтверждал встречу этим вечером.

— Полседьмого, — произнес Стивен, одним глазом глянув на высокие напольные часы мастера Томпиона, — у меня еще есть время навестить миссис Броуд. — И попросил посыльного: — Бен, прошу сберечь этот портфель, пока я не вернусь, и не позволь мне отправиться к сэру Джозефу без него. — А потом обратился к кучеру: — Ты знаешь, как проехать к «Грейпс», что в вольном округе Савой?

— Это к гостинице, что сгорела дотла, а теперь её заново отстраивают?

— Той самой.

Если бы стоял туман, как это часто бывает около реки, или если бы успело стемнеть чуть сильнее, то «Грейпс», конечно же, был бы той же самой гостиницей, поскольку её заново отстроили без малейших изменений, и Стивен мог бы вслепую пройти в свою комнату, но свежий

кирпич еще не успел приобрести привычный лондонский тусклый цвет, а незастекленные окна верхнего этажа придавали месту зловещий вид, которого оно точно не заслуживало, но когда Мэтьюрин вошел в холл, то ощутил себя дома.

Здесь всё обычно сияло безукоризненной чистотой, и если убрать запах свежей штукатурки, то отличия и не сыскать. Это гостиница, которую он так хорошо знал — здесь он годами арендовал комнату — спокойная гостиница, подходящая Королевскому обществу, энтомологам, другим ученым сообществам, и чью домовладелицу он особенно ценил.

Хотя в этот момент его доброе расположение к миссис Броуд слегка поколебалось от звука её голоса несколькими этажами выше, пронзительно и страстно кого-то обличающего.

Мэтьюрин всегда с трудом выносил бранящихся, и теперь он стоял, сложив руки за спиной и склонив голову, на лице застыло несчастное выражение. Такой же эффект брань оказала и на двух стекольщиков, спускающихся теперь по лестнице, а их преследовал поток ругани.

— Да, мэм. Конечно, мэм. Именно так, мэм, не подведем.

В дверном проеме стекольщики натянули шляпы, обменялись вымученными взглядами, и молча поспешили прочь.

Было слышно, как миссис спускалась и ворчала:

— Проклятые ленивые кобели, радикалы, якобинцы, огрызки, мерзавцы. — А когда она спустилась в холл, голос стал почти нормальным. — Нет, сэр, вас невозможно обслужить. Гостиница еще не открылась и, похоже, никогда не откроется с такими-то ужасными негодьями. Боже, это же доктор! Господь с вами, сэр, прошу, садитесь.

Обычно доброжелательное лицо хозяйки просияло, как будто солнце выглянуло из-за лиловой тучи, и она указала короткой пухлой рукой в сторону кресла.

— Так вы в городе, сэр? Мы читали о вас в газетах, а еще повсюду листовки, а еще транспарант в окне у Гослингов, Господи, такое свершение! Надеюсь, никого не ранило, а как там наш дорогой капитан? Я могу вопить от недовольства — эти недотёпы обещали окна наверху и для вашей комнаты еще три недели назад, и вот вы уже здесь, а окон всё еще нет, дождь приближается и испортит полы, что девочки натерли до блеска. Уже одного этого достаточно, чтобы женщина расплакалась. Но вот вы здесь, и без багажа. Что мне вам принести, сэр, чтобы выпить за процветание нового «Грейпс»?

— Да благословит небо этот дом и его хозяйку, миссис Броуд, — провозгласил Стивен, — я с радостью выпью глоточек виски.

Миссис Броуд вернулась уже успокоившись, с бокалами и пирогом на подносе и черносмородиновой настойкой для себя (у нее слегка болело горло). Под мышкой она держала пакет, обернутый папиросной бумагой. Когда они сели у камина и Стивен выпил бенедиктин, миссис Броуд очень осторожно спросила, есть ли у него какие-то новости с севера.

Она и Диана старались, чтобы Стивен оставался здоров, накормлен, одет в чистое и выглаженное бельё в соответствии со своим статусом, и в ходе этой затянувшейся и, в основном, безуспешной кампании они подружились: понравились друг другу с самого начала.

Миссис Броуд прекрасно знала, как обстоят дела между доктором и миссис Мэтьюрин, но негласно придерживалась выдумки, будто Диана отправилась на север, чтобы поправить здоровье, пока Стивен мотается по морям.

— Никаких, — ответил Стивен, — но может так оказаться, что я сам вскоре буду в тех краях.

— Я слышала кое-что на Благовещение. Джентльмен из миссии принес мне вот это, — миссис Броуд развернула обертку, показав шведскую куклу в меховой мантилье, — а в сопровождающей её записке мне велено передать доктору, что для вас заказан водонепроницаемый плащ у Свейтона, Диана раньше забыла об этом упомянуть. Его должны сделать как-то по-особому, но сейчас он должен быть уже готов. Мантилья из настоящего соболя, — добавила хозяйка, глядя куклу по одежде и ярко-соломенным волосам.

— Неужели? — спросил Стивен, вставая, чтобы выглянуть в боковое окно на улицу, — и вправду соболь?

Насколько же мудрее было бы полностью порвать с Дианой, вместо того чтобы ходить вокруг да около с её невероятно большим бриллиантом в кармане, держа его в качестве талисмана. Вся сущность Стивена вздрагивала при звуке её имени: в своё время он ампутировал кучу конечностей, и далеко не в фигуральном смысле. На тротуаре с другой стороны улицы он увидел своего старого знакомого — дворнягу мясника, сидящую в дверном проёме и с неистощимым собачьим упорством скребущую себя лапой за ухом.

Мэтьюрин взял кусок пирога и вышел на улицу. Собака застыла с лапой за ухом, близоруко вглядываясь вправо-влево и морща нос, увидела его и, пригнув голову и виляя хвостом, подошла. Стивен погладил задранную к нему голову, с сожалением отметив старческую пелену на глазах, похлопал собаку по упитанным пятнистым бокам и предложил кусок пирога.

Дворняга осторожно взяла его за краешек, и они расстались: собака побрела обратно в лавку, где, настороженно оглядевшись, положила нетронутый пирог рядом с грудой мусора и неподвижно улеглась, а Стивен вернулся в «Грейпс».

— Что касается моей комнаты, миссис Броуд, то не вините себя. Я пришел сюда не ради себя, а из-за моего слуги Падина. Его завтра прооперируют в больнице имени Гая — трудное и сложное удаление зуба, и мне бы не хотелось, чтобы он лежал потом в общей комнате. У вас же есть комната внизу, я уверен.

— Удаление зуба, ох, бедняжка. Конечно, сейчас у меня есть готовая комнатка под вашей, или можно Деб поселить к Люси, что даже лучше, поскольку ее комната хорошо проветривается.

— Он хороший малый, миссис Броуд, родом из графства Клэр в Ирландии. Он плохо говорит на английском, и даже в этой малости жутко запинается, так что требуется пять минут, чтобы из него вылезло хоть слово, да и то зачастую неправильное. Но нетребователен как ягненок и абсолютный трезвенник. А теперь мне пора, поскольку у меня встреча в дальней части парка.

Дорога Стивена пролегла через оживленный Стрэнд и еще более оживленный Чаринг-Кросс, где на слиянии трех энергичных транспортных потоков упала ломовая лошадь, вызвав затор в движении карет, телег и экипажей. Вокруг них всадники, паланкины и легкие повозки пытались пробиться среди пешеходов, а возчик неподвижно сидел на голове упавшей лошади, ожидая пока его сынишка распутает упряжь.

Стивен медленно брел сквозь эту добродушную толпу — те, кто был ближе к лошади и мальчишке, давали ему шуточные советы. Толпу крайне разношерстную, сильно разбавленную мундирами (в основном красными), живительную реку жизни — особенно для тех, кто недавно сошел с корабля. Люди пихались и толкались, и Стивен не без облегчения свернул в парк и направился в «Блейкс» за портфелем, а потом на Шефердс-маркет, где в неприметном доме с зелёной дверью, двойным факелогасителем и дверным молотком в форме начищенного до золотого блеска дельфина жил сэр Джозеф.

Мэтьюрин протянул руку к хвосту великолепного создания, но прежде чем успел его коснуться, дверь распахнулась, явив улыбающегося сэра Джозефа, и тот поприветствовал Стивена. Круглое бледное лицо друга сияло такой радостью, на которую большинство коллег считали его неспособным.

— Добро пожаловать, добро пожаловать домой, — вскричал Блейн, —

я наблюдал за вашим приближением из окна гостиной, — проходите же, мой дорогой Мэтьюрин, проходите.

Он повел его наверх, в библиотеку, самую уютную комнату в доме, заставленную книгами и стеллажами с насекомыми, и усадил в мягкое кресло у камина, а сам расположился в соседнем, взирая на гостя все с той же доброжелательностью, пока вопрос Стивена «какие новости о Рэе и Ледварде?» не стер это выражение с его лица.

— Их видели в Париже. Мне стыдно признать, что они ускользнули. Вы можете сказать, что, имея все службы наготове, мы просто жалкое собрание глупышей, раз позволили им ускользнуть. Я не могу не признать, что наше первое действие — у клуба «Баттонс» провалилось самым ужасным образом. Но вот вы здесь: когда речь идет о взаимодействии всех служб, возникает масса возможностей, помимо обычной глупости.

Стивен на мгновение взглянул на Блейна: он хорошо знал своего шефа, чтобы понять — тот хочет сообщить не только о своей неуверенности в осмотрительности и компетентности некоторых разведывательных служб, действующих в королевстве, но также и о своей убежденности, что у Ледварда и Рэя был по меньшей мере один очень высокопоставленный коллега и покровитель где-то в правительстве. Принимая как данность, что они это понимают, Стивен только заметил:

— Но, полагаю, вы теперь хотя бы снова хозяин в собственном доме?

— Надеюсь на это, — сэр Джозеф улыбнулся, — но сама служба, как вы и сами знаете, находится в полуразрушенном состоянии, мне нужно создавать её заново. И опять-таки, хотя мои позиции в Адмиралтействе сильнее, чем раньше, некоторые мои партнеры и корреспонденты совершенно не радуют и... я, конечно же, сейчас не предложу вам на рассмотрение никакой тайной миссии. В любом случае, ваши замечания о возможностях в Южной Америке будут намного более ценными.

— Я задаю эти вопросы отчасти оттого, что они меня напрямую интересуют, но также и потому, что они напрямую влияют на восстановление капитана Обри.

— «Счастливчика» Джека Обри, — уточнил Блейн, удовлетворенно улыбаясь. — Господи, кому-нибудь вообще улыбалась такая удача? Как там поживает бедняга?

— Отдыхает в кругу семьи. Счастлив во всем, что касается его кармана, но, как вы знаете, это для него почти ничего не значит по сравнению с восстановлением в капитанском списке.

— Что касается формальной стороны процесса, то, разумеется, это невозможно начать, пока суд не приговорит Рэя и Ледварда и не оправдает

Обри в том, чего он никогда не делал, пока не отменят обвинительный приговор. Есть и неформальная сторона, конечно, и что касается этого, у него есть моя абсолютная поддержка, но когда доходит до покровительства, моя поддержка мало что значит, а в таком деле и вовсе равна нулю. У Обри есть другие покровители, некоторые намного более влиятельные, но некоторые, например, герцог Кларенс и парочка адмиралов-вигов, могут нанести ему скорее вред, чем принести пользу. На флоте считают, да и публика тоже, что с Обри обошлись крайне несправедливо. Радость от его последнего успеха — яркое тому подтверждение. Между прочим, вы знаете, что комитет не примет его выход из клуба?

— Не знал. Но скажите, разве этот последний успех не возымеет эффект, разве не поможет изменить официальное мнение? Он же достаточно впечатляющий, вы сами это подтвердили.

— Изменить? Конечно же, нет. Успешные операции приватира для официального мнения не имеют национального значения — это же не королевский военный флот. Нет. Произошла чудовищная ошибка, все это знают, и когда теперешнее поколение чиновников сгинет лет через двадцать, и, разумеется, сегодняшний кабинет министров, то, может, тогда и сделают какой-то жест. Но пока Рэя невозможно привести в суд, а если и было бы возможно, то правительству это причинило бы невыразимые неудобства. Могу добавить, что если вся эта серия скандалов вскроется, так что позор нельзя будет переложить на другие плечи, то единственным способом сохранить официальное лицо будет совершить деяние государственного значения, важность которого может оправдать королевское помилование, пересмотр дела или восстановление. Если бы, например, капитан Обри вступил в схватку с кораблем французского или американского флота примерно равного ему по силе и захватил бы его или ухитрился сильно повредить, или всё сразу, то, вероятно, его могли бы восстановить в течение года или около того, а не, скажем, при следующей коронации или через одну. И никак иначе, поскольку, как я сказал, или имел в виду, приватирство — само по себе награда. И, Господи, какая награда в его случае! С сегодняшней ценой на ртуть, Мэтьюрин, он, должно быть, один из самых богатых моряков, и это уже не говоря о прочей добыче. Но этого у него не отнять, надо отдать ему должное. Я слышал, что вест-индские торговцы в знак признательности за захват «Спартана» намерены подарить ему обеденный серебряный сервиз.

— Несомненно, он может никогда уже не опасаться долгой тюрьмы, — согласился Стивен, — более того, когда он приехал домой, то узнал, что

апелляционный суд разрешил весьма тяжкое дело, Бог знает на какую сумму, в его пользу. Это дело долгие годы висело над ним, его наследниками и правопреемниками, как гнусный бандит, еще с тех пор как...

— Господь всемогущий, какой же успех! — повторил сэр Джозеф, глядя в огонь. — На всем флоте говорят, по всему городу говорят — «Счастливчик» Джек Обри отправился в пробное плавание в «пустые» времена, когда на протяжении месяцев не захватывали ничего крупнее прибрежных хоу, шасс-маре или датских ботов, и вернулся с семью огромными жирными призами на хвосте, а ценнейший груз восьмого чуть ли не вываливался у него из трюма. Ха-ха-ха! Как же приятно думать о таком. — Блейн еще немного поразмышлял о сказанном, негромко хохотнул и продолжил: — Скажите, Мэтьюрин, как вам удалось убедить эти призы отплыть из Орты?

— Я, как обычно, допрашивал франкоговорящих пленных, — объяснил Стивен. — И узнав, что один из них — сигнальный старшина «Спартана», отвел его в сторонку. А потом объяснил, что если он сообщит мне условный флажный сигнал — как вы знаете, Орта находится в глубине длинного и сложного для навигации залива, очевидно, им пришлось бы общаться с расстояния — то получит свободу и вознаграждение, а иначе ему придется терпеть последствия своего отказа. Их я не уточнил. Старшина рассмеялся и заверил, что всегда рад помочь и заработать на ровном месте и со спокойной совестью, потому что сигнал — всего лишь старый добрый «Синий Питер» и выстрел в наветренную сторону. Мы бы и сами попробовали их в первую очередь. Так оно и вышло: шхуна держалась почти против ветра, подняла этот самый флаг, выстрелила из пушки, и призы начали выходить из бухты со всей возможной скоростью.

— Должно быть, это здорово порадовало ваши сердца! — рассмеялся Блейн.

— Радости хватало, но достаточно ненавязчивой — из боязни несчастливого слова, взгляда или жеста. Дело висело на волоске — настолько рискованное и грозящее провалиться, лед под нашими ногами оказался крайне тонким. Каждый приз нужно было захватить по очереди и послать туда нашу призовую команду. В итоге мы получили чудовищно огромную толпу злых и целеустремленных пленников, людей едва хватало, чтобы держать их под контролем и управлять кораблем одновременно. Два трофея, «Джон Басби» и «Притти Энн», оказались чертовски тяжелыми, неуклюжими и медленными, и их пришлось взять на буксир. В любой момент в поле зрения мог показаться «Конститьюшн». Непростое время, и

хотя зачастую держался попутный ветер, мы вздохнули с облегчением, лишь пройдя шелмерстонскую отмель. Тогда мы отцепили буксир, выстрелили из всех орудий и сообщили на берег, чтобы готовили пир.

— Команда наверняка довольна капитаном Обри.

— Еще как. Они расцвелили корабль флагами и громко славили его всю дорогу до причала. За исключением тех немногих, которых он уволил за разграбление призов или плохое поведение, шелмерстонцы перед ним буквально преклоняются.

— Его бы встретили радостными криками и здесь, на улицах, если бы он приехал. О нем вышло много газет и листовок, я некоторые для вас сохранил.

Блейн потянулся за кучей бумаг на низком столике, и пока он копался в них, Стивен заметил упавшую цветную афишу с изображением воздушного шара.

Воздушные шары занимали ум Стивена с тех пор, как он по пути перешел Пэлл-Мэлл. Рабочие чинили трубы, по которым светильный газ подавался к уличным фонарям, и он размышлял, можно ли использовать пахучее вещество вместо еще более опасного водорода. Он бы высказался на этот счет, если бы сэр Джозеф не накрыл афишу и не задвинул ее под стол. Вместо этого доктор достал посылку со словами:

— Обри решил лично не приезжать в город, но попросил передать вам это с наилучшими пожеланиями. Это судовой журнал «Спартана». Думаю, вы обнаружите в нем довольно ценные сведения о французских и американских агентах — он постоянно перевозил и тех, и других. Я добавил сюда протоколы допроса пленных, тоже представляющие определенный интерес.

— Как любезно со стороны мистера Обри, — поблагодарил Блейн, охотно принимая посылку. — Пожалуйста, сердечно поблагодарите его от моего имени, и, если сочтете приличным, передайте с наибольшим уважением мои комплименты его жене. Ее я помню по Бату — одна из самых прелестных молодых дам, которых я когда-либо видел. Извините, но я хочу просмотреть журнал за прошлый июль, когда, я думаю...

Сэр Джозеф не стал делиться тем, что думает, но, очевидно, речь шла о чем-то дискредитирующем. Пока он переворачивал страницы под зеленым абажуром, Стивен откинулся в кресле. Он любовался тем, как отсветы пламени играют на каминной решетке, турецком ковре и дальше — на рядах книг, полка за полкой сафьяна и телячьей кожи под исключительно легкой и изящной лепниной потолка.

В юности он знал готические и даже романские потолки (способные

хранить зимнюю сырость во время пылающего каталонского лета), а во время недолгой супружеской жизни с Дианой, не далее чем в фарлонге отсюда, на Халф-Мун-стрит, он познакомился с искусно сделанными потолками, украшенными позолотой и всяческими излишествами. Но большую часть жизни Стивен провел в меблированных комнатах, гостиницах и на кораблях. Ему не доводилось раньше встречаться с тихой, размеренной, чрезвычайно комфортабельной и устоявшейся элегантностью подобных комнат.

Даже Мелбери-Лодж, который он некоторое время делил с Джеком во время мира, не обладал подобными комнатами. Мэтьюрин обдумывал необходимые для их создания условия, когда зашла экономка и сообщила, что если сэр Джозеф изволит, то ужин можно накрыть через пять минут.

Чрезвычайно приятный и элегантный ужин, и довольно размеренный: любимый Блейном вареный омар с бокалом муската, «сладкое» мясо, спаржа с прекрасным легким кларетом и клубничный торт.

Во время ужина Стивен заново воспроизводил битву на обычный морской лад — кусочками хлеба на скатерти. Он снова описал экстаз «сюрпризовцев», когда они в подзорные трубы увидели, как призы поднимают якоря и выходят из гавани Орты — «как ягнята на бойню», по словам Обри, — и снова сэр Джозеф воскликнул:

— Господи, какой успех! Одна только ртуть десятикратно окупит корабль. И не надо выплачивать адмиральскую долю. Но некоторое восхищение прибылью и чужим корыстолюбием сделало меня многословным, простите, Мэтьюрин. Все же я верю и надеюсь, что доступ к такому состоянию не помешает южноамериканскому плану?

— Ни за что в жизни. Обри не будет счастлив на берегу, невзирая на богатство, пока его не восстановят в списке. Даже если бы и не это, он крайне великодушно заявил, что полностью готов к экспедиции, желает осуществить ее в любом случае и просит меня продать ему «Сюрприз». Мой помощник, мистер Мартин, которого вы можете помнить...

— Капеллан, написавший тот несчастный памфлет о злоупотреблениях во флоте?

— Он самый, и неплохой орнитолог. Он тоже считает своим долгом участвовать в экспедиции, хотя и недавно женился. Тем более, сейчас он приобрел то, что ему нравится называть богатством, Достаточно, чтобы жить в комфорте, так что я очень рад, рад за них обоих.

— Уверен, что так. Дорогой Мэтьюрин, простите меня за вульгарность и за то, что снова поведу речь о деньгах. Я прекрасно знаю, это неподобающая тема, но нахожу ее чрезвычайно любопытной. Мне очень

хотелось бы знать, что мистер Мартин считает богатством.

— Общую сумму я не помню, но мой банкир в Лондоне, с которым мы проконсультировались, заверил, что если ее инвестировать в государственные облигации, то она принесет двести двадцать пять фунтов стерлингов в год, оставив еще пару сотен на экипировку и *menus plaisirs* [21].

— Ну это, я думаю, больше средней бенефиции [22] сельского священника. Разумеется, гораздо больше того, на что может надеяться помощник священника. И это он заработал за две недели приватирства. Благослови его Господь, такими темпами он скоро станет архиепископом.

— Не думаю, что уловил вашу мысль, Блейн.

— С легкостью в сердце я говорю шутливо, может быть, даже слишком шутливо по отношению к священному учреждению. Но факт в том, что доктор Блэкберн, архиепископ Йоркский во времена моего отца, пиратствовал у берегов испанских колоний. В конце концов вы и мистер Мартин окажетесь в тех же широтах. Не вернуться ли нам в библиотеку? У меня есть бутылка токайского, я бы хотел, чтобы вы его попробовали после кофе. А миссис Бэрлоу принесет нам каких-нибудь пирожных.

За время их отсутствия миссис Бэрлоу или могучий негр (единственный слуга в доме) растопил камин, и нить разговора прервалась, пока Стивен и Блейн какое-то время сидели, глядя в огонь, как пара котов.

— Я весьма сожалею о смерти Дюамеля, — прервал молчание Стивен.

— Как и я. Человек выдающихся качеств.

— И честности. Тогда я вам не сообщил, он вернул мне бриллиант, который Диана была вынуждена оставить в Париже, камень, называемый «Синий Питер».

Стивен достал его из кармана.

— Припоминаю, что видел на ней эту подвеску, когда однажды вы любезно пригласили меня на приём на Халф-Мун-стрит. А также хорошо помню обстоятельства, при которых его оставили в Париже. Не думал, что снова его увижу. Огромный и великолепный бриллиант, но послушайте, Мэтьюрин, разве не следует его держать в банковском сейфе?

— Может, и следует, — Стивен помолчал, — я обдумывал и так, и эдак и решил, что если возможно продлить освобождение от принудительной вербовки, то я бы отправился в Швецию и вернул камень, перед тем как отплыть в Южную Америку.

— Несомненно возможно.

— Скажите мне, Блейн, — поинтересовался Стивен, пристально глядя

на него бледными глазами, — у вас есть какие-либо сведения, как там обстоят дела?

— По линии разведки я не делал запросов о миссис Мэтьюрин, запросов по служебным каналам, — ответил Блейн, и в его голосе прозвучали суровые нотки, — совершенно никаких. Но мои личные связи, связи простого обывателя, донесли до меня обывательский слух, циркулирующий по городу, и еще кое-что.

— Слух утверждает, что вследствие моей неверности в Средиземном море, она сбежала в Швецию с Ягелло?

— Именно так, — подтвердил Блейн, внимательно глядя на него.

— Вы не могли бы мне тогда хоть немного рассказать о Ягелло?

— Могу. С точки зрения ценности для разведки он великолепен: его влияние, как вы понимаете, ничтожно, но все, что есть, он готов предоставить в наше распоряжение. Что же непосредственно касается темы, так вот что я вам могу сообщить безотносительно сплетен. Об этом я узнал от сотрудника дипломатической миссии. Кажется, Ягелло собирается жениться на юной шведской леди. Также я узнал, хотя напрямую этого не говорили, и я не гарантирую, что мои предположения верны, они вполне могут оказаться ошибочными, что отношения между ним и миссис Мэтьюрин не того характера... не то, за что их обычно принимают. С другой стороны, вряд ли сильно ошибусь, предположив, что сейчас она далеко не богата. Хотя, конечно, летать на воздушном шаре можно и из духа приключений.

Блейн подошел к низкому столику, порылся под ним и вытащил афишу, которую до того прятал.

На ней был изображен синий воздушный шар среди клубящихся облаков, окруженный крупными красными птицами, быть может, орлами. В корзине шара нарисовали женщину с золотистыми волосами и красными щеками верхом на синей лошади. Она держала британский и шведский флаги. Из крикливого текста внизу бросалось в глаза имя «Диана Вильерс», повторенное трижды заглавными буквами, с восклицательными знаками в начале и в конце.

Стивен изначально знал ее под этим именем и мысленно обычно называл ее Вильерс. Их брак на борту военного корабля, заключенный без священника, убедил Мэтьюрина не больше, чем саму Диану.

Некоторое время он рассматривал изображение — тщательную прорисовку канатов, окружающих воздушный шар и удерживающих корзину; одревеневшую фигуру и ее лишенное выражения лицо, замершую театральную позу. Абсурд, но что-то от Дианы в этом было. Она —

прекрасная наездница, и хотя в жизни бы не села так даже на синей помеси осла и мула и тем более не приняла бы драматическую позу, но сама чудовищная неправдоподобность, символ лошади и полная беспечность седока имели с ней реальную связь.

— Спасибо, Блейн, — отозвался он спустя некоторое время. — Я глубоко благодарен вам за эти сведения. Есть ли что-то еще, пусть и неубедительное, что вы можете добавить?

— Нет. Вообще ничего. Но стоит отметить, что отсутствие болтовни и сплетен в таком месте, как нынешняя Швеция, само по себе о многом говорит.

Стивен кивнул, изучая афишу еще раз, и пытаясь понять хоть что-то по-шведски.

— Я бы хотел совершить полет на воздушном шаре.

— Когда я был во Франции перед войной, то наблюдал полет Пилатра де Розье. У них было два баллона — маленький монгольфьер прямо над корзиной и большой газовый над ним. Высоту они набирали неплохо, но на трех или четырех тысячах футов вся конструкция загорелась. Икар и то не мог бы разбиться на более мелкие осколки.

Сэр Джозеф пожалел о своих словах, как только произнес их; но любые смягчения или объяснения только усилили бы эффект. Так что он встал, принес вино из угла в комнаты и налил им по бокалу.

Они обсуждали токайское и вина вообще, пока не выпили половину бутылки. Потом Стивен поинтересовался:

— Вы говорите, что современная Швеция примечательно полна сплетнями.

— Едва ли это удивительно, если подумать. Бернадотта могли избрать кронпринцем, и он мог выступить против Наполеона, но он все еще француз, и во Франции не теряют надежды снова вернуть его на свою сторону. Они могут предложить ему Финляндию, Померанию — массу территорий. И у них есть определенное влияние на него — полдюжины незаконнорожденных детей в По, Марселе и Париже. Если и это не сработает, то всегда есть легитимная династия, изгнанные Васа. У них достаточно сторонников, и они могут устроить *coup d'etat* [\[23\]](#). Опять-таки, Абоский мирный договор не по душе большинству шведов. И конечно же, здесь замешаны интересы русских и датчан, равно как и северных германских государств. Так что, несмотря на все текущие союзы, Стокгольм полон разного рода агентов, пытающихся повлиять на Бернадотта, его свиту, советников и различных противников, реальных или потенциальных. Их дела, ну, или приписываемые им дела, дают почву для

невероятного количества болтовни. Не наше ведомство, и слава Богу — как-то видел Каслри ^[24], согнувшегося под тяжестью груды отчетов — но, естественно, мы свою долю информации получаем.

Маленькие серебряные настольные часы пробили час, и Стивен поднялся из кресла.

— Вы же не дезертируете, когда бутылка на середине отлива? — воскликнул Блейн. — Сядьте, как вам не стыдно.

Стивен уселся, но с его точки зрения, в бутылке могло быть хоть какао. Когда опустел последний бокал, он произнес:

— Могу ли я поведать вам о странном примере силы денег?

— Если вам угодно.

— Мой слуга, Падин, вы его знаете, чрезвычайно страдал от ретенированного зуба мудрости. Подобные операции за пределами моих способностей. Когда я отвел его к лучшему зубодеру Плимута, то никак не могли заставить его открыть рот — будто он смирился с болью. А теперь я привез его в Лондон, на прием к мистеру Каллису из больницы имени Гая, и ведет он себя совершенно по-другому. Он с радостью открывает рот, он терпит сверло, ланцет и щуп без крика. Не потому, что Каллис — официальный дантист принца-регента, в графстве Клэр это ничего не значит, но потому что операция стоит семь гиней и еще пол гиней за перевязку. Подобная трата — больше чем Падин в жизни расходовал до этой экспедиции «Сюрприза» — не только придает человеку определенный статус, но и неизбежно влечет за собой невероятную степень хорошего самочувствия.

— Вы имеете в виду, что он не ждет вас внизу? — уточнил Блейн, иногда способный разочаровать собеседника. — Вы имеете в виду, что пойдете домой один? И вдобавок с этим безумно огромным бриллиантом в кармане? С легкостью представляю себе, как страховщик отказывается от выплат в такой ситуации.

— Какой страховщик?

— Вы же не хотите сказать, что камень не застрахован?

— Но придется.

— Дальше я услышу, что и у корабля нет страховки.

— Ага, — воскликнул ошеломленный Стивен, — есть же и морское страхование, точно. Частенько об этом слышал. Возможно, нужно побеспокоиться.

Сэр Джозеф взмахнул руками, но произнес лишь:

— Пойдемте, провожу вас до угла Пикадилли. Там всегда ошивается стайка факельщиков. Двое проводят до дома вас, а двое — меня. — По

пути Блейн продолжил: — Когда я говорил о том, что мистер Обри может вступить в бой с государственным кораблем примерно равной силы, то я не совсем бросал слова на ветер, как это могло показаться. Если не ошибаюсь, он особенно хорошо знаком с гаванью Сен-Мартена, не так ли?

— Дважды исследовал и долго участвовал в ее блокаде.

— Могут возникнуть обстоятельства... вы можете остаться в городе еще на неделю?

— Конечно же, могу. Меня можно найти в «Блейкс». Но, в любом случае, мы встретимся в клубе Королевского общества за обедом в четверг, перед моим докладом. Я приведу с собой мистера Мартина.

— Буду счастлив познакомиться с ним.

Знакомство оказалось приятным для обеих сторон. Стивен усадил Мартина между собой и сэром Джозефом, и двое общались беспрестанно, пока не начались тосты. Мартин, как он признался, не уделял должного внимания жестоккрылым, но, так уж случилось, узнал многое о повадках, пусть и не о формах, южноамериканских семейств, наблюдая их вблизи на родной земле. Жуки, особенно светящиеся, вместе с планами Блейна по их новой классификации на истинно научных принципах, составили единственную тему их разговора.

На последовавшем собрании Общества Стивен зачитал свой доклад по остеологии ныряющих птиц, как обычно тихо пробормотав его. Когда выступление закончилось, и те члены Общества, которые могли и услышать, и понять Мэтьюрина, поздравили его, Блейн проводил Стивена во двор и отведя чуть в сторону, поинтересовался самочувствием Падина.

— Совершенно дрянное дело. — ответил Стивен. — Благодарю Господа, что сам не попытался. Зуб пришлось сломать и по одному выдергивать куски нерва. Он перенес операцию лучше, чем даже я бы сам, но боль все равно очень сильная. Я уменьшаю её как могу спиртовой настойкой опиума. Конечно, он демонстрирует значительную силу духа.

— Он свои семь гиней окупил, бедняга. — И дальше Блейн продолжил совершенно другим тоном: — Кстати о моряках, не повредит, если наш друг будет готов отправиться в короткое плавание почти без предупреждения

— Написать ему срочным письмом?

— Если сможете сделать письмо ни к чему не обязывающим. Все может оказаться лишь ложными предположениями, ерундой. Но обидно оказаться неподготовленным, если в итоге все обернется правдой.

Эшгроу никто и никогда не считал бы приемлемым жилищем — коттедж стоял внизу холодного, сырого северного склона на бедной болотистой

земле. Единственная узкая дорога к нему шла по низине — глубокая грязь большую часть года, а после сильного дождя вообще не проехать. Но с вершины склона, из обсерватории, можно увидеть Портсмут, Спитхед, остров Уайт, Ла-Манш и оживленное судоходство. Более того, во времена приливов удачи Джек Обри заложил внушительные лесопосадки и более чем вдвое увеличил дом.

Скудные заросли кустарников прошлых лет в основном превратились в молодой лес. И хотя сам коттедж не мог соперничать с величественной конюшней, с ее двойным каретным сараем и рядами денников, в нем все же было несколько очень комфортных комнат. В одной из них, обычно предназначенной для завтрака, Джек Обри и София с удовольствием допивали еще один кофейник.

Хотя уже несколько лет прошло с тех пор, как сэр Джозеф видел Софию в Бате, она все еще оставалась одной из прелестнейших его знакомых. Несмотря на то, что жизнь с трудным, неистовым и чрезмерно темпераментным, не обладающим ни малейшей деловой хваткой, годами отсутствующим дома мужем, рискующим жизнью и здоровьем в далеких морях, и рождение троих детей взяли свое, несмотря на то, что суд и позорный столб лишили ее румянца на щеках, исключительная красота ее лица, глаз и волос осталась неизменной. А интенсивная умственная и духовная активность по поддержанию дома в порядке в отсутствие мужа и переговоры с иногда беспринципными дельцами стерли последние остатки вялости или беспомощности.

Последние внешние воды богатства, вернувшие дом к жизни (сложно представить, но совсем недавно эта теплая, светлая, веселая, обжитая комната стояла, как и многие другие, запертой и укутанной в саваны чехлов от пыли), заодно сотворили чудеса и с ее кожей: цвет лица стал как у юной девушки.

В то же время, София Обри дурочкой не была. Хотя она знала, что ничто помимо поражения в этой бесконечной войне и банкротства страны не должно создать им снова существенных материальных затруднений, но знала она и то, что Джек никогда не будет по-настоящему счастлив, пока его не восстановят в списке флота.

Внешне он радовался возможности проводить время с ней и с детьми. Конечно же, освобождение от тревог и практически неизбежной судебной тяжбы сыграло свою роль. Но она точно знала, что его вкус к жизни во много раз ослабел по сравнению с былыми временами. Один из многих примеров — в конюшнях держали лишь двух невзрачных рабочих лошадей, и Джек не собирался охотиться. Ко многим аспектам своей жизни

он относился так, будто его избили.

Они практически не принимали гостей и едва ли наносили визиты. Частично потому, что большинство его старых соплавателей ушли в море, но главным образом потому, что Джек отказывался от всех приглашений, за исключением поступавших от людей, которым он был особенно обязан или которые безошибочно продемонстрировали свою дружбу во время суда.

Ранить его легко. Совсем недавно Софии тяжело пришлось во время общения с представителями комитета вест-индских торговцев. Они советовались с ней о подарке, точнее о гербах и надписях, которые на нем нужно выгравировать — сервиз уже ждал в мастерской Сторра.

Она умоляла не включать слова «ранее из королевского флота» и «бывший корабль его величества» и постоянные упоминания слова «приватир». Но джентльменам так понравилось собственное творение, и они так утвердились в мысли, что улучшить его невозможно, и София сомневалась — последуют ли какие-то изменения.

Отряд моряков неслышно прошел за окном, имея своей целью разобраться с гостиной по-флотски. То есть вынести из нее всё до досок, отмыть и начистить все, что попадется на глаза, а после снова обставить мебелью, выровняв кресла, столы и книжные шкафы строго по линейке. Поскольку они обыденно проделывали это каждый день с капитанской каютой в море, для них казалось вполне естественным делать то же самое с его домом на берегу. После недели добротного разврата в Шелмерстоне они уже успели перекрасить все деревянное в коттедже, а также побелить все бордюрные камни у подъезда к дому и дорожки в саду.

Они едва успели пройти мимо, как на дереве с дальней стороны газона запел черный дрозд. До него было достаточно далеко, но коттедж при всех своих неудобствах мог похвастать тишиной, и великолепная песня отчетливо слышалась в комнате.

— Хотелось бы мне уметь так петь, — пробормотал в восхищении Джек.

— Мой ненаглядный, — заверила София, сжав его руку, — ты поешь гораздо лучше.

Птица замолкла посреди трели — раздался приближающийся топот и вопли детей.

— Пошевеливайся, Джордж, мелкий толстожопый увалень, Навались, навались давай, не можешь что ли? — кричала Шарлотта.

— А я чё, не иду что ли? А вам меня придется подождать, — отозвался Джордж вдали.

— Шарлотта, не ори так рядом с домом. Некрасиво, да и родители услышать могут, — одернула ее Фанни воплем, подходящим более для погоды, при которой берут два рифа на марселе. Посторонние могли бы счесть их манеру речи вульгарной, агрессивной и чудовищно громкой. Но росли они в основном под присмотром моряков, заменяющих в Эшгроу обычных слуг. Предоставленные сами себе, дети обычно разговаривали как матросы. Ругались они почти всегда лишь по привычке, и на деле очень любили друг друга. Любой мог в этом убедиться, глядя, как они показались перед окном — девочки вели младшего брата за руки, и все трое подпрыгивали от восторга.

— Прибыло, прибыло, — закричали они, но не совсем в унисон и создавая много разноголосого шума.

— Прибыло, сэр, прибыло, мэм, — крикнул Киллик, широко распахнув дверь. В Эшгроу он исполнял то, что считал обязанностями дворецкого. А в его представлении дворецкие имели право ухмыляться и тыкать большим пальцем через плечо. — И оно в конюшенном дворе на крытой телеге, под охраной двух ребят с мушкетонами и возницы. Там еще был господин, который должен произнести речь, но он ужрался... прошу прощения, злоупотребил спиртным в Годалминге, так что они тут одни. Но речь всё равно на бумажке написана, так что можете ее сами прочесть. Они спрашивают, хотите ли вы, чтобы ящики занесли, сэр?

— Нет, — распорядился Джек. — Проводи их на кухню, но пусть они вначале разрядят мушкетоны, прежде чем ступят за порог. Дай им пива, хлеба, сыра, окорока и мясного пирога. А сам с Бонденом занеси ящики и принеси отвертку и маленький лом.

Ящики занесли в сопровождении детских криков, слышавшихся еще от коридора на кухню:

— Папа, можно мы их откроем прямо сейчас?

— Джордж, — ответил отец, осматривая аккуратно запечатанные и скрепленные железными полосами ящики с надписью наверху «Дж. Обри, эсквайру, Эшгроу-коттедж, Хэмпшир. ОБРАЩАТЬСЯ КРАЙНЕ ОСТОРОЖНО». — Будь умницей, сбегай наверх в комнату бабушки и скажи ей, что кое-что прислали из Лондона.

Прежде чем миссис Уильямс успела переодеться в приличествующий наряд, привести в порядок волосы и осилить ступеньки, с первого ящика слетела крышка, и три четверти комнаты заполнилось соломой и стружками. Миссис Уильямс ахнула от ужаса, и ее могучий голос наполнил комнату для завтрака. Но Джек Обри уже достиг оберточной бумаги, скрывавшей суть, и его руки искали шов в плотно упакованных

свертках.

София с внутренним ужасом наблюдала за тем, как он достал громоздкий предмет из середины ящика и аккуратно развернул его, высвободив сияющую супницу. Голосом, перекрывшим негодование миссис Уильямс, Обри попросил ее подождать минутку, и передал предмет жене. Супница, витиеватое изделие в современном стиле, оказалась столь тяжелой, что миссис Обри едва не выронила ее, но остановила падение, ухватив за другую ручку. Еще прежде чем прочно удержать в руках супницу, София убедилась — надпись сделали в соответствии с ее пожеланиями.

Она прочла ее вслух: «Исключительно заслуженному флотскому командиру Джону Обри, эсквайру, даруется этот сервиз от Ассоциации вест-индских коммерсантов в благодарность за безупречную поддержку и защиту торговли нации, крови ее жизни, на всех широтах и в обеих войнах, и в знак особого признания за восхитительный захват столь упорного и алчного частного военного корабля «Спартана», крупнейшего в своем классе». Под этими словами красовалась надпись «*Debellare superbos*» ^[25] с двумя вздыбленными львами по обе стороны от нее.

— Отлично сказано, — воскликнула миссис Уильямс. — «Кровь жизни» — отличные слова. Поздравляю вас, мистер Обри.

Она с искренней сердечностью пожала ему руку и, забрав супницу у дочери, заметила:

— Она, должно быть, весит сто пятьдесят унций.

— Сэр, — воскликнула Шарлотта, на цыпочках заглядывая в ящик. — По-моему, там еще одна такая же. Пожалуйста, пожалуйста, можно я ее достану?

— Разумеется, моя дорогая, — разрешил Джек.

— Она слишком тяжелая и хрупкая для ребенка, — вмешалась миссис Уильямс, с энтузиазмом вынимая еще одну супницу. — Но она может достать крышку, которая, как я вижу, лежит рядом.

— А можно мне тоже, папа? — прошептала Фанни, засучив рукав.

Элементарная справедливость требовала ответить «да», и распаковка превратилась в подобие лотереи. Каждый строго по очереди запускал ящик в руку и называл (или даже выкрикивал) свою добычу. Соусница, малый ковш, большой ковш, тарелка для салата, баранчик ^[26], грандиозная центральная ваза и так далее, вплоть до десятков больших и маленьких тарелок, пока столы не переполнились и нельзя было шагу ступить без того, чтобы не втоптать солому или стружки в ковер, не говоря уже об

упаковочной бумаге и ювелирной вате. Комната выглядела будто логово бандитов на картине — вест-индские коммерсанты расщедрились, по-настоящему расщедрились.

— Тебе придется найти помощника-другого в плане полировки, — подзадорил Джек Киллика. Тот уставился с восторгом слабоумного на множество поверхностей, которые можно атаковать с угольным порошком и замшей наперевес. Как и многие моряки, он обожал начищать металл до блеска. Старые серебряные тарелки Джека он уже довел почти до состояния фольги.

— Теперь из-за детских грязных рук все надо помыть горячей водой с мылом, — распорядилась миссис Уильямс, — а когда полностью высохнет — завернуть в байку и запереть в сейф. Слишком хорошее серебро, чтобы им пользоваться.

— Шарлотта, — проигнорировал ее Джек. — Вот тебе ложка, твоя собственная, а вот для Фанни.

— Спасибо, сэр, — воскликнули они, присев в реверансе и покраснев от удовольствия. Совершенная синхронность возгласов, выражения лица, движений и румянца у близняшек казалась странной, но очень трогательной.

— А вот тебе, Джордж. Она тебе понадобится, когда ты отправишься на свой первый корабль.

Миссис Уильямс принялась озвучивать свои мысли о флотском образовании. Джек Обри хорошо знал их благодаря частым повторениям еще с тех времен, когда маленький Джордж только начал носить штанишки, и выслушивал отстраненно.

— Мама, — спросила Фанни, уставившись на надпись на первой супнице, — ты пропустила «дебелларе superbos» вниз. Что это значит?

— Это на латыни, дорогая, — ответила София. — Вот и все, что я знаю. Тебе придется подождать доктора Мэтьюрина или мисс О'Мару.

Последняя (дочь убитого в битве на Ниле офицера) ожидалась в доме в качестве гувернантки, и ее имя каждый раз омрачало дни девочек дурными предчувствиями. Но теперь Фанни едва ли его заметила:

— Спрошу папу, — успокоилась она.

— Эй, в гостиной, — окликнул Дрей, чей единственный грязный ботинок (вторую ногу ему заменяла деревяшка) ограничивал его передвижения кухней.

— Эй! — отозвался Киллик столь же громогласно.

— Срочное письмо капитану.

— Для вас срочное письмо, сэр, — обратился к Джеку Киллик.

— Срочное письмо! Что же там может быть? — воскликнула миссис Уильямс, приложив носовой платок к губам.

— Пожалуйста, сбегай на кухню и принеси его, Джордж, — попросил Джек.

— Посыльный по дороге свалился с лошади и весь в крови, — не без удовлетворения сообщил Джордж, вернувшись. — Письмо тоже.

Джек зашел в глубокий эркер и в обеспеченной изумлении тишине (срочные письма — чрезвычайная редкость в Эшгроу) услышал, как теща шепчет Софии: «Какое ужасно дурное предзнаменование. Как я надеюсь, оно не о том, что банк мистера Обри разорился. Кровь на конверте! Я уверена, в нем говорится — банк мистера Обри разорился. Ни один банк сейчас не надежен — разоряются направо и налево».

Джек на секунду задумался. Мелкий ремонт, который требовался «Сюрпризу», почти закончили. Если бы обстоятельный и надежный Том Пуллингс находился на борту, то практически наверняка корабль можно подготовить к выходу в море за несколько часов. Но Том явится только во вторник. Хотя Дэвидж и Вест — способные, опытные офицеры, Джек их не очень хорошо знал и не стал бы полагаться исключительно на них при подготовке к бою. Стивен не заговорил бы о краткосрочном плавании или уведомлении в кратчайший срок, если бы не определенная вероятность стычки.

Пока Джек оценивал возможности, он понял, что его молчание и вздорный шепот миссис Уильямс нагнетали уныние, и дети уже выглядели довольно мрачно.

— Софи, — произнес он, кладя письмо в карман. — Я думаю, что утром должен съездить посмотреть на корабль, а не ждать до вторника. А тем временем давайте перенесем все это богатство в столовую и расставим так, будто собираемся дать званый обед.

С двумя дополнительными крыльями обеденный стол с комфортом вмещал четырнадцать человек, и им требовалось внушительное количество столовых приборов. Хотя сервиз оказался гораздо более вычурным и витиеватым, чем Джек или София выбрали бы сами, даже наполовину накрытый стол выглядел величественно, в довольно показной манере. Особенно это стало заметно, когда задернули шторы и зажгли свечи, дабы серебро ярче сверкало. Дети все еще в восторге носились туда-сюда словно муравьи, когда снаружи послышался стук колес. Сквозь шторы они разглядели запряженный четверкой экипаж.

Стивен вышел из повозки, понурый и перекошенный после долгой дороги. Падин нес сумку. Дети кучкой понеслись на улицу, крича слишком

громко, что доктор Мэтьюрин приехал в экипаже четверкой, и что одна лошадь вся в пене, а у Падина до сих пор перевязано лицо.

— Стивен! — воскликнул Джек, бегом спускаясь по ступеням. — Как я рад тебя видеть. Ты не мог выбрать более удачный момент — мы собираемся пировать. Падин, надеюсь, тебе лучше? Киллик поможет тебе отнести вещи доктора в комнату.

Наемный экипаж уехал ждать в «Козу и компасы», где за форейтора могли замолвить словечко. Стивен вошел в дом, расцеловал Софию и двух вытянувшихся в ожидании близняшек и обменялся поклонами с Джорджем:

— Рад застать тебя здесь, — сказал он Джеку в холле. — Боялся, что ты умчался в Шелмерстон вчера или позавчера.

— Я твое письмо получил где-то час назад.

— Доброе утро, мэм, — Стивен раскланялся с миссис Уильямс в столовой. — Можно ли в такое поверить? Я посылаю срочное письмо из самого Лондона — не из далекого Баллимахона, и не из Кембриджа посреди болот два дня назад. А оно прибывает за два часа до меня. Один фунт, шестнадцать шиллингов и восемь пенсов чистого убытка, не считая полкроны посыльному.

— Ох, в это я поверю с легкостью, сэр, — воскликнула миссис Уильямс. — Это всё часть плана кабинета министров. Они хотят разрушить страну. Сейчас нами правят демоны, сэр. Исчадия ада.

— А у меня есть своя серебряная ложка, — похвастал улыбающийся Джордж. — Хотите посмотреть?

— Софи, — озвучил свои мысли Джек, — вот прекрасная возможность опробовать сервис. Стивен не обедал. Мы не обедали. Все накрыто, прям как для чертовой адмиральской проверки. Можем ли мы организовать парочку простых блюд — я точно знаю, что есть готовое маринованное свиное рыло — и развернуться с обедом вовсю?

— Конечно можем, дорогой, — без промедления ответила София. — Дай мне час, и под каждой крышкой будет хоть что-то.

— А тем временем, Стивен, давай пройдем в курительную. Выпьем по бокалу мадеры. Рискну предположить, ты с удовольствием выкуришь сигару после путешествия.

В курительной Джек поинтересовался:

— Падин выглядит так, будто на войне побывал. Операция оказалась очень болезненной?

— Да, очень болезненной и очень длинной. Но все эти шишки и ссадины он заработал в битве в «Блейкс». В комнате, где отдыхают слуги

членов клуба, трое принялись дразнить его повязку и спрашивать — он сын осла или кролика? Он их уничтожил. Одному сломал ногу — большую и малую берцовую кости, открытый перелом. Второго швырнул в широкий старомодный камин и подержал его там немного. А за третьим гнался до тех пор, пока тот не прыгнул в пруд в парке Сент-Джеймс. Падин за ним не последовал лишь из-за своей хорошей черной одежды. К счастью, несколько членов клуба — магистраты графства Мидлсекс, и мне удалось спасти его от последствий.

— Не стоит с ним связываться. Это тот самый ягненок в овечьей шкуре, который лежит рядом со львом. Видел я, как он славно шел на абордаж «Спартана».

— Вот, значит, как. — Стивен подошел к камину, зажег сигару и сменил тему: — Послушай, Джек, у нас есть возможность настоящего сражения. Я имею в виду — атаковать фрегат французского флота. Меня заверили, что успех или даже достойное поражение в таком бою может оказать благотворное влияние на твое потенциальное восстановление в списке пост-капитанов.

— Господи, да я за это правую руку отдам! — воскликнул Джек.

— Умоляю, не говори таких вещей. Не искушай судьбу. Мой друг, конечно, не дает никаких гарантий. Но факт в том, что для чиновничьего ума битва с государственным кораблем считается, а с частным — нет. А теперь очень кратко о ситуации: среди прочих кораблей в гавани Сен-Мартена стоит новый фрегат «Диана» о тридцати орудиях. Корабль специально спроектирован и оснащен для экспедиции в Южную Америку, особенно в Чили и Перу, примерно, как и мы. Возможно, и в Южные моря — поохотиться на наших китобоев. Припасы почти все на борту, как и более-менее официальные французские агенты. «Диана» должна отплыть при низкой воде в ночь на тринадцатое, во время новолуния, чтобы выйти из Ла-Манша до рассвета. «Диану» и некоторые другие корабли с недавних пор блокирует прибрежная эскадра, включающая «Нимфу». Она вполне может справиться с французским фрегатом и любыми бригами или канонерскими лодками, которые могут выйти на помощь. Но текущие нужды таковы, что ни «Нимфа», ни ее обычный спутник «Беканти» не могут быть освобождены от более важного задания в другом месте. И от эскадры останется «Тартарус» и престарелый «Дельфин». Планируется, что эту недостачу скроет судно снабжения «Кэмел» и какое-то еще одно. Но противник в курсе наших перемещений и планирует выполнить свой план. Так что моему другу пришло в голову, что если «Сюрприз» вмешается, это может послужить на благо всем сторонам.

— Господи, Стивен, — воскликнул Джек, пожимая ему руку, — ты не мог принести лучших вестей. Можно рассказать Софи?

— Нет, сэр, нельзя. И никому другому, пока мы не выйдем в море или не начнем поднимать якорь... я хотел сказать паруса. Теперь послушай внимательно, Джек. Я взял на себя право получить твоё согласие...

— И ты его получишь! — рассмеялся Джек.

— На операцию, на предполагаемую операцию, и на несколько извилистый её официальный характер. Мы одолжили или сдали в аренду корабль короне, и Адмиралтейство предоставило документ на случай, если какой-нибудь флотский офицер окажется крючкотвором или создаст трудности. Поскольку старшим офицером остается наш дорогой Уильям Баббингтон, то вероятность разногласий представляется приемлемо низкой. Но лучше все же иметь подобный документ, и он послужит хорошим прикрытием в нашем южноамериканском плавании. Начинается он так: «От лица членов комиссии, исполняющих обязанности лорд-адмирала Великобритании и т.д.». Адресуется он «флагманам, капитанам и командерам кораблей и судов Его Величества, которым данное письмо будет предъявлено». Основное содержание таково: «Поскольку мы предписываем Джону Обри, эскайру, следовать на наемном корабле Его Величества «Сюрприз» согласно отдельному приказу, Вам предписывается не требовать от него подтверждения инструкций, полученных от нас для исполнения вышеупомянутого приказа, а также ни под каким предлогом не задерживать его, а напротив, оказывать любую помощь, которая ему потребуется для исполнения данных приказов». Подписал бумагу Мелвилл и еще два лорда Адмиралтейства, а по их указанию — этот проклятый ворюга Крокер. Как видишь, здесь есть и дата, и печать.

Джек взял листок с таким благоговением, будто священную реликвию. На глазах у него проступили слезы, и Стивен, знающий о склонности англичан демонстрировать смущающие эмоции, продолжил жестким тоном:

— Я должен тебе сообщить, что «Дианой» командует чрезвычайно способный офицер, брат того самого Жан-Жака Люка, который так отличился, командуя «Редутаблем» при Трафальгаре. Ему позволили выбирать людей в экипаж, и он их тренировал по методам брата. Ловкость, с какой они управляются с парусами, удивляет даже квалифицированных наблюдателей, а еще больше — скорость и точность огня их пушек и стрелкового оружия. На борту, скорее всего, обнаружится несколько гражданских лиц с документами. Сможем нанести серьезный удар, если захватим их в целостности и сохранности. А теперь, есть ли у тебя план

или карта местности, чтобы мы могли внимательно все рассмотреть?

— У меня есть результаты собственного исследования. — заверил Джек. — Второго. Давай перейдем, что ли, туда, что я довольно глупо зову библиотекой? Захвати с собой вино.

В подобных вещах Джек Обри отличался исключительной точностью и методичностью. В течении двух минут он разложил на библиотечном столе слегка пожелтевшие листы, отметив, что промеры он вел вместе со штурманом «Беллерофона» мистером Дональдсоном, лучшим гидрографом флота, в девяносто седьмом году. Отклонение компаса с тех пор сместилось на тридцать одну угловую секунду к осту, и некоторые глубины нужно перепроверить, но он рискнет провести корабль мимо береговых батарей и встать на якорь без лоцмана.

Карта показала им длинную, далеко вдающуюся в сушу гавань, меньше чем четверть мили ширины в устье и две мили в глубину. Вход сужал волноломом, а в глубине установлена шестиорудийная батарея. Оба берега довольно крутые, но южный, заканчивающийся крутым хребтом с маяком, гораздо выше, за исключением места соединения с основным массивом суши, где перемычку охраняло серьезное укрепление.

Город раскинулся на большей части мыса к востоку от маяка и по другую сторону от порта. Военные корабли стоят у крепкого каменного причала на южной стороне гавани, торговые суда в основном (но не всегда) — с другой стороны, а мелкие суденышки и рыбацкие лодки держались дальней части бухты. Город насчитывал тысячи четыре-пять человек плюс гарнизон, и три церкви. И конечно, здесь были довольно известные верфи и склады.

— Вот тут, — показал Джек на перешеек, — мы высадились в начале войны, напали на них с тыла и сожгли верфь вместе с двадцатипушечным кораблем на стапеле. Господи, как же все полыхало! Смола, краска, древесина и парусина — пламя раздувало сильным ветром с зюйда, можно было даже с легкостью читать. Именно после нашей проделки они построили эту батарею. Как видишь, песчаные банки затрудняют кораблю с осадкой хотя бы как у фрегата прямой проход и выходы из гавани. Поскольку «Диана» не захочет наскочить прямо на основную блокирующую эскадру к северу и должна вскоре сменить курс на зюйд-вест, вот так она должна выходить с отливом, а вот здесь, — он показал на крутой мыс, — мы должны ждать ее с потушенными огнями. Это место мы зовем мысом Боухед.

Он добавил несколько замечаний по поводу ожидаемых ветров, приливов и отливов, и эффекта, оказываемого на них ветром.

В конце концов, когда у Стивена перед глазами совершенно отчетливо предстали порт, подходы к нему и окружающие холмы, Джек убрал карту и уставился в окно на склон, поднимавшийся к его маленькой обсерватории с медным куполом. Он обнаружил, что для него невероятно важно уважение детей, и удовольствие от демонстрации серебра вест-индских коммерсантов оказалось гораздо более значимым, чем он мог предположить.

Что-то они знали о случившемся, но что именно (или что думали по этому поводу), Джек сказать не мог. Но он знал, что хотя бы с этой точки зрения восстановление во флотском списке стоило правой руки. Даже мысль о реальности этой возможности кружила голову. Он почти озвучил свои мысли в отвлеченной, абстрактной манере, когда Киллик в парадной одежде открыл дверь и провозгласил:

— Жратва готова, сэ, если изволите.

Миссис Уильямс не отличалась особой наблюдательностью, но, как и ее дочь, вид идущего за Стивеном Джека ошеломил ее. Она прошептала: «Если ты не сможешь заставить Киллика держать графины подальше от мистера Обри, то боюсь, нам придется очень рано покинуть джентльменов».

Глава пятая

Джек Обри никогда не любил довольно обыденную на флоте среди капитанов манеру подниматься на борт без предупреждения и заставлять команду врасплох. Но в этот раз под рукой не оказалось ни шлюпки, ни её старшины, так что другого выбора не оставалось. На этот раз он даже порадовался, потому пока его и Стивена вез шелмерстонский ялик, «сюрпризовцы» демонстрировали неподдельный пример трудолюбия.

Вдоль бортов висели люльки, и последние следы синего исчезали под свежей белой краской. Мистер Балкли и его помощники карабкались по такелажу как огромные пауки, обновляя направляющие блоки и закрепляя чехлы из красной кожи на большие стропы — милая деталь. Хотя дифферент оказался не совсем верным — фрегат немного кренился на нос — ясно, что большую часть воды уже приняли на борт. Для дальних плаваний шелмерстонская вода считалась лучшей к югу от Темзы, но набирать ее нелегко, и в отсутствие Джека «сюрпризовцы» совершили немало утомительных переходов на шлюпках.

Пока Джек оценивал корабль, то вполуха слушал лодочника, чей сын (как и многие другие в городке) чрезвычайно желал попасть на корабль под командованием капитана Обри. Настоящий моряк, совершил три плавания в Кантон и одно — в Ботани-Бей, с первого же числится умелым моряком. Редкого таланта скрипач, трезвый и не драчливый, пока не попадет на вражескую палубу. Англиканин и (что особенно подчеркивалось) всегда слушается приказов.

— Да, — отозвался Джек, — уверен, он хороший юноша. Но у нас есть все необходимые матросы, знаете ли. Но все же, по мере того как поступят все призовые деньги и их должным образом разделят, могут появиться вакансии. По-моему, некоторые планировали начать свое дело или купить таверну.

— А что насчет тех неуклюжих уродов, которых вы выгнали, ваша честь?

— Господь с вами! На их место нашлась замена в тот же вечер. Нет, пусть ваш парень придет ко мне или к капитану Пуллингсу, когда все уладится, недели через две. Тогда на него и посмотрим. Как его звать?

— Абель Хейз, сэр. Абель. Не Сиф, — уточнил лодочник, как-то по-особому взглянув. Смысла этого уточнения Джек не понял.

— Пройдите-ка вокруг корабля, прежде чем пристать к борту.

Ялик где-то в кабельтове прошел за кормой фрегата и подошел к безукоризненному правому борту. Безукоризненному за исключением имени «Сиф», аккуратно и отчетливо написанному на белой полосе по миделю, между черными портами двенадцатого и четырнадцатого орудий. Джек ничего не сказал, но лицо его, вернувшееся хотя бы часть прежней привычной румяной веселости, посуровело, посерело и снова лишилось улыбки.

— К грот-русленям левого борта, — скомандовал он после паузы и оттуда быстро поднялся на квартердек, отсалютовав — менее трехсот лет назад здесь еще висело распятие. Ему ответили Дэвидж, Вест и Мартин, прибывший в субботу. Он избегал путешествовать в воскресенье, на что ни Джек, ни Стивен не обращали внимания. Все трое оказались гораздо лучше одетыми, чем когда впервые поднялись на борт, и очевидно, их благосостояние улучшилось, но лица у них оказались тревожными и измученными.

— Добрый вечер, джентльмены, — поприветствовал их Джек. — Я спущусь вниз, мистер Дэвидж, и буду рад выслушать ваш рапорт через пять минут.

В каюте ждало несколько писем и посланий, по большей части — просьбы взять на борт, но имелись и поздравления, и пожелания от старых сослуживцев, некоторые даже из гринвичского госпиталя. Он все еще читал одно из них, когда зашел Дэвидж.

— Сэр, я с чрезвычайным беспокойством вынужден доложить о мятеже на борту.

— О мятеже? Но по состоянию корабля я предполагаю, что он далеко не всеобщий.

Джек действительно заметил отсутствие веселой болтовни и смеха на борту и угрюмые, тревожные взгляды, но ничего отдаленно похожего на злой умысел. За время службы он стал свидетелем нескольких мятежей, не считая великих волнений в Спитхеде и Норе, а еще о большем числе слышал — удивительно обычное дело на флоте. Но не на процветающем, занятом делом корабле, со свободным увольнением на берег и всеми удовольствиями, которые только можно купить, под рукой.

— Кто замешан?

— Слейд, братья Брэмптон, Моулд, Хинкли, Оден и Ваггерс, сэр.

— О Господи! — Лучшие шелмерстонцы — два рулевых, помощник канонира, а остальные — обстоятельные моряки, тихие, надежные ребята. Золото, а не матросы. — Садитесь, мистер Дэвидж, и вкратце доложите

мне о ситуации.

Но Дэвидж не умел рассказывать кратко и одновременно последовательно, связно и беспристрастно — его разум так не работал. Пусть и компетентный офицер, способный выдать серию быстрых приказов в опасной ситуации при плохой погоде или в виду подветренного берега, в повествовании своем он до обидного дрейфовал. Джек совершенно не был уверен, что когда повторы и отклонения от темы Дэвиджа подошли к сбивчивому финалу, в распоряжении капитана появились все сведения.

Он все же понял, что воскресным утром семь матросов, все сифиане («Кто такие сифиане, мистер Дэвидж?» «Да кто-то вроде рантеров [\[27\]](#) или методистов, сэр, не вникал в это») из Старого Шелмерстона, деревни чуть подальше от моря, собрались в своем молитвенном доме.

Пообедали они на берегу, а по возвращении на корабль кто-то из них или все вместе спустились в висевшую по правому борту люльку и написали оскорбительное слово.

Дэвидж не заметил поначалу — кают-компания давала обед в честь первого визита на корабль миссис Мартин. Но возвращаясь на корабль после того как проводил Мартинов, он, конечно, увидел бросающееся в глаза с огромного расстояния слово — корабль повернулся с приливом. Он сразу же распорядился убрать его. Все делают вид, будто никто не знает виновного. Никто не собирается соскребать или закрашивать надпись — вечные оправдания: кисти отмокают, день воскресный, надел выходную одежду, срочно нужно на бак, от крабов, видите ли, расстройство желудка.

Один в конце концов признался, что это его рук дело, но убрать надпись отказался. Заявил, что совесть не позволяет, и в этом его поддержали остальные шестеро. Без агрессии или оскорбительного поведения и не пьяный, но вместе с остальными подтвердил — если кто-то попытается убрать имя, то первый его мазок станет последним.

Дэвидж и Вест не получили поддержки ни от боцмана, ни от канонира, ни от плотника, и уж тем более не от матросов. Они, хотя и не бунтовали, но довольно открыто заявили, что не будут делать ничего, что может принести неудачу. Из страха усугубить положение Дэвидж с тех пор не отдавал никаких прямых, однозначных приказов на этот счет. Не имея морской пехоты, он, разумеется, и не мог арестовать всех семерых.

Поскольку Дисциплинарный устав на борту не действовал, а корабль не в море, ни он, ни Вест не знали, как поступать. Дэвидж все же отстранил матросов от обязанностей до прибытия капитана и запретил им подниматься на палубу. Может быть, их стоило сразу отправить на берег.

Если он поступил неправильно, то искренне сожалеет об этом, но вызывает к беспристрастности капитана Обри.

— С мистером Мартином посоветовались? — уточнил Джек.

— Нет, сэр. Он вернулся лишь незадолго до вас.

— Понимаю. Ну что ж, думаю, вы приемлемо справились с трудной ситуацией. Прошу, спросите у докторов, не найдется ли у них минутка для меня.

За короткое время ожидания в его мозгу пронеслись различные варианты действий, но аргументы за и против все еще находились в равновесии, когда открылась дверь каюты:

— Мистер Мартин. Вы, без сомнения, слышали о нынешней проблеме. Расскажите, пожалуйста, всё что можете об этих сифианах. Никогда о них раньше не слышал.

— Ну, сэр, их корни лежат в гностицизме Валентина, но связь настолько длинная, отдаленная и запутанная, что мало смысла ее отслеживать. Сейчас это маленькие независимые общины, насколько я знаю, без единого руководства. Но в этом удостовериться сложно — над ними так долго нависала опасность гонений за ересь, что они по природе очень скрытные. До сих пор сохраняют дух тайного общества.

Они верят, что Каин и Авель привнесены в мир ангелами, а Сиф, рожденный, как вы помните, после убийства Авеля — чистейшее творение Всемогущего. Он не только предок Авраама и всех ныне живущих людей, но и образ нашего Господа.

Они невероятно благоговеют перед ним и верят, что он присматривает за сифианами с особой заботой. Но об ангелах они невысокого мнения, считая будто... как бы лучше выразиться, что их взаимное несовершенство вызвало всемирный потоп. Он должен был уничтожить их потомков, но некоторые пробрались на ковчег, и от них, а не от Сифа, происходят все грешники.

— Странно, что я никогда о них не слышал. Они часто выходят в море?

— Думаю, нет. Большинство из тех немногих, с кем я встречался или о ком слышал, живут в отдаленных частях западных графств. Иногда они вырезают имя Сифа на своих домах. Из-за этого они разделились на два враждебных лагеря. Староверы пишут «С» задом наперед, а новый лагерь — как мы. Помимо этого и нежелания платить десятину, они обладают репутацией людей честных и держащихся вместе, трезвых и надежных, примерно как квакеры. Но в отличие от квакеров, от войны они не бегут.

— Но они же христиане или нет?

— В этом отношении, — произнес Мартин, глядя на Стивена, — есть гностики, которые бы озадачили святого Петра.

— Валентинианцы были так добры, что считали христиан заслуживающими спасения, — заметил Стивен. — Мы, вероятно, можем отплатить им тем же.

— В любом случае, эти люди гностицизм Валентина оставили далеко позади, он почти позабыт. Священное писание у них наше, думаю, их вполне можно назвать христианами, хотя и не слишком ортодоксальными по некоторым вопросам.

— Рад это слышать и благодарен вам, сэр, за все, что вы мне рассказали. Мэтьюрин, вам есть чем дополнить?

— Ни единого слова. Не мне учить Мартина богословию, он все-таки бакалавр теологии.

— Тогда пройдемся по палубе, а потом я поговорю с сифианами.

Он прошелся по палубе — прекрасный вечер — но не нашел никакого ясного решения к тому моменту, когда вернулся в каюту и послал за мятежниками. В отношениях между людьми Джеку было далеко до Макиавелли, так что к морякам он обратился совершенно искренне:

— Веселенькое дельце, клянусь. Какого черта... что, во имя Господа, заставило вас написать имя Сифа на борту?

Все семеро выстроилась в кормовой каюте на клетчатом ковре. Свет кормового окна падал им в лицо, и Джек, стоя к ним лицом, видел их очень хорошо: суровые, крепкие парни, удрученные случившимся, обуреваемые дурными предчувствиями, но не угрюмые и ни в коем случае не агрессивные.

— Ну же, Слейд, ты самый старший, расскажи, как так вышло.

Слейд посмотрел налево-направо на своих подельников (те единодушно кивнули).

— Ну, сэр, мы те, кого зовут сифианами, — проямлил моряк на картавом диалекте западных графств.

— Да, мистер Мартин рассказал мне о них: вполне почтенная ветвь христианства.

— Так и есть, сэр. В воскресенье мы отправились в свой молельный дом в Старом Шелмерстоне.

— Сразу за кузней, — вмешался один из братьев Брэмpton, — и там до нас допёрло, что Сиф, — они синхронно перекрестились костяшками пальцев, — в последнем плавании был к нам очень добр.

— Эт точно, — согласились остальные.

— И вот, когда мы отобедали в таверне у Уильяма, то подумали, что с

незапамятных времён наши люди всегда наносили его имя на свои дома, как особое благословение, то что мы называем свидетельством благодарности. Поэтому, когда мы вернулись, то нанесли его имя на корабль.

— Понимаю. Но когда вам велели убрать его, вы этого не сделали.

— Нет, сэр. Для нас его имя священо. Его нельзя трогать. Ни у кого из нас не поднимется рука сделать это.

— Эт точно, — согласились его кореша.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — согласился Джек, — но скажите мне, что вы пили во время обеда?

— Мы не напивались, сэр, — возразил Слейд.

— Так мне и доложили. Но вы же не ели всухомятку — это же бессмысленно, бренча золотом в карманах, пить воду или кислое молоко. Так что же вы пили?

Их доклад, сделанный прямо-таки с религиозной точностью, свелся к кварте [\[28\]](#) с небольшим пива или сидра на каждого, за исключением Слейда и Одена — они разделили между собой бутылку вина.

— По совести сказать, что это скромно, — согласился Джек. — Но удивительно, как даже пара бокалов вина может незаметно помутить рассудок человека. Если бы вы не пили вина, то сообразили бы, что «Сюрприз» — частный военный корабль. Он должен полагаться на скрытность и обманывать врагов. А как можно пройти незамеченным или обмануть кого-то с этим именем, так отчетливо виднеющимся по миделю? Опять-таки, все христиане знают, что воздастся каждому по делам его. У вас сотня с лишним соплавателей. И что, им придется оставаться без призовых денег из-за вашего обычая? Очевидно же, это нечестно, неправильно и несправедливо. Имя нужно убрать. Нет, нет, — заверил он, перехватив их поникшие затравленные взгляды. — Я не имею в виду, что его нужно соскоблить, закрасить или вообще к нему прикасаться. Мы закроем его куском доброй парусины, как делали по пути к Сан-Мигелу. А потом, может, закрасим парусину на случай плохой погоды. Но имя-то останется на месте, и сила его тоже.

Он заметил, как матросы кивнули друг другу, а когда Слейд бросил взгляд направо и налево, все согласилось.

— Ну, сэр, если будет так, то мы в общем-то довольны, и спасибо вам, сэр, что нас выслушали.

— Жалко было бы увольнять таких славных моряков. Но кое-что еще нужно сделать. Вы очень грубо отвечали мистеру Дэвиджу и ворчали. Нужно попросить у него прощения.

На несколько мгновений моряки замялись, в сомнении поглядывая друг на друга. Потом выступил Оден:

— Закавыка в том, что он такой благородный джентльмен, сэр, а мы простаки, и понятия не имеем, что сказать.

— Вы должны подойти к нему, снять шляпы как положено, и один из вас должен сказать: «Мы просим прощения, сэр, за то, что отвечали грубо и ворчали».

— Немного неудобно обходиться без Киллика до завтра — заметил Джек Обри, накладывая Стивену огромный кусок пирога с телятиной и окороком, который София собрала для них на ужин, — но я бы не хотел его здесь видеть сегодня даже за сотню фунтов. Ты же знаешь, что он любит подслушивать. И хотя с сифианами я говорил совершенно искренне, но не мог бы рассуждать о нравственном долге и всем таком с ним в пределах слышимости.

— Когда мы увидим команду из Эшгроу? — поинтересовался Стивен.

— Часа в четыре пополудни, я думаю, если все пойдет нормально и экипаж не опрокинется. Примерно в одно время с Пуллингсом.

— Что ж, это чернейшая и печальнейшая новость для меня. Я забыл взять с собой чистую рубашку и эту забыл поменять на неделю. А сейчас, надувшись от славы и гордости, и от того, что могут потратить по две гинеи, кают-компания планирует попросить нас отобедать завтра, чтобы тебя представить миссис Мартин. Я ее очень уважаю и не желал бы выглядеть как шонин ^[29] из Вольностей.

Стивен бросил взгляд на манжету рубашки. До длинной ночи в грязном экипаже она казалась просто неопрятной, а сейчас смотрелась позором всему кораблю.

— Ну что ты за тип, Стивен! — изумился Джек. — После стольких лет в море все еще никакого представления о жизни на борту. Отдай рубашку любому старому «сюрпризовцу», которого ты вылечил от сифилиса или дизентерии. Любому, кто в голову придет — Уоррену, Херсту, Фаррелу, да кому угодно. Он ее постирает в бочке с пресной водой, высушит на камбузе и утром вернет тебе. А пока в ночной рубашке походишь. Я буду ждать возможности наконец-то познакомиться с миссис Мартин, особенно потому, что ты женщин редко хвалишь. На кого она похожа?

— На звание красавицы она не претендует. Если на то пошло, у нее вообще нет никаких претензий — интеллектуальных, артистических или общественных. Она и не высокая, и не низкая, иногда носит очки. Но очень хорошо воспитана, у нее добрый нрав и хорошее чувство юмора, так что она превосходный собеседник.

— Помню, ты рассказывал о том, как она преданно ухаживала за Мартином после того, как ты ему вскрыл брюхо. Буду рад, что знакомство состоится в обед. Через несколько часов уже станет поздно — не хочу показаться невнимательным. Но как только Пуллинкс, Бонден, Киллик и все остальные поднимутся на борт, думаю, мы сможем выйти в море. Еще кое-что не мешало бы добавить в плане припасов, и может быть, мне бы удалось найти кока, но с этим или следующим отливом нам надо быть в Проливе.

— Ты меня удивляешь, дружище, я поражен. «Диана» отплывает лишь тринадцатого. Сегодня, если не ошибаюсь, четвертое. Мы за меньшее время можем вплавь добраться до Сен-Мартена или, точнее, до той точки в океане, где ты собираешься перехватить фрегат.

Джек откупорил еще бутылку вина и некоторое время спустя объяснил.

— Ночью, пока мы сюда ехали, я обдумал еще раз всю операцию и продолжаю обдумывать, с учетом того, что ты мне сообщил о командире и отборном экипаже. Как мне кажется, вместо того чтобы ждать его у мыса, учитывая вероятность ненастья, неподходящего ветра или наветренного положения противника, разумнее будет прийти прямо к нему. Опять-таки, есть вероятность, что до выхода из Пролива его сопровождает корвет или бриг. Если у французов хорошие артиллеристы, это значит, что они очень хорошие. Прежний «Сюрприз» справился бы, но с нашей нынешней командой мы не можем так хорошо сражаться на оба борта сразу, как хотелось бы.

— Так почему бы не нанять больше матросов, ради всего святого? Или они не окликают нас на улице, умоляя взять на борт?

— Поверь мне, Стивен, это не сработает. Канонира за неделю не натренируешь, да и за много недель тоже. И морские пехотинцы к нам по свистку не прибегут. Можешь возразить, что они просто солдаты, и будешь совершенно прав. Но они стойкие, вымуштрованные и хорошо дисциплинированные. Наши тридцать с лишним морских пехотинцев очень помогали в бою. Ты должен был запомнить эффективность их ружейного огня.

Стивен едва не спросил, почему бы «Сюрпризу» не набрать снова полный экипаж, с эквивалентом морских пехотинцев, как бы их не называли. Но ответ оказался очевидным — Джек, как и во многих других вопросах, щадил карманы друга.

— Господи, — улыбнулся Джек, — я же тебе сейчас признался, что совершенно искренне говорил с сифианами и, разумеется, сказал именно

то, что думаю. Но рискну предположить, что чертово нежелание расставаться с семьей первоклассными матросами сделало меня чуть мягче, чем при полном штате и Дисциплинарном уставе за спиной. С другой стороны, скажу по чести, что если со всей силы обрушиться на людей в такой ситуации, то это расстроит команду гораздо сильнее, чем агрессивные офицеры, избыток порки и отсутствие увольнений на берег. Гораздо сильнее.

— Ты поступил правильно, я уверен. Люди способны костями лечь за гораздо менее уважаемые имена, чем Сиф — заверил Стивен. — Так что, ты планируешь выйти в море, как я понял?

— Да. Мне кажется, что лучший вариант для нас — попробовать захватить «Диану» ночью. Можно ретиво караулить корабль у берега и все же его пропустить. Но если ты ворвешься в порт, прежде чем твоя цель поднимет паруса, ты хотя бы ее найдешь. А это необходимое условие для начала битвы.

— С этим в жизни спорить не буду, дружище.

— Видишь ли, я планирую отчалить в крайнем случае завтра. Расскажу людям о нашем плане, объясню им форму, характер, глубины и пеленги Сен-Мартена по чертовски огромной карте, которую мне еще предстоит нарисовать. Покажу им, где причалена «Диана» и где встанем на якорь мы. А потом зайдем в Полкомб или в другую уединенную бухточку — в зависимости от погоды, встанем на якорь и будем тренироваться в захвате корабля со шлюпок ночь за ночью, пока каждый не будет знать точно, где ему надлежит быть и что делать.

— Рукоплещу твоему плану. Совсем прекрасно, если на время учений корабль воздержится от сообщения с берегом. Подобные замыслы легко раскрываются, особенно в контрабандистских местах, где слишком много движения туда-сюда. Не будет ли неуместным предложить найм нескольких славных, решительных, отчаянных парней именно для этой операции?

— Понял твою мысль насчет отсутствия сообщения с берегом, и я тоже об этом задумывался. Но что до наемных головорезов, уверен — Уильям и его спутники предоставят столько волонтеров, сколько поместится в шлюпки, и привычных к флотской дисциплине. Боюсь лишь одного, — Джек кашлянул, — что их окажется слишком много, и они начнут болтать или шуметь.

Даже немного вина, как он уже говорил раньше, может повлиять на суждения человека. Он едва ли не признался в том, что чудовищно страшится рвения и дружбы Баббингтона, совершенно неуместной в

данной ситуации. Он может присоединиться к экспедиции, и тогда, в случае успеха, «Диану» захватят «Капитан Баббингтон, ЕВК «Тартарус», с помощью шлюпок с других военных кораблей под его командованием и приватира».

От предложения, которого он страшился, нельзя было отказаться. Захват «Дианы» сделает Уильяма Баббингтона, все еще только командера, пост-капитаном — важный флаг на пути к адмиральскому званию и высоким должностям. Джек собирался пожаловаться Стивену, но так не пойдет. Уильям должен понять сам или не понять вообще.

В крепкой привязанности Уильяма Джек не сомневался — он ее полностью подтвердил, но доброе сердце не обязательно связано с ярким умом, способным моментально сравнить ценность практически гарантированного продвижения по службе с одной стороны и отдаленную возможность восстановления на службе — с другой.

Но Баббингтон, с его связями и сильным влиянием в парламенте, мог и так рассчитывать на скорое повышение. А Джеку второй шанс может больше в жизни и не представиться. Он посмотрел через стол на Стивена, который продолжал:

— Ночные учения — крайне удачная идея.

— Надеюсь, что так и выйдет. Это лучше, чем ломиться вперед как слон в посудной лавке, без подготовки. «Спартан» — совсем другое дело. Нужно было просто ударить по врагу в рукопашной. А сейчас надо не только ударить, но еще и вывести корабль из гавани под огнем батарей и военных кораблей, которые там могут оказаться. Нужно все проделать аккуратно или не делать вообще. Как ты считаешь, Стивен, у Уильяма Баббингтона достаточно живой и острый ум?

Стивен едва не рассмеялся. Кряхтя от удивления, он ответил:

— Я, конечно, люблю Уильяма Баббингтона, но не считаю, что хоть кто-то, кроме миссис Рэй, назовет его хватку, его сообразительность, его ум живым или острым. В столь грубом спорте, как война, и в непосредственных угрозах океана он, без сомнения, реагирует быстро. Но для быстрой оценки более сложных вопросов, наверное, стоит поискать кого-нибудь еще. Что же до твоих ночных упражнений, с движением от одной строго определенной точки к другой в сырости и темноте, но с ясной целью, он прекрасно подходит. Как я уже говорил, считаю их отличной идеей.

Мнение доктора Мэтьюрина разделяли все матросы. Они крайне внимательно рассматривали большую карту, которую Джек нарисовал углем между бизань-мачтой и кормовыми поручнями, пока корабль шел

под малыми парусами в Полкомб. Во время мира кое-кто бывал в Сен-Мартене, и они подтвердили, что общее расположение объектов в порту, верфь и судоходные фарватеры не изменились.

Все присутствующие согласились с Джеком, что наибольшие затруднения доставляет волнорез, оберегающий гавань от волн с запада — он проходил с южной стороны под скалой с маяком, и по нему прохаживались часовые. Шлюпки должны проскользнуть незамеченными. К счастью, на «Сюрпризе» служила парочка выходцев с Джерси — Дюшамп и Шевене. «Если нас окликнут, — предложил Джек, — вы можете пропеть что-нибудь короткое в ответ, вроде «матросы и припасы для «Дианы»».

Когда они добрались до Полкомба, ветер стих, поэтому фрегат пришлось буксировать в бухту во время стояния отлива. Потом эту операцию придется повторить обратно, поскольку высокие скалы закрывали любой ветер, с которым можно было бы выйти, а отлив с огромной силой затягивал на рифы скалистого острова Дьявола, перекрывающего вход в бухту (скорее даже фьорд) и оберегающего от сильных южных и юго-западных ветров.

Здесь, под заинтересованными взглядами с высокого травянистого берега тысяч овец и одного полоумного пастуха, фрегат встал на якорь, матросы завели шпринги и начали расставлять буи, обозначая гавань Сен-Мартена с теми углами и расстояниями, которые лейтенант Обри столь точно измерил много лет назад.

Они даже смогли довольно точно создать подобие маяка на мысе и волнорез. Уже наступил глубокий вечер, но боевой дух матросов поднялся так высоко, что вокруг баркаса Джека сгрудились прочие шлюпки, и с той легкостью, что давала сгущающаяся темнота, хорошее настроение и удаленность от корабля, моряки умоляли Джека отплыть мористее — к месту предполагаемого начала атаки и «позволить им попробовать».

— Ну ладно, — согласился тот, — но всё должно быть как я говорил: шлюпки в линию, одна за одной, грести легко и бесшумно, не плескаться, ни звука, ни шёпоточка. Это не Варфоломеева ярмарка ^[30] — кто первый издаст звук, может сразу прыгать за борт и плыть прямиком домой.

Шлюпки погребли в открытое море, пока не оказались там, где, по мнению Джека, он бы оставил «Сюрприз» поблизости от мыса Боухед.

Здесь он обозначил задачу и трижды её повторил, не меняя ни слова: где каждая шлюпка должна оказаться, что должен делать каждый отряд. Он повторил и особенно подчеркнул важность соблюдения тишины.

В ясном небе уже зажглись звезды. Вега и Арктур как компас над

головой вели их обратно к мысу и, сделав крюк, дабы обогнуть волнорез, где Дюшамп выкрикнул: «матросы и припасы для «Дианы»», они направились прямо к ничего не подозревающему кораблю.

На шлюпках без усталости гребли мило за милей — отлив только набирал силу — пока Джек не прошептал «Отдать швартовы и навалиться». Шлюпки, освобожденные от троса, что удерживал их вместе, поспешили к намеченным точкам атаки: бикгед, фок-руслени, грот-руслени, бизань-руслени и одновременно ворвались на корабль, крича как демоны.

Отряд самых активных марсовых взобрался на реи, чтобы распустили грот и марсели. Падин и не менее мощный негр метнулись к якорным канатам и встали над ними, сжимая гипотетические топоры, два рулевых перехватили штурвал, Джек Обри бросился в кормовую каюту — не столько, чтобы пленить потенциального капитана, штатских и захватить бумаги, а чтобы взглянуть на часы.

— Думаю, прошёл час и сорок три минуты. Но не уверен, когда точно мы начали. В другой раз возьму потайной фонарь. Наш победный крик был неожиданным?

— Абсолютно, — подтвердил Стивен.

— Врасплох застал, — согласился Мартин.

— Испугались?

— Может, и испугались бы, если бы не этот дух веселья. Хриплый хохот Плейса можно узнать за милую.

— Может, молчаливая атака ошеломит сильнее? Неспровоцированное, молчаливое насилие, противоречащее всем нормам социального поведения, когда обычно ждут криков и воплей? Но даже эта атака ужасно испугала вашего нового кока, сэр. Мы говорили о плове вам на ужин, но когда раздался вопль, кок сам взвизгнул на армянском и на четвереньках выскочил из каюты.

— Плов? Какая великолепная идея. Я очень люблю хороший плов. Вы составите нам компанию, мистер Мартин?

Несколько последующих дней протекали довольно счастливо. Повседневную рутину снизили до минимума и помимо атак на корабль дважды за ночь моряки проводили немало времени, упражняясь с абордажными саблями и топорами, а также в стрельбе из пистолета.

Оставшиеся часы — деньки стояли солнечные — моряки непринужденно лежали на баке или в проходах, что редко увидишь на военном корабле, что государственном, что частном. Это удивляло наблюдателей, которые вместе с овцами смотрели на эту картину с высоты,

а в близлежащих деревушках считали, что в бухте Полкомб высадились пираты, намереваясь разграбить округу и угнать девушек в рабство.

Услышав это, девушки поспешили на край обрыва, чтобы увидеть своих обидчиков, и, возможно, воззвать к их жалости, а таможенный тендер, подозревая наличие контрабанды на борту, вошел в бухту и подвергся невиданному унижению, когда его пришлось стаскивать с отмели острова Дьявола при помощи двух сплеснённых канатов, наматываемых на шпиль «Сюрприза».

Джек физически был активен, что весьма ему требовалось: во время ночных атак он зачастую брал личный ялик Стивена и плыл вдоль линии шлюпок, обращая внимание на то, как на них гребут, и до секунды выверяя все этапы операции. И после первой атаки, проведенной больше из озорства, Обри организовал на борту подобие сопротивления.

Защитникам позволяли пользоваться только швабрами, но и эта задержка дала Обри лучшее представление о времени. Ради справедливости эти команды менялись и перемешивались (полвахты за полвахтой), и дважды за ночь Джек Обри либо атаковал, либо защищался. Все моряки тратили невероятное количество энергии, а их капитан — ещё больше.

Обри отлично плавал, и за время его морской карьеры едва ли хоть одно плавание обходилось без спасения утопающего матроса или морского пехотинца, так что сейчас на борту присутствовало по меньшей мере полдюжины «сюрпризовцев», готовых умереть за него, но за эти дни Джек намного перекрыл прошлый рекорд, поскольку отражая атаки, он и его помощники зачастую сбрасывали нападающих в море, и только за одну ночь Джек вытащил пятерых: длинной как у обезьяны ручищей спокойно доставая их с русленей или планширя шлюпки и поднимая наверх.

Подобная интенсивная физическая нагрузка послужила ему на благо — могучее тело требовало намного большего, чем обычно могла обеспечить жизнь на корабле, но еще сильнее повлияла на его истерзанное сердце и разум, поскольку не оставалось времени ни на копание в прошлом, ни на фантазии о небывалом успехе.

Частично вернулся аппетит, потерянный во время суда. Позор, если бы этого не произошло, поскольку Киллик пополнил капитанские запасы в соответствии со своими представлениями о вновь обретенном богатстве, а капитанский кок Ади мог бы плавать и на флагмане Лукулла.

Это был воспитанный и застенчивый человек с полуседыми каштановыми волосами, упитанный, лоснящийся и легко ударяющийся в слезы. Как боец он был полностью бесполезен, поскольку никакие слова,

ни добрые, ни злые не могли заставить его атаковать или защищать корабль, но он знал всю флотскую кухню от Константинополя до Гибралтара, и хотя его ватрушки скорее напоминали об Испании, чем об Англии, они оставались превосходны на вкус, а пудинг на сале не вызывал нареканий.

С точки зрения Мэтьюрина эти дни тоже походили на благословенный праздник. Он ничего не мог поделаться с планами на будущее, не имея вестей из Лондона — с тем же успехом он мог находиться посреди Тихого океана. Не мог и прогнать мысли о Диане — носил её бриллиант в кармане бриджей — но в настоящее время старался впитать в себя столько солнечного света, сколько могло впитать его субтильное тело. Он так изголодался по нему за время английской зимы, что в эти ясные дни сожалел о каждой секунде, проведенной в сумраке между палубами.

К счастью для него и Мартина, они не входили ни в команду атакующих, ни обороняющихся, и им бы оставалось только хандрить, если бы не остров Дьявола — истинная отрада для натуралиста и солнцепоклонника.

Когда-то на остров завезли овец и кроликов: овцы давно уже исчезли, но кролики остались, и на их укромных южных лужайках Стивен грелся на солнце, когда он и Мартин не были заняты другими прелестями: приливными бассейнами, тюленями, размножающимися в морских пещерах с северной стороны островка, необычными растениями, тупиками, гнездящимися в кроличьих норах, и бурными буревестниками, дружелюбно клекочущими в своих гнездах.

Одним таким безмятежным солнечным днем, когда пологие волны с зюйд-веста неторопливо и размеренно разбивались об обращенную к морю сторону острова Дьявола, они сидели на траве, наблюдая, как небольшие волны, остающиеся после разрушения основной, вбегают в залив расходящимися, последовательно уменьшающимися полукольцами и в итоге плещутся о борт корабля, образуя узор необыкновенной красоты.

— У нас, — заметил как-то Мартин, — можно обнаружить удивительное разнообразие верований. Не сомневаюсь, что на других кораблях такого размера тоже вавилонское столпотворение, но не до такой степени. Признаюсь, хоть я и был готов к гностикам, анабаптистам, сифитам, магглетонианам и даже последователям Джоанны Сауткотт, равно как и к случайному иудею или мусульманину, но все равно оказался шокирован, обнаружив на борту дьяволопоклонника.

— Настоящего, в прямом смысле и открыто поклоняющегося Дьяволу?

— Да. Он не любит упоминать имя нечистого, разве что шепотом и прикрыв рот ладонью, но называет его Павлином. Его они и изображают в своих храмах.

— Могу я поинтересоваться, кто из нашей команды придерживается столь эксцентричных взглядов?

— Конечно можете. Он не особенно скрывается. Это Ади, капитанский кок.

— А я думал, что он армянин, христианин-григорианец.

— И я так считал, но, похоже, на самом деле он езид — из страны между Арменией и Курдистаном.

— Он что, вообще не верит в Бога, скотина?

— О нет. Он и его народ верят в то, что Бог создал мир. Они согласны с божественной природой нашего Господа. Признают пророками Магомеда, Авраама и патриархов. Но считают, что Бог простил павшего Сатану и вернул его к былой славе. Так что с их точки зрения дьявол правит делами земными и поклоняться кому-нибудь еще — пустая трата времени.

— А выглядит спокойным, дружелюбным человечком, да еще и кок каких поискать.

— Да. Он мне рассказал о своей вере, когда учил готовить настоящий рахат-лукум — Дебора просто-таки греховно обожает эту сладость. Также Ади рассказал мне о пустынных горах, где его народ живет в частично подземных домах, преследуемый с одной стороны армянами, а с другой — курдами. Похоже, семьи у них очень прочные и преданные. Их поддерживает тесная привязанность даже к самым дальним родственникам. Очевидно, езиды не ведут себя в соответствии с тем, что проповедуют.

— А если по правде, то кто ведет? Если бы Ади хорошо знал вероучение, которому мы якобы следуем, и сравнил бы его с нашим образом жизни, то наверное взирал бы на нас с не меньшим удивлением, чем мы на него.

Стивен хотел спросить у Мартина, не наблюдает ли он некоторой аналогии между мнением езидов и сифитов об ангелах, но разомлел от солнечного тепла и только заметил:

— Вон летит тупик с тремя рыбами в клюве. Не могу понять, как он умудрился схватить вторую и третью.

У Мартина не нашлось на этот счет никаких предположений, так что они сидели в тишине и наблюдали за солнцем, пока оно не село за далеким мысом. А потом одновременно повернулись и уставились на корабль, на

котором осуществляли одну из самых чудных с точки зрения моряка операций.

Спускать шлюпки на воду — вначале закрепив их на ростерных бимсах, затем вывалив за борт, а потом опустив с помощью закрепленного на фока-рее и грот-рее бегущего такелажа — тяжелая работа. С начала времен ее сопровождают крики, грохот и всплески. Сейчас к шуму добавилась привычка шелмерстонцев громко и отчетливо кричать «Йо-хо-хо» каждый раз, когда они тянули фал.

Тихой ночью с ветром к берегу такой гвалт даже с большого расстояния мог разрушить тщательно подготовленный и в целом бесшумный рейд. Джек Обри попытался сделать всю операцию беззвучной. Но это странным образом шло против самой природы, всех извечных привычек и обычаев. Матросы стали медленными, нервными и неуклюжими. Настолько неуклюжими, что корма баркаса плюхнулась в воду со страшным всплеском, а его нос все еще висел в сажени от поверхности моря. Чудовищный рев капитана «Пошевеливайтесь там! Пусть эта проклятая штука упадёт» наполнил всю бухту до тех пор, пока не утонул в еще более мощном взрыве смеха — вначале приглушенном и задушенном, затем бесконтрольно охватившем всех, так что команда снова замешкалась.

Стивен практически в последний раз видел солнце в Полкомбе и практически последний раз слышал смех. С зюйд-веста пришла плохая погода и принесла дожди — иногда просто сильные, а иногда проливные. За ними последовало сильное волнение, переходящее в огромные одиночные валы при прибывающей или убывающей воде и сменяющиеся противной мелкой рябью при воде стоячей.

«Сюрпризовцы» и их офицеры продолжали атаковать или оборонять корабль дважды за ночь. Но абордаж в штормовках или брезентовых куртках, когда не видно ни зги, а до этого пришлось грести туда и обратно по беспокойному морю — дело нелегкое. После нескольких происшествий (один человек едва не утонул) Джеку пришлось сократить и расстояние отхода от корабля, и его оборону.

Но число раненых все равно возросло — в основном растяжения, жестоко ободранные голени и треснувшие ребра от падений в шлюпки со скользких и мокрых бортов. Имелось и несколько неприятных переломов, как, например, бедренная кость юного Томаса Эдвардса — открытый перелом, над которым Стивену и Мартину пришлось всерьез задуматься.

Эдвардс — один из марсовых, чья задача — подняться на мачты после абордажа, пробежать по реям и отдать марсели. Он не ожидал, что

защищающиеся привяжут перты, и свалился, пролетев вниз головой прямо до бизань-штага. В результате он не разбился о квартердек, а только сломал ногу.

Стивен и Мартин сменяли друг друга в лазарете. Ночь за ночью в сырости и зловонии (люки почти всегда держали закрытыми) они принимали внизу раненых. Ни одного столь серьезного случая, как у юного Эдвардса, чью ногу придется отнимать при первых признаках гангрены, но ни одного простого.

К этому времени Мэтьюрину искренне надоели учения, и он удивлялся, как даже Джек, для которого столько поставлено на карту, может настойчиво продолжать в таком чудовищном дискомфорте, сырости, опасности и холоде, хотя каждый матрос уже много раз проделал все требуемые действия во всем разнообразии.

Еще больше его удивляло то, что матросы, которых ждали лишь деньги (и возможно, не очень много — в любом случае гораздо меньше, чем последняя великолепная добыча), продолжают следовать за ним с таким усердием. Теперь уже без такого веселья, но, очевидно, с той же энергией.

Он поделился мыслями с Мартином, когда они сидели около Тома Эдвардса. Левой рукой Стивен ощупывал рану в поисках гангренозного холода, а правой замерял ровный, обнадеживающий пульс пациента. Мэтьюрин заговорил на латыни, и на том же языке (точнее на его забавной английской версии) Мартин ответил:

— Возможно, вы так привыкли к своему другу, что больше не замечаете, насколько он велик в глазах моряков. Раз он может прыгать и скакать всю ночь под проливным дождем вопреки стихиям, им станет стыдно не сделать того же. Хотя я видел, как некоторые почти плакали при мысли о втором штурме или когда им приказали еще раз упражняться с абордажными саблями. Сомневаюсь, что они бы сделали так много для кого-либо другого. В нем есть качество, имеющееся лишь у немногих.

— Рискну сказать, в этом вы правы. Но если бы он меня попросил выйти в море на гребной лодке в такую ночь, даже закутавшись в водонепроницаемую одежду и пробковый жилет, я бы отказался.

— А мне бы не хватило силы духа. Что вы скажете по поводу ноги?

— Есть надежда, — ответил Стивен, склонился над раной и понюхал ее. — Действительно есть. — По-английски он заверил Эдвардса: — Вы поправляетесь очень неплохо. Пока что я вполне доволен. Мистер Мартин, я ухожу в свою каюту. Если во время второго абордажа будут раненые — без раздумий зовите меня, я не буду спать.

Доктора Мэтьюрина могло устраивать то, как заживает открытый перелом, но остальное его не устраивало. Погода, как к югу от мыса Горн (но без шанса увидеть альбатроса), отрезала его от острова Дьявола, как раз когда кулик-сорока собиралась снести яйца. Лауданум действовал все слабее. Твердо не желая увеличивать дозу, Стивен проводил большую часть ночей в глубоких раздумьях, не всегда радостных. А еще его беспокоил Падин.

Своего слугу он не особо-то и видел — тот слишком увлекся тренировками в новой роли абордажника и бойца с топором. А увиденное Стивена расстраивало. Не так давно он внезапно наткнулся на Падина, который шел от своего убранного вниз рундука с бутылкой бренди под курткой. Насколько позволяло заикание, он пробормотал: «Это всего лишь бутылка». Но его девичье смущение свидетельствовало: наполнена она была виной.

Кроме уставного грога, на борту кораблей его Величества не позволялось иного спиртного. Стивен не имел представления, как обстоят дела на приватирах, да и не интересовался. Но он хорошо знал, что творит алкоголь с его земляками, и с тех пор пытался придумать какой-нибудь способ отвлечь обычно трезвого Падина от бутылки. Поведение молодого человека уже начало меняться. Хотя он вел себя безупречно, в нем начали проявляться зачатки самоуверенности, не самое привлекательное качество в ирландском его понимании. А иногда его охватывала странная мечтательная радость.

На деле Падин уже окончательно пристрастился к опиуму, стал опиумным пьяницей, выпивающим по шестьдесят капель в день. На берегу он предпринимал попытки купить собственный запас, но поскольку уловил в названии лишь слово «настойка» и не умел ни читать, ни писать, успеха не добился.

«Есть сотни настоек, моряк, — огорошил его аптекарь. — Какую именно тебе надо?». Ответа он не получил. Со спиртным проблема решилась легче. В самом начале своего знакомства с настойкой он услышал, как доктор Мэтьюрин рассказывает про используемый для изготовления приличный бренди. Так что сейчас доза Стивена стабильно разбавлялась самым лучшим товаром из винной лавки. Происходило это так постепенно, что о такой возможности он подозревал не больше чем о том, что можно вскрыть медицинский ящик.

Но если ты гораздо сильнее среднего моряка, то нет ничего проще. «Сюрприз» начинал свою жизнь как французский «Юните», поэтому массивная дверца встроеного медицинского ящика была подвешена на

петлях со стержнями на французский манер. Очень сильный человек мог просто поднять ее из петель.

Утром неудовольствие Стивена все же рассеялось. Проснулся он очень рано и с ясной головой. Состояние редкое, но уже более привычное с тех пор, как его обычная ночная доза так сократилась.

Спешный осмотр лазарета показал, что Эдвардс почти наверняка сохранит ногу, и остальным больным тоже не требуется срочной помощи. Мэтьюрин поднялся на палубу. Воздух оказался теплым и неподвижным. Над сушей еще сохранялись остатки ночи, а вся восточная полусфера окрасилась в нежный фиолетовый, переходящий в бледно-голубой на горизонте.

Уборщики деловито приближались к Мэтьюрину, уже дойдя до перемишки палубы. Том Пуллингс, вахтенный офицер, сидел на якорном шпиле с подвернутыми панталонами, спасаясь от потопы.

— Доброе утро, доктор! Присоединяйтесь ко мне на нейтральной территории!

— Доброе утро и вам, дорогой капитан Пуллингс. Но я вижу, что моя маленькая лодка прикреплена к этим краям сзади, и я страстно желаю...

Обводы «Сюрприза» не позволяли установить бортовые шлюпбалки, постепенно входящие в обиход и используемые на всех современных кораблях таких размеров, но на корме это устройство имелось. Сейчас там висел ялик доктора.

— Отставить уборку и спустить ялик, — скомандовал Пуллингс. — Доктор, заберитесь в него посредине и сидите смирно. Помаленьку, давайте. Пошло помаленьку!

Они мягко спустили лодочку на ровную воду, и Стивен погреб в сторону острова Дьявола. Так сказать, погреб, в своей барахтающейся манере — лицом вперед и толкая весла. Оправдывался он тем, что лучше уверенно смотреть вперед в будущее, чем оглядываться назад в прошлое. Но на самом деле иначе у него получалось только кругами.

Остров вовсе не огорчился ненастью, наоборот. Хотя его и раньше никто бы не назвал пыльным или нуждающимся в уборке, но сейчас он создавал впечатление невероятного сияния и чистоты. Дерн заиграл гораздо более живыми оттенками зеленого. А как только солнце взошло достаточно высоко, чтобы послать свои лучи через холм, образывавший приморскую сторону острова, бесчисленные тысячи маргариток открывали свои невинные лица навстречу свету, радуя сердце.

Стивен взобрался по склону на скалистый гребень. Здесь перед ним по обе стороны расстилалось бескрайнее спокойное море. Поднялся он не

очень высоко, но достаточно, чтобы деловитые тупики, спешащие то к морю, то обратно с добычей, казались крохотульками внизу, пока он сидел среди армерий, свесив ноги в бездну.

Какое-то время он созерцал птиц. Несколько гагарок и кайр, а также тупиков. Примечательно мало чаек любых видов. Пара куликов-сорок (птены благополучно вылупились — он нашел аккуратные скорлупки их яиц). Несколько сизых голубей и небольшая стайка клушиц.

Потом его взор блуждал по морю и по полосам на его грандиозной поверхности, не подчиняющимся никакой системе и никуда не ведущим. Стивен почувствовал подъем в душе — счастье, которое он нередко знал мальчишкой и испытывал изредка даже сейчас, особенно на заре. Причиной тому была не перламутровая синева моря (хотя ей он наслаждался тоже) и не тысяча других имеющих имена обстоятельств, но нечто совершенно необоснованное.

Уголок разума пытался его заставить разобраться в природе чувства, но делать этого Мэтьюрин не желал. Частично опасаясь богохульства (слова «благодать Господня» в отношении человека в его состоянии звучали хуже черного юмора), а еще больше — не намереваясь хоть чем-то потревожить блаженство.

Настойчивая мысль едва ли оформилась, прежде чем ушла. Сизый голубь, безмятежно планировавший вниз перед ним, резко вильнул и помчался на север. Сапсан устремился вниз с высоты со звуком ракеты, схватил добычу так, что полетели перья, и понес ее на мыс за «Сюрпризом».

Пока Стивен наблюдал за более тяжелым, но все еще стремительным полетом сокола, на борту пробили восемь склянок. Раздался отдаленный призыв матросам завтракать, и гораздо более настойчивый рев голодных моряков. Мгновением спустя Джек Обри в чем мать родила спрыгнул с кормовых поручней и поплыл к острову, его длинные светлые волосы струились позади. На полпути к нему присоединились два тюленя. Любопытные животные периодически то ныряли, то заплывали вперед, заглядывая ему в лицо почти с расстояния вытянутой руки.

— Поздравляю с тюленями, дружище, — заметил Стивен, пока Джек преодолевал маленькую золотистую прибрежную полосу, на которой ялик лежал высоко над водой, сухой и неподвижный. — Все мудрые и хорошие люди согласны, что компания тюленей — лучшее предзнаменование.

— Всегда любил их, — согласился Джек, сидя на планшире, пока с него стекала вода. — Если бы они могли говорить, я уверен, то произнесли бы что-нибудь любезное. Но Стивен, ты что, позабыл про завтрак?

— Нет. Мой разум уже значительное время балуется мыслями о кофе, овсянке, ливерной колбасе, беконе, тостах, мармеладе и еще чашке кофе.

— Но ты бы ничего этого не получил даже после обеда, знаешь ли, потому что шлюпка на берегу, и я сомневаюсь, что ты можешь проплыть так далеко.

— Море отступило! — воскликнул Стивен. — Я ошеломлен.

— Говорят, что в этих местах оно так поступает дважды в день. Технически это известно как отлив.

— Черт тебя побери, Джек Обри! — выругался Стивен, выросший на не знающих сильных колебаний берегах Средиземного моря. Он стукнул себя ладонью по лбу и воскликнул: — Здесь, должно быть, имеется какая-то имбецильность. Какая-то слабость. Но, может быть, я привыкну к приливам и отливам со временем. Скажи мне, Джек, ты же заметил, что лодка, так сказать, оказалась на необитаемом острове, и поэтому прыгнул в море?

— Думаю, это заметили все на борту. Давай, хватайся за планширь, и мы столкнем ее в море. Я почти чую отсюда кофе.

Когда второй кофейник почти опустел, Стивен услышал пронзительный визг скрипки где-то впереди, и после первых писков глубокие голоса шелмерстонцев затянули шанти:

Вокруг идем, и вокруг идем, хэй-хо, вокруг идем,

Вокруг идем, и вокруг идем, хэй-хо, вокруг идем, и крутится он.

Где-то краем сознания Стивен заметил и, должно быть, запомнил команду «С якоря сниматься!» и знакомый свист дудки, потому что произнес:

— Мне кажется, бедные существа поднимают якорь.

— Ох, Стивен, — воскликнул Джек, — прошу прощения. Я планировал поговорить с тобой, как только мы поднимемся на борт, но меня одолела жадность. Текущий план — поднять якорь, выйти в море с хвостом отлива и направиться на ост с тем ветром, какой найдется. Что ты думаешь?

— Мое мнение на эту тему будет столь же ценным, как твое — по поводу ампутации ноги юного Эдвардса. Ее он, кстати говоря, скорее всего с Божьего благословения сохранит. Но я понимаю, что ты завел разговор только из почтительности. Единственная моя мысль — раз «Диана» выходит в море тринадцатого, я ожидал и боялся как минимум еще двух этих чертовых ночей.

— Да. Отплывает она тринадцатого. Но ты же знаешь, как часто ветер прижимает нас к этому берегу Пролива, особенно в Плимуте. У меня

сердце разобьется, если мы опоздаем. И вот что мне еще в голову пришло во время ночной вахты. Если офицеры и старшие мичманы «Дианы» хоть немного похожи на наших, то ночь двенадцатого они проведут на берегу с друзьями. Это не то чтобы сделает захват проще, но, по крайней мере, не таким сложным. И менее кровавым, может быть, даже гораздо менее кровавым.

— Тем лучше. Ты обдумал, как мы все устроим?

— Почти ничем другим и не занимаюсь после выхода из Шелмерстона. Как я уверен, ты знаешь, эскадра приближается к берегу днем и отходит ночью. Надеюсь присоединиться к ним вдали от берега ночью одиннадцатого и проконсультироваться с Баббингтоном. Если мы договоримся, то на рассвете они подойдут к берегу, как обычно, а мы останемся вдали, меняя пушки на карронады.

Ночью двенадцатого они отходят со всеми огнями. Мы к ним снова присоединяемся, получаем добровольцев и подходим к берегу с заглушенными огнями. Становится на якорь на глубине двадцать саженей прямо на траверзе маяка, довольно близко, вне пределов досягаемости пушек форта. Но до этого караван шлюпок в темноте отправится к берегу. Как только мы получим сигнал, то начнем обстреливать восточную часть города, будто бы собираемся высадиться на перешейке, как раньше, и сжечь верфь.

А пока мы громыаем так быстро, как можем, стреляя холостыми, чтобы никому из местных жителей не обрушить на голову крышу дома (всегда считал это неспортивным поведением), шлюпки делают свое дело. Вот как я вижу план в общих чертах. Но уточнить детали не получится до того, как Баббингтон озвучит свое мнение. Возможно, он не согласится с предложенным планом.

— Ради всего святого, не будешь же ты сомневаться в доброй воле Уильяма Баббингтона?

— Нет, — согласился Джек, но после паузы добавил: — Нет. Но ситуация не та, что раньше, когда он находился в моем прямом подчинении.

В тишине Стивен услышал возглас с носа «Панер, сэр» и гораздо более громкий ответ с якорного шпиля: «Якорь чист и готов к подъему».

Вскоре Том Пуллингс с улыбкой на лице доложил, что корабль снялся с якоря, баркас и оба катера посланы вперед с буксирным концом, а в открытом море, кажется, ветер с веста.

— Очень хорошо, — ответил Джек. — Продолжайте, пожалуйста, мистер Пуллингс. — И потом, поколебавшись и с нерешительной улыбкой:

— Ветер... ветер прямо во Францию.

Глава шестая

Туманной ночью четверга вперёдсмотрящий «Сюрприза» закричал с фор-марса-рея:

— Ахой, на палубе! Кажется, вижу их.

— Где? — уточнил Джек.

— Один румб по правому крамболу. Не дальше двух-трех миль.

Корабль шел под незарифленными парусами с неустойчивым ветром в полный бакштаг. С марсов впереди почти ничего не разглядеть, поэтому Джек, забросив за спину ночную подзорную трубу, вскарабкался по тугим, сырым от росы вантам на грот-салинг.

Он всматривался некоторое время, но ничего не увидел до тех пор, пока туман не расступился и, гораздо ближе чем он ожидал, не открылась линия из четырех кораблей. Они строго держали дистанцию, идя в крутой бейдевинд левым галсом. Почти наверняка эскадра Сен-Мартена. Такой теплой ночью и при спокойном море большинство орудийных портов держали открытыми, из них лился свет. Джек пересчитал порты и успел узнать в третьем корабле в линии восемнадцатипушечный «Тартарус», прежде чем дымка их не размыла вначале до четырех желтых полос, а потом и вовсе не скрыла.

Когда они появились вновь, все передние порты оказались темны. Отбили восемь склянок, и на борту «Тартаруса» виднелись только одно или два светлых пятна, открытый порт в кормовой каюте и кормовой фонарь. Восемь склянок отбил старый, помятый колокол на «Сюрпризе». Джек услышал, как помощник боцмана свистит «погасить огни», и поднялся на палубу, когда вахта собралась.

— Кто-то тряс песочные часы на «Тартарусе», — сказал он Пуллингсу, задавая курс. — На «Тартарусе» явно спешат, отбили склянки на две-три минуты раньше. — И входя в каюту, заметил: — Господи, Стивен, у меня словно гора с плеч свалилась. Эскадра в пределах видимости на северо-западе, и мы в течение часа уже сможем поговорить с ними.

— Я так рад, что твоя тревога ушла, — сказал Стивен, посмотрев поверх нот, которые правил. — Возможно, теперь ты сядешь и спокойно съешь ужин, если только и вправду не решил подождать, чтобы пригласить Уильяма Баббингтона и Фанни Рэй. Ади приготовил великолепную

марсельскую уху, хватит на четверых, а то и на шестерых.

— Нет. Военный совет, безусловно, должен пройти на борту «Тартаруса».

— Совершенно верно, но, в любом случае, еда поможет тебе успокоиться. Ты был в печальном расположении духа, дружище. Я редко когда видел тебя столь нетерпеливым.

— Да ну, — откликнулся Джек, улыбаясь, пока усаживался в кресло, — полагаю, любой командующий нашел бы сегодняшний день тяжелым.

Он хотел попытаться объяснить Стивену некоторые трудности, с которыми столкнулся «Сюрприз» — отсутствие попутного ветра большую часть дня и сильные встречные течения.

Сизигийные приливы уже не за горами, а отливные течения в этих водах играли против них. И хотя благодаря шлюпкам впереди и героическим усилиям людей казалось, что «Сюрприз» успешно плывет вперед, на самом деле продвигался он только относительно поверхности воды, в то время как вся ее масса, с кораблем и шлюпкам на ней, вот уже несколько часов все дальше откатывалась от невидимой суши. А между тем, за всеми заботами в голове Джека, словно донная волна, вздымался страх, что «Диана», зная истинную слабость блокадной эскадры, могла отплыть несколько дней назад.

А позже небо заволочло тучами и пошел дождь — и не было возможности ни взять высоту солнца в полдень, ни увидеть берега, чтобы в точности определить то место, где должна состояться ночная встреча, оставалось только заняться расчетами координат, которые сильно осложнялись течениями и частыми сменами курса, связанными с желанием с выгодой использовать слабые и изменчивые воздушные потоки.

К тому же точно неизвестно, каким курсом пойдет Баббингтон этой ночью. Если «Сюрприз» проскочит эскадру, то следующим утром придется искать ее в прибрежных водах Сен-Мартена на виду у каждого французского матроса, солдата или простого жителя, имеющего подзорную трубу, что казалось ему потерей весьма полезного, возможно, даже решающего элемента неожиданности.

Но это были те области, в которых Стивен не мог уловить его мысль. Никто, не имея мореходного образования, не мог понять всей глубины разочарования, с которым ему пришлось столкнуться. Никто, не имея обширных знаний о море, не мог понять всего необозримого множества тех вещей, которые могли пойти не так в простом плавании вроде этого, или бесконечной важности того, чтобы все совершилось должным образом. Не то чтобы взятие верного курса и присоединение к эскадре стало бы в

сложившихся обстоятельствах успехом само по себе, скорее это являлось необходимым условием успешности, он вздохнул бы с облегчением, что они хотя бы добрались до этой стадии. Только человек поставивший на карту все, как Джек, мог его понять.

Но Джек сожалел о том, что его нетерпение (а временами просто-таки удушающая ярость) стали очевидными. Потянувшись к графину мадеры, он продолжил:

— Вот что я тебе скажу, Стивен. Давай-ка съедим марсельскую уху после того, как промочим горло. А потом, пока не окликнем «Тартарус», будем играть твою пьесу.

— Отлично, — заверил Мэтьюрин. На его далеко не простом лице проявилось выражение простого удовольствия. — Киллик, ахой! Пусть пир начнется, как только Ади пожарит крутоны для ухи.

Пьеса (собственная вариация Стивена на тему Гайдна) оказалась правильной и плавной, но не особо интересной до последней страницы, где Стивен и Гайдн объединились в занятной нерешительной фразе с двумя очень трогательными тактами тишины. Вначале следовала партия скрипки, а когда ей ответила виолончель, раздался крик «Корабль, ахой, что за корабль?» и громогласный ответ прямо над головой: «Сюрприз».

Виолончель сделала паузу, завершила фразу, и они вдвоем повели мелодию к финалу. Открылась дверь, и показался Пуллингс с новостями. Джек кивнул, и музыканты доиграли мелодию до весьма удовлетворительного конца.

— «Тартарус» прямо с наветренной стороны, сэр, — доложил Пуллингс, когда они отложили смычки.

— Невероятно рад это слышать, — признался Джек. — Пожалуйста, прикажи спустить на воду ялик доктора. Стивен, ты же мне его одолжишь? Бонден меня отвезет. Киллик, подай мой добротный синий сюртук. — Он достал свою карту Сен-Мартена из рундука и вполголоса поинтересовался: — Стивен, а ты не отправишься со мной?

— Думаю, нет. Я не должен демонстрировать даже незначительную связь с делами разведки. Все вопросы по этой линии мы можем решить между собой. Но если это допустимо, я бы хотел принять участие в атаке.

— И снова добро пожаловать на борт, сэр! — воскликнул Баббингтон. — Вдвойне добро пожаловать, поскольку я не ожидал увидеть вас сегодня.

— И едва ли бы стоило, — ответил Джек Обри. — Иголка в стоге сена — ничто по сравнению с вами в такую ненастную ночь. Но ложка дорога к обеду, как ты прекрасно знаешь, и мы успели вовремя. Спустимся вниз?

В маленькой каюте Баббингтона он быстро осмотрелся в поисках

следов Фанни Рэй, но ничего не заметил, кроме куска парусины со словами «Да хранят небеса наших моряков», довольно неровно вышитых крестиком.

— Так ты меня ждал?

— Да, сэр. Тендер доставил мне сообщение от адмирала, что возможно, если ветер и погода позволят, вы можете появиться тринадцатого и я должен сотрудничать с вами в любой операции, которую вы задумаете против «Дианы», стоящей сейчас в Сен-Мартене.

— Она же все еще там? Не отчалила?

— О нет, сэр. Она все еще стоит у причала, пришвартованная к кнехтам носом и кормой. И не собирается отплывать до новолуния, до тринадцатого.

— Ты в этом уверен, Уильям? Я имею в виду, в том, что она пришвартована у причала.

— О да, сэр. Когда мы курсируем у берега, поутру я всегда поднимаюсь на мачту и смотрю на нее. Уже больше недели стоит с поднятыми реями. Что же до тринадцатого — мы никогда не мешаем рыбакам, и некоторые привозят нам крабов, омаров и шикарных морских языков, подходя к невидимому с суши борту на закате, прежде чем мы отходим на ночь.

Они прекрасно знают, чего стоит бедный старичок «Дельфин», несмотря на всю свежую краску, полировку и позолоту, и как вооружены транспорт «Кэмел» и судно снабжения «Валчер». Поэтому умоляют нас держаться подальше от берега тринадцатого и даже не смотреть в сторону порта, потому что «Диана» новая, быстрая, набор у нее как у сорокапушечника и орудия тяжелые, любого из нас потопит одним залпом, а экипаж хорошо умеет стрелять и из пушек, и из стрелкового оружия, а на марсах стрелки не хуже тех, что на «Редутабле» убили лорда Нельсона.

Да и в любом случае, тяжелый корвет будет ждать ее за мысом и присмотрит до выхода с мелководья, на случай если появится ожидающийся в середине месяца из Гибралтара «Эвриал». Они могут немного преувеличивать, но в целом говорят от чистого сердца. Они пришли в восторг от Фанни, которая в основном с ними по-французски и говорила. Великолепный акцент, почти парижский, как мне сказали.

— Буду ли я иметь удовольствие видеть ее этим вечером?

— О нет, сэр. Я ее отправил с тендером. Не могу же я с чистой совестью тащить ее в бой, не так ли? Отчетливо помню, хотя это было сто лет назад, как на «Софи» доктор мне объяснил, что ничто так дурно не влияет на женщин, как орудийная стрельба. Очень жаль, что он не прибыл

с вами.

— Он подумал, что окажется неуместным на военном совете.

— Я бы хотел с вами обоими поделиться прекрасной новостью. Но, может быть, вы будете так добры, что передадите ему.

— Буду счастлив, если ты все-таки расскажешь, в чем дело.

— Что ж, сэр, мне стыдно упоминать такие мелочи перед более важными делами, но дело в том, что меня производят в пост-капитаны. — Он рассмеялся от чистого счастья, добавив: — Старшинство считается с первого числа следующего месяца.

Джек вскочил (прожитая в море жизнь даже в такую минуту уберегла его голову от низкого бимса) и сжал руку Баббингтона:

— От всего сердца поздравляю, Уильям! Уже много-много дней не слышал ничего, что бы обрадовало меня больше. Не выпить ли по стаканчику за твое приближающееся адмиральство?

Пока они пили, Баббингтон признался:

— Прекрасно понимаю, что это в основном связи в парламенте. Видите ли, на прошлой неделе моего дядю Гарднера произвели в пэры. Господи, правительству пришлось туго. Но все равно я невероятно рад. И дорогая Фанни тоже.

— Безусловно, так. Но не зацкливайся так на парламентских связях. Ты гораздо лучше как моряк и офицер, чем половина флотского списка.

— Вы слишком добры ко мне сэр, чрезмерно добры. Но не стоит мне бесконечно болтать о собственных делах. Могу я спросить у вас, сэр, планируете ли вы какие-то действия против «Дианы», и как мне лучше всего выступить вместе с вами?

— Конечно, я планирую атаку. И довольно тщательно. Я тебе в общих чертах объясню свой план, и теперь могу говорить открыто, раз ты станешь пост-капитаном. Но даже так, все равно уточню, Уильям. Ты старший офицер его величества в эскадре, и если хоть что-то в моей схеме касательно твоих кораблей или людей тебе не понравится, скажи об это откровенно. Мы можем урегулировать дело до полноценного военного совета.

— Очень хорошо, сэр. Но странно будет, если мы не придем к согласию.

Джек с признательностью посмотрел на него. Баббингтон говорил искренне, особенно сейчас, когда уже уверен в своем повышении.

— Ну что ж, — начал Джек, — моя идея — шлюпочная операция. Тем более с учетом корвета, который будет ждать «Диану» за мысом. — Он разложил на столе карту. — Уильям, если в эскадре есть толковый

штурман, попроси его проверить глубины — единственное, что вполне могло поменяться. «Сюрприз» станет на якорь здесь, — он показал на южный берег мыса Боухед, — с заведенным шпрингом. Если мы сможем разместить его абсолютно верно... Когда дойдем до деталей, расскажи мне точно о приливах и отливах в бухте двенадцатого.

— Двенадцатого, сэр?

— Да. Надеюсь на то, что в ночь перед отплытием большинство офицеров пьянствуют на берегу. Нам не понадобится вырубать их, да и они не смогут воодушевить матросов на серьезное сопротивление.

— Великолепно! — признал Баббингтон. Он не мог себе представить, чтобы перед плаванием пусть даже в Маргит хоть кто-то проводил бы ночь иначе.

— Если мы разместим «Сюрприз» правильно, вот эта возвышенность защитит его от огня форта, прикрывающего перешеек. Якорь бросим, предположим, на трех четвертях прилива. Шлюпки обогнут мыс. Их могут окрикнуть с волнолома. Может, они и пройдут, а если нет и мы услышим стрельбу, то начнем бомбардировку перешейка. Точнее, Том Пуллингс начнет, потому что я планирую сам вести абордажную команду.

Начнет-то он в любом случае, когда я и шлюпки запустим синюю ракету. Это значит, что мы готовы к абордажу. Он палит в таком темпе, как огонь бежит по фитилю. Это отвлечет внимание противника — раньше мы высаживались на перешейке — и даст шлюпкам время захватить «Диану», вывести под парусами ее из досягаемости батарей в глубине бухты, если ветер окажется подходящим, или отвести на буксире, если нет. Да скорее все-таки отбуксировать, потому что такие вещи нужно делать быстро. К этому времени вода будет на максимуме, что здорово поможет. Что касается твоей эскадры, я бы хотел, чтобы она держалась поблизости на крайний случай и выделила четыре шлюпки, дабы помочь в буксировке.

— А не можем мы тоже пойти на абордаж?

— Нет, Уильям, по крайней мере не в первой волне. «Сюрпризовцы» тренировались брать на абордаж фрегат дважды за ночь, наверное, с начала времен. Они точно знают, что делать, у каждого своя задача, и лишние люди их только будут отвлекать. Но если экипаж «Дианы» окажется слишком крепким, мы всегда можем позвать на помощь.

Баббингтон размышлял некоторое время, периодически посматривая на своего бывшего капитана:

— Что же, сэр. Мне кажется, отличный план. Я точно не могу предложить никаких усовершенствований. Хотите собрать всех капитанов?

— Если можно, Уильям. И еще кое-что я почти забыл. Когда завтра

утром вы подойдете к берегу, я останусь вдали. А завтра вечером вы дадите всем понять, что отходите от берега и зажжете очень яркие фонари. Когда отойдете на нужное расстояние, я проскользну мимо вас без единого огонька и подхвачу ваши шлюпки на буксир. Вряд ли нужно объяснять, что если хоть одна рыбацкая лодка услышит о «Сюрпризе», мы можем спокойно отправляться домой, вместо того чтобы ползти, меняя галсы, в надежде застать «Диану» неподготовленной.

— Об этом я позабочусь, сэр.

— Только осмотрительно, Уильям, осмотрительно. Не надо с ними обращаться недружелюбно или прогонять их, а то заподозрят неладное.

— Поболтаю с ними сам и никому больше не разрешу.

Баббингтон поднялся на палубу, чтобы распорядиться о нужных сигналах, а по его возвращении Джек продолжил:

— Помню, как доктор говорил о женщинах и стрельбе из пушек. Это было у мыса Креус, во время прошлой войны. Мы захватили груженный порохом французский шлюп. Шкипер взял с собой жену, а она рожала. Доктор принял роды. Господи, какие же славные были деньки — адмирал отправлял нас в одно крейсерство за другим.

— И мы захватывали трофей за трофеем. Это было великолепно. А потом — «Какафуэго»! Помните, как вахта правого борта зачернила на камбузе лица, и мы пошли на абордаж, вопя будто ошпаренные кошки? Моуэт написал об этом стихи.

Они все еще с воодушевлением вспоминали прошлую войну, когда к борту подошла первая шлюпка, и почти немедленно за ней последовали остальные.

— Сэр, — продолжил Баббингтон, когда стихли звуки приветствия, возгласы мичманов и топот на трапе, — позвольте представить капитана Гриффитса с «Дельфина», мистера Ли, командующего «Кэмелом», и мистера Страйпа с «Валчера».

— Добрый вечер, джентльмены, — поприветствовал их Джек, внимательно разглядывая. Гриффитс — низкий, круглоголовый, с горящими глазами — очень молодой командер. Его только что назначили на древний шлюп, который вообще не стоило выпускать в море. Ли — высокий, пожилой однорукий лейтенант. Никаких надежд на повышение, поэтому предпочитает командовать транспортом, чем сидеть на берегу с большой семьей, получая меньше сотни фунтов в год. Страйп же с «Валчера» оказался столь тихим и бледным, что будто бы и не существовал вовсе. Странно видеть такого человека в королевском мундире.

— Теперь, джентльмены, — обратился к подчиненным Баббингтон, и

Джека поразила неподдельный прирожденный авторитет, с каким он говорил. Их недавний разговор очень живо вернул назад мальчишку из мичманской берлоги «Софии», которому надо было напоминать вытереть нос. — Мне приказано сотрудничать с мистером Обри с «Сюрприза» в операции, которую он планирует предпринять против «Дианы».

Попрошу его сейчас сообщить вам общие очертания плана, но вначале должен отметить: мы с ним пришли к полному согласию по общей стратегии. Так что будьте добры слушать без комментариев до тех пор, пока он не спросит вашего мнения. И касаться вопросы должны только таких вещей как течения, глубины или вражеская диспозиция — по ним у вас может иметься заслуживающая внимания информация. Мистер Обри, сэр, позвольте немного подвинуть лампу.

Джек еще раз описал свой план, указывая в процессе на различные точки на карте, и в завершение попросил:

— Если у кого-то из офицеров есть вопросы или наблюдения, буду рад их услышать.

Последовала затянувшаяся пауза, нарушаемая лишь плеском волн о борт «Тартаруса». Наконец седой лейтенант встал и, указав крюком на волнолом, отметил:

— Единственное замечание, которое могу сделать, так это то, что во время прилива и стоячей воды вот здесь, у насыпи, образуется течение. Много раз видел, как мелкие суда отталкивались от нее или даже царапали ее бортом при повороте в гавань. Вы можете счесть нужным держать это в уме для шлюпочной операции, сэр, если они хотят пройти незамеченными.

— Благодарю, сэр, — отозвался Джек. — Крайне важный момент. Капитан Гриффитс, вы хотели что-то сказать?

— Только лишь то, что с позволения капитана Баббингтона буду рад возглавить шлюпки от эскадры, сэр.

Баббингтон немедленно возразил:

— Мистер Обри и я договорились, что капитаны останутся на своих местах. Эскадра подойдет к берегу вскоре после начала операции, и, возможно, придется принять важные решения в случае... если не все пойдет гладко.

«Благослови тебя Господь, Уильям, — пробормотал Джек про себя. — В жизни не думал, что ты так быстро соображаешь». А вслух, в ответ на невысказанный вопрос, повисший в каюте, сообщил:

— Капитан Пуллингс, сопровождающий меня как доброволец, и являющийся старшим офицером его величества в этих водах, примет командование «Сюрпризом» в мое отсутствие. Мистер Страйп, вам есть

что добавить?

— Да, — подал голос Страйп. И сразу же стало понятно, что он пьян. В стельку напился джином. — Как мы поделим призовые деньги?

Сказано это было с исключительно многозначительным, циничным и злобным взглядом. Все остальные покраснели от стыда. Джек холодно посмотрел на Страйпа и ответил:

— Пока что это как продавать медведя... считать медведей... короче, вопрос преждевременный и может принести неудачу. Поделят их по морским обычаям. Те, кто тянет на буксире, получают наравне с теми, кто идет на абордаж.

— Вполне честно, — признал Ли. — Так было и в прошлой войне, и в войне с американцами до того.

— Раз уж мы вернулись к теме шлюпок, буду более точным. Мы с капитаном Баббингтоном пришли к выводу, что лучше всего подойдут самые крупные шлюпки от каждого корабля — катер, баркас или пинасса.

В каждой шлюпке должно быть достаточно людей, с запасными гребцами. Матросы должны быть хорошо вооружены для абордажа, хотя надеюсь, что до этого не дойдет. У них должны быть с собой тросы с крюком и всё необходимое. Лучше всего, если шлюпками будут командовать боцманы или старшие помощники штурманов. Что гораздо важнее, нужно заставить их понять: тишина жизненно необходима. От скрипа уключин никуда не денешься, но никаких разговоров. Ни слова.

Шлюпки станут дрейфовать на веслах, когда я их отцеплю, никто не двигается и не говорит, пока их не окликнут по имени — буксировать или помогать преодолеть сопротивление. На случай абордажа у них должны быть белые нарукавные повязки, как у «сюрпризовцев». Надевать их только в последний момент. Пароль «Счастливого Рождества», отзыв «С новым годом». Думаю, на этом все, джентльмены.

Джек встал. Он слишком часто видел, как подобные собрания становились беспредметными и запутанными из-за бесконечного обсуждения слабо относящихся к делу вопросов. Кажется, лучше всего оставить план в самом простом виде. Но все же, когда капитаны ушли, он вместе с Баббингтоном и штурманом «Тартаруса» сел перепроверять глубины, пеленги и порядок французских судов у причала: дряхлый бриг, две канонерки с тридцатидвухфунтовками, «Диана» и два довольно крупных купца, недавно передвинувшихся из глубины бухты. Видимо, планируют проскочить вслед за фрегатом.

Все это, вместе с отметками о мелях, которые нужно избегать при выходе из порта, они нанесли на карту в трех экземплярах, вместе с самым

простым и однозначным описанием последовательных этапов операции, какое смогли составить.

— Теперь я думаю, мы сделали все возможное, — подытожил Джек Обри. — Если ты это оформишь как часть приказа, Уильям, и дашь своим капитанам возможность обдумать все это завтра, пройдя вместе с ними по всем пунктам, а также объяснишь все это командам шлюпок, пока они не запомнят дословно, то окажешь мне великую услугу. Сейчас я тебя покину и отведу корабль мористее. Шлюпки подберу завтра по пути к берегу, и если всё пойдет как надо, надеюсь увидеть тебя около полуночи или чуть позже. Но если меня не будет, Уильям, если я запорю дело, ты не должен, повторяю, не должен следовать за мной или отправлять свои корабли в бухту. Если операция затянется настолько, что французы соберутся с мыслями и поймут, что десанта на перешейке нет, они откроют такой огонь по проходу в бухту, что ни один корабль не выберется. То же самое я приказал Тому Пуллингу, и он согласился.

— Что ж, сэр, — неохотно согласился Баббингтон, — я сделаю, как вы скажете. Но Господи, как бы я хотел отправиться с вами!

Во время быстрого возвращения на «Сюрприз» Джек внимательно изучал небо: сквозь полосы тумана все еще плохо было видно, но они рассеивались. Высокое небо оказалось почти ясным, за исключением нескольких мазков очень высоких перистых облаков, плавно набегающих под звездами с вест-зюйд-веста.

— Хорошо бы, чтобы погода не ухудшилась до утра, — поделился он с Бонденом, дабы отвлечь неудачу.

— Ни за что в жизни, сэр. В жизни не видел ночи приятнее.

Отдав приказы, по которым «Сюрприз» отойдет на норд-вест на несколько часов, чтобы остаться там до утра, Джек спустился вниз. Каюта оказалась освещенной, но пустой. Стивен уже лег, оставив какие-то медицинские заметки, три книги с пометками, наполовину законченный нотный лист, а рядом с увеличительным стеклом — три неаполитанских печенья, уже ставших жертвами крыс. Джек швырнул печенье в ведро, взял лупу и начал рассматривать подвесной барометр. Он поднялся на десятую долю дюйма, и поверхность ртути оказалась отчетливо выпуклой, подтвердив уже сложившееся мнение.

Обри открыл стол, в котором с прошлого дня еще лежало очередное письмо к Софии, и дописал:

«Дорогая, я только что вернулся с «Тартаруса». Уильяма производят в пост-капитаны! Он так счастлив, и я тоже. Ночь прекрасная как

никогда, ветер с вест-зюйд-веста, немного к зюйду, и барометр постепенно поднимается.

Благослови тебя Господь, дорогая. Я уже планирую лечь спать — день оказался довольно оживленным, и надеюсь, завтра будет еще больше работы».

На этих словах он зажег ручной фонарь и отправился в койку. Фонарь, закрепленный в пределах досягаемости руки и почти полностью прикрытый, испускал лишь очень мягкий узкий луч, освещавший пару футов подволока. Джек с легкой душой пару минут рассматривал луч. Кажется, он сделал все, что должно, и если погода будет благоприятной, завтра есть неплохой шанс на успех. Предприятие совершенно оправдано, даже если бы и меньше зависело от погоды. Он бы атаковал в любых условиях.

Джек отлично знал, что коллеги могут допускать ошибки, что приказа можно послушаться или понять его неправильно и всегда может вмешаться нелепая неудача. Но жребий брошен, он должен подчиниться результату. Пока Джек смотрел на луч света, он следил за оживленными звуками корабля,двигающегося на норд-вест — плавно перекатывающиеся волны, умиротворяющий гул хорошо установленного такелажа (тугого, но не слишком), изредка — скрип руля; и за сложным ароматом начищенных досок, свежего морского ветра, застоявшейся воды в трюме, просмоленных снастей, краски и сырой парусины.

Ближе к полудню двенадцатого (спокойный пасмурный день, ветер слабый с вест-зюйд-веста) единственным спокойным местом на «Сюрпризе» оказался крюйс-марс.

Палубы целиком заполнили команды матросов, занимающиеся подъемом из трюма оставшихся карронад, спуском туда пушек и подготовкой к ночной бомбардировке. Карронады не только стреляли быстрее пушек, создавая в целом еще больше шума, но и на каждую требовалась всего пара матросов, в отличие от пушечного расчета в шесть-восемь человек.

Кормовую каюту заняли капитан, офицеры и старшины шлюпок, уточняя массу деталей, поэтому медики поднялись на мачту довольно рано, с книгами, подзорными трубами и шахматами. На крюйс-марсе кто-то вырезал аккуратную шашечную доску, и на ней они сыграли не особо агрессивную партию, завершившуюся ничьей, а теперь полулежали на сложенных лиселях.

В неплотной стае чаек, с трудом работающих угловатыми крыльями

против ветра, Стивен почти уверенно узнал сизую чайку, весьма обычную в ирландской части его юности (проведенной в том числе на западе острова, где они во множестве гнездились на холмах и безлюдных берегах), но довольно редкую в этих водах. Он уже собрался поделиться этим наблюдением, как Мартин спросил:

— Как бы вы перевели слово «peripateia»?

— Конечно же, как «обратный ход». Но вы, без сомнения, имеете в виду используемое в драматургии значение, тогда почему бы не сказать просто «перипетия» по-английски? Во французском, разумеется, есть «peripetie», хотя они, конечно, используют его в более широком значении — просто как «превратности».

— Думаю, мне встречалось слово «перипетия». Но едва ли оно используется в современном английском, и не уверен, что оно обогатит Моуэта. — Он передал Стивену маленькую тонкую книжицу, «Поэтику» Аристотеля. — Я обещал перевести это для него.

— Крайне великодушно с вашей стороны.

— Это оказалось бы еще более великодушным, если бы я понимал всю сложность, но увы. В университете я читал «Поэтику» вместе с моим наставником. Превосходный человек, благослови его Господь, ученый с талантом разъяснять и прививать любовь к тексту даже самым вялым умам. С его помощью я уловил и запомнил основной смысл. Но переводить его на английский одновременно точно и живо, переводить на достойный христианина английский — это, боюсь, выше моих сил.

— Насколько я помню странную, будто порхающую с места на место структуру книги и множество технических деталей, это было бы выше и моих сил.

— Меня погубили гордость и опрометчивость. Моуэт рассказал, что собирается написать крайне амбициозную пьесу, «Трагедия морского офицера», по мотивам карьеры капитана Обри, его побед и неудач. Я выразил надежду, что конец окажется счастливым. «Скорее всего, это у меня не получится, — ответил он. — Трагедия должна закончиться несчастьем».

Я извинился, но не согласился, имея за плечами поддержку величайшего авторитета в ученом мире, самого Аристотеля. Хотя трагедия, естественно, имеет дело с поступками великих людей в возвышенной и серьезной манере, она вовсе не обязана оканчиваться несчастливо. Я процитировал строки, которые рискнул перевести, чтобы донести следующую мысль: природа действия в трагедии всегда требует, чтобы масштаб событий был максимально большим, лишь бы не влиять на

сюжет, и что число событий, составляющих возможную или необходимую последовательность перехода от несчастья к счастью и наоборот, должно быть минимально возможным. Я предложил Моуэту убедиться, что переход от зла к добру не только в высшей степени возможен в трагедии, но и что Аристотель ставил его на первое место.

Две склянки. На «Сюрпризе» смягчили многие тяготы флотской жизни. Ни один офицер или помощник боцмана не подгонял матросов ударами трости или линька. Не нужно было поутру сломя голову устанавливать койку в коечную сетку. Никого не пороли за то, что он последним спустился с реи. Да и вообще народ разгуливал по кораблю легко и непринужденно, болтая или даже жуя табак, если хочется. Но чистоту все же поддерживали прямо-таки брахманскую, вахты и их точная смена оставались священными, равно как и ритуалы приема пищи.

Уже к концу шахматной партии, практически лишив игроков концентрации, внизу началась свистопляска сигнала «Всем к обеду». Стучали бачки и тарелки, по мере того как соленая говядина поступала с камбуза на корму, им аккомпанировал приглушенный грохот кожаных кружек, когда из трюма поднимали пиво. Корабль пока не вошел в «гроговые воды», и экипажу приходилось довольствоваться традиционным дневным галлоном, выдаваемым за два раза. На любящем традиции «Сюрпризе» пиво все еще разливали в высокие кожаные кружки.

Сейчас же барабанщик у якорного шпиля (больше не морской пехотинец, а умеренно одаренный матрос) ударил по барабану для пробы и отстучал собственную вариацию на тему «Ростбифа старой Англии», эквивалента обеденного колокола для офицеров — предупреждение, что обед очень скоро будет на столе.

Они вскочили на ноги. Собирая книги, записи и шахматные фигуры, Стивен признался:

— Я очень благодарен за то, что вы мне рассказали об Аристотеле. Эти слова я или позабыл, или пропустил. Всю книгу я читал по диагонали и с предубеждением — в те далекие дни я предвзято относился к Аристотелю из-за его неубедительных замечаний о птицах и потому, что он воспитал эту безвкусную скотину Александра, такой же источник общественной опасности, как и наш Бонапарт. Но все же Аристотель — величайший мудрец мира.

Стивен спустился в собачью дыру, и пока он там висел на локтях, ища ступнями ванты, произнес про себя: «Сегодня для Джека возможно наступит истинная перипетия. Господи, молю тебя, чтобы его трагедия завершилась счастливо и...». В этот момент добрые руки ухватили его

лодыжки, направив их на устойчивую точку опоры.

В кормовой каюте Мэтьюрин с изумлением обнаружил, что Джек Обри ждет его стоя — необычно высокий, угрюмый и строгий, в хорошем сюртуке бутылочного цвета и блестящем свежеповязанном шейном платке.

— Правда, Стивен, ну что ты за тип? — услышал он. — Нас пригласили на обед в кают-компанию, а ты будто только что с брандвахты. Падин, сюда! Позовите Падина. — Когда тот явился, Джек приказал:

— Немедленно побрей и причеши своего господина. Достань его лучший сюртук, черные атласные бриджи, шелковые чулки и ботинки с серебряными пряжками. Он должен быть здесь через пять минут.

Через пять минут доктор был на месте, с тремя небольшими кровоточащими порезами и смущенным видом. Джек стер кровь носовым платком, поправил ему парик и сюртук и быстро отвел в кают-компанию, где хозяева радостно их приветствовали, пока на палубе отбивали три склянки послеобеденной вахты.

Так получилось, что капитан «Сюрприза» первый раз обедал в кают-компании с тех пор, как корабль стал частным. До захвата «Спартана» и его призов у офицеров не было средств его приглашать, а во время напряженных дней в бухте Полкомб было не до развлечений.

Так что обед оказался необычно шикарным, тем более что повар кают-компании решительно собирался превзойти Ади. Но хотя стол ломился от омаров, раков, крабов, морских языков и мидий, приготовленных тремя различными способами (всё бесчестно добыто на «Тартарусе»), между обедающими зияли прогалы. Джек сидел за этим столом много лет, и он всегда был полон, а иногда набит гостями локоть к локтю. Но сейчас за ним не сидели ни офицеры морской пехоты, ни штурман, ни казначей, ни капеллан, ни гости из числа мичманов или с других кораблей. Джек один занимал целую сторону, сидя справа от Пуллингса.

Напротив сидели Стивен и Дэвидж, а Мартин занял конец стола. Пришлось тяжело, по крайней мере вначале. Джек Обри, хотя и знакомый с Вестом и Дэвиджем, и осведомленный об их профессиональных качествах, вне пределов службы их совершенно не знал. С ними приходилось нелегко, как и с любыми другими незнакомцами после суда. Со своей стороны, офицеры считали Обри устрашающим, да и свое разжалование они тоже переживали — они лишились своего образа жизни, надежды на будущее, большей части своей идентичности.

Те, кто не собирался в шлюпочную операцию, остро ощущали, что через несколько часов другие отчаются. Ощущали еще острее, чем участники операции, и считали веселость неуместной. Среди уходящих

тоже чувствовалось напряжение. В случае Джека Обри — такое, какого он не знал раньше, хотя и повидал сражений больше, чем большинство моряков его возраста.

Он к собственному изумлению заметил, что кусок омара, который он держал на вилке в ожидании конца речи Дэвиджа, дрожит. Джек быстро его съел и с наклоненной головой и вежливой улыбкой продолжил слушать затянувшуюся историю, очень медленно ползущую к столь необходимому концу. Дэвидж путешествовал во Франции во время мира. Он захотел пообедать в известном трактире между Лионом и Авиньоном, но мест не было, и ему рассказали еще об одном не хуже, рядом с собором.

Там он оказался единственным гостем и разговорился с хозяином. Они обсуждали местный собор и другие, и Дэвидж заметил, что в Бурже его поразила необычайная красота одного из мальчиков в хоре.

Трактирщик, оказавшийся педерастом, его неправильно понял и сделал едва завуалированное предложение. Дэвидж сумел отказаться, не оскорбив его, и француз так хорошо принял его слова, что расстались они с наилучшими пожеланиями, а взять деньги за прекрасный обед трактирщик наотрез отказался.

Дэвидж после бесчисленных вводных слов наконец-то добрался в своем повествовании до Роны и внезапно понял, что содомия, хотя и забавная сама по себе и способная послужить сюжетом пусть даже и очень длинной истории, не годится в обществе его внимательного и мрачного капитана. Он попытался подать свою историю под каким-нибудь другим углом, не слишком глупым. Тщетная попытка, от которой его спасла лишь следующая смена блюд — маринованное свиное рыло (одно из любимых лакомств Джека) и седло барашка. Последнее передали Мартину, дабы он его нарезал. Преподобный, до недавнего времени питавшийся в трактирах холостяк, в жизни подобными вещами не занимался.

Он и сейчас не справился — мощным ударом вилки запустил мясо прямо Дэвиджу на колени. Лейтенант спасся из затруднительного положения ценой своих бриджей (дешево отделался, как он подумал). Седло молча передали Стивену, и тот нарезал его с признанным хирургическим мастерством.

Славная баранина — хорошо провяленная и зажаренная, а с ней подали великолепный кларет «Фомбраже». Джек Обри в восхищении после первого бокала похвастался одним из немногих остатков своего краткого образования на суше.

— Nunc est bibendum [\[31\]](#), — сказал он и триумфально посмотрел на Стивена и Мартина, — и клянусь честью, сложно найти лучшее вино,

чтобы выпить.

После этого обед пошел легче, хотя от напряжения невозможно было избавиться полностью — на палубу подняли два точильных камня. Они пронзительно визжали, пока оружейник и его помощник затачивали абордажные сабли и топоры; и звук этот неизбежно напоминал о ближайшем будущем. Но даже так торжество оставалось не слишком оживленным — обедающие разделились на две группы. Обри и Пуллингс тихо обсуждали былых соплавателей и прошлые путешествия, а Стивен и Дэвидж рассуждали о том, как тяжело остаться в живых студенту Тринити-колледжа в Дублине. У Дэвиджа там учился двоюродный брат, и его трижды ранили: дважды шпагой, один раз из пистолета.

— Я не сварливый человек и не склонен обращать внимания на оскорбления, — заметил Стивен, — но все же в первый год мне пришлось участвовать в десятке дуэлей. Сейчас, по-моему, стало полегче, но в те дни колледж был местом для отчаянных.

— Так мне кузен и рассказывал. Когда он навещал нас летом в Англии, мы с отцом преподали ему несколько уроков — выпад, контрвыпад, парирование, третья позиция. На что времени хватило, но он, по крайней мере, выжил.

— Как я вижу, вы выдающийся фехтовальщик.

— Нет, в отличие от отца. Но он сделал из меня хотя бы компетентного бойца. Позже мне это пригодилось, когда я оставил службу и дела мои были плохи — Анджело нанял меня для работы в своем *salle d'armes* [\[32\]](#).

— Правда? Буду крайне признателен, если вы обменяетесь со мной парой выпадов после обеда. Я давно не практиковался и буду очень огорчен, если ночью меня с легкостью зарубят.

Не одному лишь Стивену на борту «Сюрприза» пришли в голову подобные намерения. Когда обедающие поднялись подышать воздухом на квартердек, то их встретила устойчивая пальба — матросы на носу с близкого расстояния расстреливали бутылки из пистолетов. Раз карронады на месте, а шлюпки буксируются по две за кормой, всем раздали оружие. Море, ветер и небо практически не поменялись — мягкий, пасмурный и ровный день, в котором не чувствовалось время.

Джек изучил записи показаний лага, просвистев что-то про себя, и приказал вахтенному офицеру:

— Мистер Вест, в восемь склянок мы под малыми парусами повернем через фордевинд на зюйд-ост-тень-ост.

Пройдясь туда-сюда, он принес из каюты свой боевой клинок

(тяжелую кавалерийскую саблю), немного порассекал им воздух и отнес к оружейнику, чтобы тот придал клинку бритвенную остроту.

— Что ж, доктор, — спросил Дэвидж, — поединок?

— Буду очень рад, — ответил Стивен, выбросив в море окурок сигары. Тот сразу зашипел.

— Вот запатентованная гордость Анджело, — посоветовал Дэвидж, когда они подготовились, сложив сюртуки на якорном шпиле и ослабив шейные платки. — Они закрепляются на острие, но ему не вредят. Так можно использовать настоящий клинок для тренировки. Намного лучше, чем любые накладки.

— Славно.

Они отсалютовали и на секунду замерли, совершая лишь мгновенные, едва заметные угрожающие движения острием оружия или кистью. Затем Стивен, дважды притопнув будто тореро, с нескрываемой яростью бросился на Дэвиджа. Тот парировал, и они закружились один вокруг другого. Сабли сталкивались то высоко, то низко; тела то соприкасались, то оказывали на расстоянии двух вытянутых рук.

— Стоп! — воскликнул Стивен, отпрянув назад и подняв руку. — У моих бриджей пояс свалился. Мартин, прошу вас, завяжите его, пожалуйста.

Пояс завязали, противники снова отсалютовали друг другу, и снова после неподвижности рептилии Стивен рванулся вперед с криками «ха! ха!». То же парирование, то же кружение и удары. Клинки мелькали так быстро, что только фехтовальщики могли уследить. Тот же топот ног и тяжелое дыхание во время выпадов, та же невероятная ловкость. Но потом в ритмичном движении произошла осечка, короткая пауза, и сабля Дэвиджа оказалась в коечной сетке.

На мгновение он уставился на опустевшую руку, но быстро под всеобщее ликование собрал все самообладание и воскликнул:

— Прекрасно, прекрасно! Я мертвец, один из ваших трупов, без сомнений.

Потом, подобрав саблю и убедившись, что она не пострадала, он попросил:

— Можно взглянуть на вашу? — Стивен передал ее. Дэвидж покрутил оружие, взвесил в руке и внимательно посмотрел на гарду и эфес. — Выкидная крестовина? — уточнил он.

— Именно так. Вот этим местом я захватываю клинок противника. Весь трюк в расчете времени и силе рычага.

— Убийственное оружие.

— В конце концов, клинки предназначены для убийства. В любом случае, искренне благодарен вам, сэр, за эту тренировку: вы само воплощение любезности.

Пробило восемь склянок, раздалась команда «Всем к повороту фордевинд», и «Сюрприз» начал долгий плавный поворот, который направил его нос на зюйд-ост-тень-ост. Корабль мягко направился к точке, в которой его курс должен пересечься с эскадрой Баббингтона на пути от берега.

Солнце заходило во время последней «собачьей вахты», и все знали, что совсем скоро они сядут в шлюпки и будут долго грести вокруг мыса Боухед. Хотя некоторые из молодых марсовых, почти еще мальчишки, резвились на верхнем такелаже, играя в «следуй за лидером» и бегая от клотика к клотику и обратно, мимо салинга к стропе утлегаря, атмосфера на борту была мрачная.

Джек и Стивен завершили обычные перед выступлением приготовления и передали документы Пуллингсу, все офицеры на корабле часто так поступали — вполне естественно перед сражением — и все же сегодня это выглядело, как нечто большее, чем добросовестная предусмотрительность, чем просто дань уважения судьбе.

Склянки звонили одна за другой, солнце уже закатилось ниже фок-рея. Экипаж звали к ужину.

— По крайней мере, все не надо отправлять прямо в трюм, — заметил Стивен сам себе, поправляя партитуру на пюпитре Дианы.

Он сходу взял несколько низких резких аккордов, от которых задрожали кормовые окна, а затем попытался сыграть новую для него мелодию, сонату Дюпорта. Он всецело погрузился в анданте, его нос практически касался партитуры, когда вошел Джек и спросил:

— Стивен, почему ты сидишь в темноте? Ты так испортишь зрение. Киллик, Киллик, ко мне. А ну-ка, помоги мне и зажги свет.

— Солнце уже зашло, я полагаю.

— Скоро зайдет, время от времени так бывает, как говорят. Подул свежий ветер, и мы под одними стакселями.

— Это хорошо?

— Это значит, что если какой-нибудь зевака, блуждающий посреди ночи по мысу Боухед, вдруг увидит наш смутный силуэт в темноте, то примет нас за какую-то мелкую шхуну, недостойную внимания. Пойду переоденусь.

— Возможно, мне тоже стоит. Я обязательно должен заняться многозарядным пистолетом, который дал мне Дюамель, это и впрямь самое

смертоносное оружие. Я все еще скорблю о бедняге Дюамеле, поистине доброжелательном человеке. Боже, я почти забыл, — воскликнул он, хлопая ладонями по карманам бридж. Стивен помчался в каюту к Пуллингсу и сказал: — Том, молю, положите это в пакет, что я дал вам, если, не приведи Господь, вам придется его доставить по назначению. И, прошу, будьте крайне осторожны, не доставайте из кармана — это крайне ценная вещь.

— Буду держать вот в этом кармашке. Но уверен, вы заберете его назад еще до рассвета.

— Надеюсь на это, голубчик, очень надеюсь. Скажите, что будет уместно надеть по такому случаю?

— Высокие сапоги, свободные штаны, толстую ворсовую куртку, португую, и обвяжите талию поясом для пистолетов. Господи, как бы я хотел пойти с вами!

Вернувшись в каюту, Стивен принялся рыться в своем скромном гардеробе в поисках ближайших эквивалентов — с умеренным успехом. С гораздо большим успехом он ответил на вопрос, позволяет ли текущее стечение обстоятельств отклониться от правила и принять лишнюю дозу. Не как снотворное, вовсе нет, но лишь как средство избавиться от алогичной, чисто инстинктивной напряженности, и, следовательно, предоставить разуму возможность свободно справиться с любыми событиями, способными возникнуть в новой обстановке.

Если бы вместо настойки у него нашлись благословенные листья коки, с которыми он познакомился в Южной Америке, не осталось бы места для сомнений. Они безоговорочно стимулировали весь организм, укрепляя мускулатуру и напрягая нервы. А настойка, необходимо признать, имела тенденцию, пусть и очень слабую, приводить разум в несколько более задумчивое состояние.

Но весь запас листьев коки он съел (точнее сжевал) давным-давно. Факт оставался фактом — при чрезвычайных ситуациях настойка всегда помогала. Ее достоинства значительно перевешивали незначительные недостатки. И в любом случае, внутренняя стимуляция, неизбежная в подобной ситуации, более чем нейтрализует любой незначительный наркотический эффект.

Из места назначения «Дианы» следовало, что на борту будет важный агент. Задача первостепенной важности — захватить его. Отказываться от любых мер, которые могут увеличить шанс на подобный успех — неверно. Подло даже предполагать противоречие между долгом и влечением.

Стивен выпил стакан лауданума с удовольствием, хотя и без полного

удовлетворения. Он методично и аккуратно заряжал свой револьвер, а Киллик и его помощники возились в кормовой каюте, устанавливая штормовые крышки на иллюминаторы. Когда Мэтьюрин поднялся на палубу, уже стемнело. К зюйд-осту виднелась уходящая в море эскадра с яркими кормовыми фонарями и освещенными орудийными портами. Они шли в линию правым галсом. А далеко за кораблями стабильно сверкали вспышки маяка Боухед.

Все офицеры собрались на четвердеке, молча глядя на корабли. Джек стоял один у наветренного поручня, сложив руки за спиной, подстраиваясь под качку. На борту — ни проблеска света кроме нактоузного фонаря, и не очень-то много света с неба. Старая луна в последний день перед новолунием уже зашла, а дымка закрывала все, кроме самих ярких звезд, да и те размыло. Необычно темная ночь.

Хотя до берега еще далеко, все говорившие считали естественным не повышать голос. Ворчливый гнусавый голос Киллика доносился откуда-то из утробы корабля — он пререкался с капитанским поваром: «Ты лучше сделай свои долбаные пирожные прямо сейчас, я тебе говорю, а сыр я пожарю в последнюю минуту, пока ты яйцо взбиваешь в марсале. Доктор сказал, что его надо оберегать от того, что мы зовем волглым воздухом. Но он не спустится, пока мы шлюпки не подберем».

Киллик оказался прав. Пока шлюпки эскадры не возьмут на буксир, Джека Обри от поручней оторвал бы разве что Судный день. Время от времени он командовал «Смотреть вперед» матросу на салинге, и однажды тот даже окликнул палубу: «Кажется, видел, как по борту «Тартаруса» опускается луч света».

Прошло полчаса, линия кораблей все приближалась и приближалась, пока Джек, наполнив легкие, не крикнул:

— Эй на «Тартарусе»!

— «Сюрприз», — ответили ему, — шлюпки отчаливают немедленно и идут на зюйд-вест. Хоть луч света покажите.

Джек на мгновение открыл заслонку потайного фонаря и услышал команду «Шлюпкам отчаливать». И потом, когда они разошлись на контргалсах, голос Баббингтона: «Благослови вас Господь, сэр».

Эскадра прошла мимо. На шлюпках можно было разглядеть фонари, прикрытые от все еще далекого берега. Послышались тихие резкие возгласы — вахтенные на шести шлюпках «Сюрприза» пришвартовывали новоприбывших. Джек перегнулся через кормовой поручень и командовал:

— Командирам шлюпок подняться на борт.

Его глаза уже привыкли темноте, и моряков неплохо было видно в отраженном свете от нактоуза: мускулистый помощник штурмана лет тридцати с «Тартаруса», остальные трое — боцманы. Опытные моряки того рода, каких Джек знал и ценил. Они называли свои корабли и число людей в шлюпках. Из ответов на вопросы следовало: они понимали, что нужно сделать. А по их виду можно было довольно уверенно предположить, что они так и поступят.

— Все матросы как следует поужинали перед тем, как сойти с кораблей? — уточнил Джек. — Если нет, можно накормить их здесь. В таком деле сытое брюхо — половина сражения.

— О да, сэр, — ответили все. Матросам выдали свежую свинину, а на «Тартарусе» — свиной пудинг [\[33\]](#).

— Теперь сэр, если изволите, — раздался недовольный, хриплый Киллика за спиной Джека, — пирожные готовы, а жареный сыр пропадет, если его не съесть горячим.

Джек бросил взгляд на далекий берег, кивнул и спустился вниз. Стивен уже был там, сидя при свете одной свечи:

— Наверное, актеры на сцене вот так же ждут, пока поднимется занавес, — заметил доктор. — Интересно, они тоже ощущают искажение времени, будто бы настоящее движется, но лишь тенью на циферблате, и незаметно в любой момент может повернуть вспять?

— Возможно, — ответил Джек. — Мне рассказывали, что пиры на сцене целиком из картона — картонные сосиски, картонные бараньи ноги, картонная ветчина. И они убеждают нас, что пьют из этих картонных бокалов. Господи, Стивен, да это же знаменитый страсбургский пирог! Ты его пробовал?

— Нет.

— Давай я тебе отрежу кусок.

Обычно опиум так ослаблял аппетит Стивена, что после существенной дозы он получал мало удовольствия от еды, но теперь он признался: «Необычайно вкусно» и подвинул тарелку для новой порции.

Затем последовал жареный сыр, и они разделили бутылку «Эрмитажа». Это вино они очень любили, и оба знали — возможно, это последняя бутылка в их жизни. Если тому суждено, то они хотя бы завершают жизнь благородно — вино оказалось славным, хорошо выдержанным и на пике своей жизни. Такое вино может выдержать морскую качку. Пили они его медленно, без лишних слов, в дружелюбной тишине при свете свечи, пока корабль уверенно шел к берегу.

Уже больше часа не отбивали склянки, но Джек слышал, как

сменились рулевые. Он допил бокал и, еще ощущая вкус вина, достал азимутальный компас собственной конструкции, предупредив Стивена: «Нужно взять пеленги».

Далеко за кормой все еще виднелась эскадра, хотя и гораздо более размыто (приказ «Погасить огни» раздался вскоре после их встречи), а прямо по курсу громоздился высокий мыс Боухед — черное пятно в темноте милях в трех впереди.

Каждые две минуты земля пропадала из виду — луч маяка ослеплял наблюдателя, но когда он пропадал, ночное зрение успевало вернуться. Можно было различить сияние огней на берегу и кое-как — очертания берега к норд-норд-осту от мыса.

Вдоль всего берега уже можно было различить белую полосу прибоя, особенно у подножия мыса — значительное волнение сочеталось с поднимающимся приливом. Расположение суши Джек знал прекрасно благодаря превосходной зрительной памяти и долгому изучению карты. Через полчаса можно скорректировать курс к задуманному месту стоянки с хорошо держащим якорь грунтом, там фрегат будет прикрыт от огня орудий, защищающих уязвимый перешеек.

— Мистер Пуллингс, — спросил он в тишине, — якорь под крамболом?

— Так точно, сэр, со шпрингом, заведенным по правому борту с кормы.

— Тогда спускайте его дюйм за дюймом в клюз. Потом можем отдать его без всплеска. Я пока взгляну на шлюпки.

Он отдал компас рулевому старшине и пошел на корму. На «Сюрпризе» он чувствовал себя дома, словно в Эшгроу, а может, даже и больше. Так что он перебрался через кормовые поручни и по кормовому трапу без раздумий. По шлюпкам он добрался до баркаса «Тартаруса».

— Как поживаете? — тихо поинтересовался он.

— А вы как, сэр? — ответили они, дружно, но тихо. Обри ощупал прокладки в гнездах уключин и похвалил: — Хорошо, очень хорошо. Сейчас мы отчалим, так что напоминаю — ни слова, ни единого слова, и гребите тихо. Когда вас отцепим — сушите весла, надевайте нарукавные повязки и будьте готовы грести как герои, когда я позову, но ни секундой раньше.

— Готовы, так точно, сэр, — пробормотали они.

Матросы с «Дельфина», «Кэмела» и «Валчера» получили те же приветствия и инструкции, и их тоже впечатлила необходимость тишины. Когда Джек снова поднялся на борт, то начал брать пеленги. Прибой был

отчетливо виден, а загнутый край шляпы помогал прикрыть глаза от странствующего луча маяка.

Он тихо отдавал распоряжения рулевому. Когда пеленги подтвердили нужное место, он убрал паруса, и фрегат призраком качался на волнах прилива лишь под фок— и грот-стакселями, а мягкий ветер задувал с правого траверза. В могильной тишине они прошли под высоким холмом с маяком — так близко к берегу, что почти зацепили буруны, а матросы задержали дыхание. Даже когда фрегат прошел выступ мыса, равномерный гул прибоя раздавался на расстоянии пистолетного выстрела по левому борту.

Теперь их скрывала тень холма, даже рассеянный свет маяка сюда не доходил, а освещал холм, жизненно важный, прикрывающий их холм по эту сторону форта. Джек спустил паруса и скомандовал: «Приготовиться к отдаче якоря». «Сюрприз» дрейфовал с приливом. Луч маяка снова осветил холм. Фрегат оказался именно там, где хотелось бы Джеку, и он довольно громко скомандовал: «Пошли!»

Якорь тихо опустился на глубину в восемнадцать саженей, они вытравили достаточное количество каната, обмениваясь лишь краткими словами и жестами. Когда якорь забрал грунт, они налегли на шпринг, пока борт не повернулся к перешейку. Там можно было различить несколько огней — самую южную часть города.

Джек посмотрел на часы в свете нактоуза и приказал: «Команда синего катера — вперед». Они уже полчаса как сгрудились у трапа правого борта под командованием канонира. После них, с других трапов, команда пинассы под начальством Дэвиджа, гичка (Вест), тузик (Битти, плотник) и, наконец, команда его собственного катера. Когда мимо прошел Бонден, Джек взял его за руку и тихо приказал: «Очень внимательно присматривай за доктором, когда пойдем на абордаж». Потом он спустился в каюту, где Стивен играл с Мартином в шахматы при мерцании свечи, с саблей на столе.

— Ты идешь? — спросил Джек. — Мы уже готовы.

Стивен с улыбкой встал, нацепил на плечо перевязь сабли. Мартин с выражением глубокой обеспокоенности на лице затащил ее позади. Джек провел Стивена на квартердек, на корму, к кормовым поручням, где Пуллингс и Мартин пожелали им удачи, а потом и по кормовому трапу. Шлюпки уже выстроились в длинную, сцепленную линию, которую должен был вести капитанский катер. Когда Джек спустился в шлюпку, последним из абордажной команды, Бонден отчалил, и Джек пробормотал: «Весла на воду!»

Поначалу пришлось грести против течения и ветра, но первые сорок пять минут рвение матросов делало эти сложности незаметными. К этому времени они прошли оконечность мыса Боухед, оставив позади буруны. Гребли усердно, ровно, ни единого скрипа уключины, ни звука, кроме сдавленного кашля. От мыса Джек бросил взгляд на море — эскадры не видно. Баббингтон должен тихо приближаться.

Вдоль мыса и на ост им помогал прилив. Джек проверил скорость — шли слишком безудержно, и передал вдоль по линии шлюпок приказ сменить гребцов.

Через двадцать минут показалась дальняя сторона порта, окутанная хорошо различимым светом. Он становился все ярче, и теперь можно было разглядеть не только северную, хорошо освещенную внутреннюю часть бухты, но и, что гораздо важнее, волнолом. Они мягко гребли, подходя ближе и ближе. Из-за волнолома показался дрожащий огонек и быстро приближался. Может, это всего лишь рыбацкая лодка выходит на ночной лов? Джек открыл заслонку потайного фонаря.

— Ohe, du bateau, — окликнули их из лодки.

— Ohe, — ответил Стивен с рукой Джека на плече. — La Diane, ou se qu'elle se trouve a present?

— Au quai toujours, nom de Dieu. T'es Guillaume?

— Non. Etienne.

— Ben. Je m'en vais. Qu'est-ce que tu as Id?

— Des galeriens.

— Ah, les bougres. Bon. Au plaisir, eh?

— Au plaisir, et je te souhaite merde, eh? [\[34\]](#).

Они продолжили грести, хотя и не так ровно. Теперь волнолом, с огнями в амбразурах бастиона на сухопутном конце, стал виден полностью. В бастионе явно веселились — слышались пение, смех, музыка. Джек забрал у Бондена румпель, чтобы почувствовать течение — вода как раз пришла в движение — и проложил курс так, чтобы пройти как можно дальше от волнолома с учетом отмели рядом с другим берегом.

Никто не окликнул катер. Никто не окликнул следующую шлюпку, и третью тоже — ни одну вообще. Они прошли в порт, возможно, — в ловушку. Сквозь хохот из бастиона Джек отчетливо скомандовал Бондену: «Приготовь синюю ракету».

Он сам поднялся и в разливавшемся свечении смог кое-что разглядеть на причале — пришвартованные корабли. Почти ясно виднелись бриг, еще какое-то судно, «Диана» и два «купца». Подошли еще ближе, едва касаясь веслами воды, и стало видно, что перед «Дианой» пришвартованы в ряд

две канонерских лодки.

— Отлично, — скомандовал Джек. — «Тартарус», «Дельфин», «Кэмел», «Валчер» — сушить весла. Бонден, синюю ракету.

Бонден приложил тлеющий трут к фитилю, и ракета начала взбираться в небо сначала нерешительно, но потом уверенно. Все выше, выше, выше и взорвалась огромной синей звездой, дрейфующей по ветру вместе с белым дымом. Через секунду после вспышки южное небо озарилось ответным залпом «Сюрприза».

— Расцепиться и налечь на весла, — скомандовал Джек.

И когда шлюпки сдвинулись с места, их настиг басовый грохот карронад, эхом отдающийся по всей гавани.

Шлюпки помчались к назначенным местам. Когда катер ударился о борт рядом с грот-руслениями, их окликнул возмущенный голос: «*Mais qu'est-ce qui se passe?* ^[35]». Кто-то перегнулся через поручень, но его моментально одолели абордажники, забравшиеся на борт. Та же судьба ждала всю скудную якорную вахту, болтавшую с друзьями на пристани. Их смели в люки отряды, двигавшиеся с носа и кормы.

Стивен в сопровождении Бондена помчался не в кормовую каюту, а туда, где сам бы оказался в сходных условиях. Он обнаружил пишущего что-то за столом мужчину средних лет, уставившегося на них с яростным изумлением.

— Удерживай его, Бонден, — приказал Стивен, наведя пистолет на голову пленника. — Свяжи ему руки и брось в шлюпку. Он не должен позвать на помощь и не должен сбежать.

Тем временем Падин и Черныш Джонсон, сбежав по носовым и кормовым сходням на причал, рубили швартовы. Марсовые взобрались на мачты и отдавали фор-марсель, разрезая для этого бык-гордени и гитовы. Три шлюпки абордажников очищали нижнюю палубу от подвахтенных, выкидывая их из коек, сгоняя вместе с женщинами в трюм и задраивая люки.

Все это время «Сюрприз» ревел и громыхал будто линейный корабль, в Сен-Мартене безумно звонили церковные колокола, из десятка мест доносился барабанный бой, трубили трубы, и вереницы факелов спешили в сторону перешейка.

Абордажники на палубе и внизу закончили с отбившимися от стада французами — несколько потасовок да один-другой пистолетный выстрел — и сгоняли их в трюм, где для них подняли ахтерлюк.

— Мистер Балкли и канонир, — скомандовал Джек, стоя рядом с рулевыми, — берите катера и разверните корабль носом на выход.

Команды катеров вмиг перемахнули борт и потянули трос, усердно гребя, но их рвение и неудачный порыв ветра, зацепивший обвисший марсель, загнали корму «Дианы» прямо между двух пришвартованных перед ней канонерок.

— Мистер Вест, берите отряд и выведите заднюю канонерку на фарватер.

— Сэр, — воскликнул, задыхаясь, Вест, весь вымокший, с почерневшим лицом, — Она пришвартована цепями с носа и кормы.

— Очень хорошо, — сказал Джек и заметил рядом Дэвиджа и матросов на сходнях. — Вы двое, возьмите команды своих шлюпок и подвиньте эти два судна. Думаю, они не доставят вам больших хлопот.

Его люди тоже так не думали. Но как только начали двигаться, картина полностью изменилась. С улицы, ведущей с холма к центру набережной, появилась группа всадников — офицеры «Дианы» с отпущенными в увольнение матросами и солдаты, которые ринулись прямо вдоль по мостовой.

Джек оперся на поручень правого борта и громко и четко крикнул:

— Дэвидж, Вест, поворачивайте корму полностью. И побыстрее. Слышите? Побыстрее.

На большее времени не оставалось. Сходни на «Диане» все еще не убрали, и хотя корма фрегата была свободна, слева по борту его зажимали канонерки, привязанные к причалу. К тому же отлив еще сильнее удерживал корабль на месте.

Офицер, скачущий впереди, послал коня прыгнуть прямо на квартердек фрегата и направил пистолет на рулевого. Однако лошадь не сумела удачно приземлиться и рухнула на палубу. Джек с легкостью схватил офицера и швырнул его через всю палубу в море.

Но за ним следовали другие, по меньшей мере еще пять всадников, а у сходен на носу и корме толпились пешие. Одни тянули кливер-ниралы и гитовы, чтобы убрать паруса, но увидели, что те обрезаны. Другие рвались к проходу, желая присоединиться к жестокой беспорядочной драке на квартердеке. Поваленные лошади бешено лягались, образуя стену, но как только две встали на ноги, то тут же ускакали прочь, дав место для яростной атаки под предводительством капитана «Дианы». Джек, прижатый к шпилью нахлынувшей толпой, увидел, как Стивен хладнокровно выстрелил капитану в плечо, а затем насадил на саблю.

Потом начался тяжелый бой в еще большей тесноте, и не понять, откуда наносятся удары. Команда «Сюрприза» снизу и со шлюпок, ревя «С Рождеством», влетела в самую гущу заварушки с абордажными саблями и

топорами наперевес. Но теперь гораздо больше людей столпилось на причале. Команда «Сюрприза» оказалась в меньшинстве, а отлив играл против них. Их приперли к штурвалу, бизани и поручням.

Джек пробился в первый ряд в центре. Здесь совсем не было места для хорошего замаха, не было места для фехтования. Только яростное сражение короткими резкими выпадами. Сабли лязгали, словно в кузнице, но тут между противоборствующими сторонами промчалась обезумевшая лошадь. Воспользовавшись возникшей широкой брешью, с палубы поднялся споткнувшийся французский солдат и рубанул сверху саблей, задев ногу Джека выше колена.

Его друзья, напирая, вновь сбили солдата с ног, и один из них устремился вперед. Джек парировал удар, но чуть опоздал, и острое клинка пропороло ему предплечье. После выпада противник оказался в пределах досягаемости, и Джек поймал его левой рукой, оглушил рукояткой сабли и швырнул в сторону нападавших с такой силой, что трое упали.

Воспользовавшись короткой передышкой, Джек повернулся, чтобы окликнуть шлюпки эскадры, но тут почувствовал удар в спину, словно кто-то его пнул.

«Лошадь», — подумал он и набрал воздуха в легкие, чтобы крикнуть, но в это время яростный боевой клич команды «Дианы» и солдат сменился на зов к отступлению — бегите, бегите пока можете. Но было уже слишком поздно.

Дэвидж и Вест установили мощные рычаги на корме фрегата. Их команды налегли, и вначале задний, а потом и передний трапы слетели с причала и упали за борт. Часть матросов «Дианы» перемахнула на берег, пока расстояние оставалось не слишком большим, кое-кто не допрыгнул. Некоторые же дрались, прижавшись к гакаборту, пока перед лицом безнадежно превосходящей силы не сложили оружие, но с пристани все еще палили из пистолетов и ружей. Джек позвал: «Давай, Плейс, давай, Киллик», — и побежал к карронадам на полубаке (оснащенные кремневыми замками), развернул короткое орудие, дабы навести на солдат, и невзирая на хлещущую из раны на руке кровь, дернул шнур. Карронада оказалась заряжена ядром, не столь смертоносным как картечь, но оно раздробило фасад здания и булыжную мостовую, полностью разогнав французов.

— Вот мы и здесь. Будь я проклят, если не захватим с собой и канонерки, — воскликнул Джек.

При этих словах наконец-то ожила батарея в глубине гавани. Но артиллеристам мешали целиться собственные суда, и они только

разрушили контору порта и часть причала. Джеку же линию прицела ничего не загоразивало.

— Стоп! — скомандовал он матросам, отталкивающим от пристани корму, потому что следующая карронада оказалась наведенной на швартовый кнехт.

Он опять дернул за шнур, и орудие проревело, а длинный язык пламени едва не дотянулся до цели. Когда дым рассеялся, кнехта уже не было. Зато канонерские лодки покачивались на волнах, а цепная петля свободно болталась.

— Мистер Бентли, — приказал Джек, — возьмите ялик, своих людей и позаботьтесь о канонерках.

«Диана» набрала ход, матросы на квартердеке очистили штурвал. Подняли марсели и фор-стаксель. Под легким ветром, на буксире катеров и с отливом фрегат медленно удалялся от причала. Наконец Джек окликнул ожидавшие их шлюпки. Нужно было вывести все пять призов из порта, пока французы не притащат на причал полевую артиллерию.

Никакой полевой артиллерии. Они вышли из бухты торжественной процессией, хотя все быстрее и быстрее, поскольку и ветер, и отлив усиливался. В узком проходе их встретила оживленная ружейная пальба, прекратившаяся после бортового залпа «Дианы», и вот они уже покачиваются на привычных волнах в открытом море, пока бесстрастный луч маяка пронизывает небо над головой. «Сюрприз» и эскадра держались меньше чем в миле, ярко сияя топовыми фонарями.

Глава седьмая

С помощью Бондена, подталкивающего сзади, Джек Обри смог вскарабкаться по кормовому трапу, но в свете фонаря его бледное как слоновая кость лицо ошарашило Тома Пуллингса. Выражение яростного триумфа и радости слетело с физиономии командера, он метнулся вперед, чтобы протянуть руку, и воскликнул:

— Вы в порядке, сэр?

— Немного изрезан, не больше, — заверил Обри и пошел по четвердеку. При каждом шаге в сапогах хлюпала кровь. — Что это такое? — спросил он, глядя на огромную дыру в левом борту и поручне, прямо на корме.

— Бомба, сэр. Они затащили мортиру на холм, когда мы поднимали якорь. Но пострадал лишь кормовой балкон, не более.

— Значит, можно... — начал Джек, повернувшись, чтобы взглянуть на разрушения, но неудачный поворот послал такую волну боли сквозь тело, что ему пришлось схватиться за бакштаг, лишь бы не упасть. Только через несколько мгновений он смог продолжить, — можно наконец-то установить бортовые шлюпбалки.

— Пойдемте, сэр, вам нужно немедленно спуститься вниз, — потребовал Пуллингс, крепко удерживая капитана. — Доктор на борту уже полсклянки, работает в орлопе вместе с мистером Мартином. Бонден, помощи.

Джек не стал сопротивляться, лишь распорядился: «Сближайтесь с «Тартарусом» под незарифленными парусами» и позволил спустить себя в ярко освещенный орлоп. Там Стивен и Мартин трудились каждый над своим раненым. Джек сел на свернутую койку, скорчившись в единственной позе, приносящей облегчение. В какой-то момент он, наверное, потерял сознание, потому что когда очнулся, то лежал голым на окровавленных, покрытых парусиной рундуках, а Стивен и Мартин осматривали его поясницу.

— Болит не там, — объяснил он неожиданно громко. — Проклятая нога.

— Чушь, мой дорогой, — заверил Стивен. — Это всего лишь фантомная боль от большого седалищного нерва. Мы в нужном месте — пуля застряла между позвонками.

Стивен ткнул в район поясницы.

— Здесь? Я думал, это лошадь лягнула — в тот момент показалось пустяком.

— Все мы можем ошибаться. Теперь слушай, Джек. Пулю мы должны вытащить немедленно, и потом, с благословения Господа, все будет хорошо. Недельная окостенелость, не больше. Но когда мы будем доставать пулю щупом, будет очень больно. Гораздо больнее, чем твое тело может вынести без движения. Так что я тебя привяжу. Вот эту полоску кожи зажми между зубами. Вот, все закреплено. Теперь, Джек, закуси посильнее и расслабь спину, как только можешь. Сильная боль долго не продлится. Мартин, передайте, пожалуйста, длинноносую «козью ножку».

Слова «долго» или «коротко», казалось, не имели отношения к последовавшей агонии. Боль охватила все тело, оно корчилось под обмотанными кожей цепями, несмотря на все волевые усилия. Джек снова и снова слышал, как его глотка исторгает хриплый звериный рев.

Но всё когда-нибудь кончается, и Мартин снял цепи, а Стивен вынул кляп изо рта и аккуратно стер пот, заливший лицо Обри. Боль не исчезла — она снова и снова волнами пробегала по телу, но оставалась всего лишь напоминанием о былой агонии. Каждая волна оказывалась слабее и слабее, словно убывающая при отливе вода.

— Вот, дорогой, — успокоил Стивен. — Все в порядке. Пуля вышла прекрасно, а иначе я недорого бы дал за твою ногу.

— Спасибо, Стивен, — пробормотал Джек, все еще по-собачьи тяжело дыша, пока они накладывали перевязку на поясницу и поворачивали его на бок, чтобы перевязать другие раны — в правом предплечье (поверхностная, но впечатляющая) и глубокую рану бедра. Когда Джек получил эти ранения, особого значения им не придавал, но они стоили ему большой кровопотери. Сейчас накатила та же бесчувственность: он чувствовал щуп, уколы и иглу, мог видеть, слышать и ощущать работу Стивена, но его это едва затрагивало.

— Каков «счет мясника»?

— Довольно суровый для короткого боя. Убитых нет, но три ранения в брюшную полость, которые мне совсем не нравятся. А мистера Бентли жестоко помяло, когда он споткнулся о ведро и свалился в главный люк. И еще многих лягнули или покусали лошади, несуразно много для морского боя. Глотни вот этого.

— Что это?

— Лекарство.

— А на вкус как бренди.

— Тем лучше. Падин, вместе с Бонденом отнеси капитана в каюту на этом полотнище. Не давайте ему согнуться, а положите на твердую поверхность в койке. Следующий.

Стивен хорошо знал, что его друг после опьянения боя быстро погружается в меланхолию. Так что, вернувшись проводить его с фонарем во время ночной вахты, он обнаружил его бодрствующим и поспешил заверить:

— Джек, твои недавние страдания, кровопотеря и боль, а швы всегда очень болят, могут заставить тебя пасть духом. Но ты должен помнить, что захватил французский военный фрегат превосходящей силы вместе с двумя канонерками и их ценными орудиями, а также два полностью загруженных вражеских торговых судна.

— Дорогой Стивен, — отозвался Джек, сверкая зубами в полутьме, — я размышлял над этим с тех пор, как ты столь любезно меня заштопал, и поэтому не сплю. Но Господи, Стивен, — добавил он после паузы, — я и правда подумал, что в этот раз отдам концы. Вначале ничего не заметил, а потом внезапно почувствовал, что помираю.

— Боль и впрямь должна быть очень сильной, в этом я уверен. Но после извлечения пули тебе нечего бояться. Она вышла точно так же, как вошла — не вращалась, не затянула в рану куски ткани, никаких разрывов. Только благоприятный поток очищающей крови, и теперь рана не будет беспокоить. Что касается других — уродливые порезы, без сомнения, но ты пережил дюжину худших без продолжительных последствий. Так что если выпьешь вот это, успокоишься и уснешь, то уже завтра утром почувствуешь себя немного лучше. Будешь годен к службе, щадящей службе, как только снимем швы. Твои раны почти всегда излечиваются после заживления.

Доктор Мэтьюрин редко когда давал лучший прогноз. Утром тринадцатого числа Джека Обри вынесли на квартердек в кресле, и он сидел там под мягким светом солнца, рассматривая вереницу трофеев и принимая поздравления.

— Господом клянусь, сэр, — восхищался Баббингтон. — Это не уступит делу с «Какафуэго». Нельзя было добиться большего успеха. Но надеюсь, что вы не заплатили слишком дорого.

— Нет-нет. Доктор лично заверяет, что это ерунда.

— Ну, если он называет это ерундой... — Баббингтон кивнул на руку в перевязи, перебинтованную ногу и восковой бледности лицо. — Боже сохрани, чтобы он когда-нибудь сказал: мы серьезно ранены.

— Аминь, — отозвался Джек. — Уильям, ты оценил «Диану»?

— Да, сэр. Очень неплохой корабль — удачный узкий нос и очень элегантные обводы. Хотя она так низко сидит в воде, что с виду преимуществ это не дает.

— Ну, у нее припасов на борту на год, а то и на полтора. Она отправлялась далеко, очень далеко. Но на самом деле я имел в виду всех этих женщин, разгуливающих по палубе. Ты их оценил?

— О да, сэр, — признался известный распутник Баббингтон. Он их оценивал через подзорную трубу с близкого расстояния с тех пор, как они начали появляться на палубе. — Среди них есть одна особенно интересная в зеленом, ближе к корме от перемички палубы.

— Ты всегда был дьявольским бабником, Уильям, — ответил Джек, хотя и без морального превосходства. Этого он себе позволить не мог — на флоте прекрасно знали, что в юности его разжаловали в матросы за то, что он спрятал негритянку в канатном ящике ЕВК «Резолюшн» у мыса Доброй Надежды. Да и лейтенантом, командером и пост-капитаном в образцы добродетели Обри не годился. — Помню, как ты обзавелся целым гаремом греческих девиц в Ионическом море, когда командовал «Дриадой». Но я хотел предложить, чтобы ты их отправил домой под флагом перемирия вместе с ранеными.

— Конечно, сэр, — согласился Баббингтон, с трудом отводя взгляд от девушки в зеленом. — Прекрасная идея. Несомненно, доктор скажет, кого из раненых можно перемещать. Но если подумать, я его утром не видел.

— И не думаю, что увидишь минимум до полудня. Бедняга сражался как герой во время шлюпочной экспедиции, застрелил французского капитана так аккуратно, как только можно пожелать. А потом остаток ночи зашивал французов, которых сам же и продырявил, да и наших людей тоже. После меня он оперировал французского старшину-рулевого — у него кровь из легких шла.

— А что он с вами сделал, сэр?

— Ну, мне стыдно признаться, но он вынул пулю у меня из поясницы. Должно быть, я получил ее, когда обернулся, чтобы позвать еще матросов. Слава Богу, что не успел. В тот момент я подумал, что это одна из тех проклятых кляч, которые брыкались у штурвала.

— Но сэр, лошадь же не смогла бы выстрелить из пистолета?

— Но кто-то выстрелил. Доктор сказал, что пуля застряла рядом с седалищным нервом.

— Что это такое?

— Понятия не имею. Но я оправился от того, что принял за удар, и

невольно сместил пулю так, что она подвинулась еще ближе. В результате... не берусь описать, как было неприятно, пока доктор не вынул пулю.

Баббингтон покачал головой с угрюмым видом и спустя какое-то время добавил:

— Американцы называют седалищным леер, натянутый между топами грот- и фок-мачты.

— Припоминаю. Без сомнения, его установка вызывает чудовищную агонию. Но вот мистер Мартин, он скажет, кого из раненых французов можно перемещать.

Полчаса спустя отряд и трофеи — внушительная сила из десяти парусников, растянувшихся на приличное расстояние милях в двух от мыса Боухед, шла на зюйд-вест под вест-норд-вестовым ветром левобортными галсами, имея едва достаточный ход, чтобы управляться.

Шлюпки сновали туда-сюда, с величайшей заботой сгружая раненых в баркас «Тартаруса» под присмотр их хирурга, в то время как девушек вместе со сварливой пожилой женщиной (очевидно, мадам) с гораздо большим оживлением спускали в пинассу «Сюрприза». На шлюпках установили мачты, подняли паруса, и они направились в Сен-Мартен под флагом перемирия.

Эскадра дважды повернула через фордевинд и проходила мимо устья бухты (около волнолома виднелись возвращающиеся шлюпки), когда доктор Мэтьюрин поднялся на палубу с чашкой кофе в руке. Он пожелал соплавателям доброго утра и, спросив у Джека, как тот себя чувствует («Невероятно хорошо, благодарю, пока сижу смирно, и я бесконечно благодарен тебе за заботу. Не бросишь ли взгляд на прекрасную «Диану» за кормой?»), Стивен повернулся в Пуллингсу.

— Капитан Пуллингс, дорогой, можно спустить для меня шлюпку, и я отправлюсь на «Диану» повидать своего пленника? Я попросил Бондена запереть его в трюме вместе с остальными, чтобы он не мешался во время буксировки.

— Бонден вас и отвезет, сэр. Позовите Бондена!

В очередной раз Стивен Мэтьюрин нанял портшез от «Грейпс» до Шеферд-маркета. В очередной раз сэр Джозеф открыл дверь, дабы

поприветствовать его. Но в этот раз им пришлось отнести папки и связки бумаг в библиотеку.

— Садитесь, дорогой Мэтьюрин, и давайте выпьем по бокалу мадеры, пока переводим дух. Но сперва позвольте поздравить вас и Обри со столь славной победой. Я читал только очень краткий рапорт, переданный в Адмиралтейство, но между строк увидел одну из тех блистательных удачных экспедиций, в которых наш друг превосходит. И конечно же, я слышу рев аплодисментов публики.

Но из вашего отстраненного и, простите, меланхолического вида я делаю вывод, что, хотя дело, возможно, и достигло целей Обри, но не ваших. Быть может, «Диана» оказалась совсем не тем, чем я ее представлял?

— Вовсе нет. Она действительно предназначалась для той же самой миссии в испанские колонии, предвосхищающей нашу. Вот эти записки содержат имена всех тех, с кем французские агенты могут с пользой установить контакты, вместе с массой прочей информации — такой как суммы, уже распределенные среди различных офицеров, и так далее. Тут также масса других папок, которые я не расшифровал. Возможно — оценка ситуации местными агентами.

— Что ж, мой ангельский доктор [\[36\]](#), чего же еще желать? — воскликнул сэр Джозеф, плотоядно схватив папки и быстро пробежав по заголовкам. — Здесь же за нас сделали всю работу — их агенты преданы, схемы раскрыты. Как вы можете оставаться таким печальным?

— Потому что я должен был доставить еще и Красного адмирала, автора половины этих заметок.

«Красным адмиралом» прозвали французского морского офицера по имени Сегура. Он отличился во время резни после эвакуации союзников из Тулона и потом вступил в ряды одной из секретных служб. На самом деле адмиралом он не был, но отличался жестокостью и кровожадностью, а в своей организации стал одним из самых важных людей.

— Он лежал, связанный по рукам и ногам, на дне баркаса в первые же минуты атаки. Но перед тем как буксировать «Диану», я его отправил в трюм вместе с прочими пленными. А затем с преступной небрежностью оставил его до следующего дня. К этому времени вшивый пес, напялив юбку и окровавленную повязку на голову, сбежал на берег вместе с женщинами и легкоранеными. Мы искали, мы все обыскали и нашли бриджи с меткой на поясе «Сегура, Поль».

— Как же вы проклинали себя, дорогой Мэтьюрин. Должно быть, это вас расстроило до глубины души. Я бы, наверное, себе глотку перерезал

или нанял кого-нибудь меня повесить. Но если подумать, то невозможно не заметить, что помимо личного удовлетворения, его присутствие реального значения не имеет. Его отсутствие не принижает вашего триумфа. Даже под самым сильным давлением он не рассказал бы нам больше, чем записано в этих документах. Если я не ошибаюсь слишком сильно, в них содержится полный взгляд его департамента на это дело, вместе с инструкциями для агентов.

— Мы, возможно, смогли бы заставить его сказать, где спрятаны деньги, предназначенные для убеждения южноамериканских чиновников. Эквивалент той чудовищной суммы, которую я спас в прошлом плавании. Даже по самым скромным оценкам она должна соответствовать стоимости корабля первого ранга. Мне было бы приятно считать, что я добавил такой корабль к флоту. В конце концов, Джек Обри потопил один их линейный корабль, командуя ужасным старым «Леопардом», что примерно то же самое, но наоборот.

— В таком случае можете успокоиться. «Диану» почти наверняка введут в состав флота, и корабельные пройдут по ней частым гребнем. Есть у нас два человека, чрезвычайно умелые в подобных вопросах. Странно, если они не думают в том же направлении, что и французы.

— Как же вы мне облегчили душу, дорогой сэр Джозеф. Глупо не подумать об этом.

Стивен улыбнулся, кивнул сам себе и, потягивая мадеру, сменил тему:

— Раз уж речь зашла о частом гребне, о том частом гребне, который будут использовать достойные корабельные. Слышим мы о нем постоянно, он появляется в повседневной речи. Но кому придет в голову замерять частоту зубьев?

— Может быть, речь идет о том, что сквозь близко расположенные зубья ничего не пройдет?

— Конечно, конечно! — воскликнул Стивен, хлопнув себя ладонью по лбу. — Не самый лучший мой день. И, признаюсь, я столь же плохо понимаю текущую ситуацию с Обри. Прошу, просветите меня.

— Если бы он оставался в списке, то это рыцарский титул или баронетство. Его должны были бы посвятить еще за «Ваакзамхейд», если бы его достойный сожаления старик-отец не надоедал так Кабинету и Палате общин. Но все равно, такой подвиг вместе с успехом на Азорских островах поднял волну энтузиазма на флоте, и что важнее для наших целей, у публики. Уже баллады ходят. Вчера я как раз купил одну. Поэт считает, что Обри нужно сделать герцогом, или земляничные листья ниже черешни [\[37\]](#)?

— Сомневаюсь, что они хотя бы графами были, но в этом не уверен,
— ответил Стивен и взял листовку. В ней он прочел:

И золото, и горностаи,

И листья земляники.

Что за моряк идет сюда?

То капитан Обри.

Кто бил их сверху, бил их снизу?

То листья земляники.

Кто в глаз французам зарядил?

То капитан Обри.

В порту Мартена как-то раз

Эй, листья земляники!

Их с боем разбудил?

То капитан Обри.

— Что ж, — признал Стивен, — нельзя не одобрить намерений. Но позвольте мне уйти от темы и спросить, нет ли новостей о генерале Обри?

— Ничего определенного, но этот ваш примечательно проникательный, упорный и умный Пратт уверен, что наконец-то напал на верный след на севере Англии.

— Тем лучше. Давайте вернемся к текущей ситуации. Прекрасно понимаю, что как простой штатский Джек Обри не может претендовать на титул. Кстати, он его, скорее всего, и не хочет. Но может ли он ожидать восстановления на службе, чего совершенно определенно жаждет душой и сердцем?

— Мэтьюрин, — ответил сэр Джозеф после задумчивой паузы, — хотел бы я сказать: «Да, и в ближайшем будущем, а не при следующей коронации». Но во всей этой ситуации есть что-то чертовски странное.

Он придвинул кресло поближе и тихо продолжил: — Я не так давно вам рассказывал, что остался недоволен ходом преследования Рэя и Ледварда после того, как мы запороли их арест. У них не должно было быть возможности покинуть страну, но они ее нашли.

Подозреваю, что у них есть какой-то очень высокопоставленный союзник. Он, естественно, будет противостоять Обри, и его присутствие поможет объяснить враждебность против нашего друга. Эта недоброжелательность превышает нелюбовь Кабинета за то, что они так обошлись с Обри, или ненависть к друзьям его отца из радикалов. И даже сильнее невероятного нежелания признать то, что они совершили ошибку.

Но, с другой стороны, есть люди, сменившие отношение с враждебного на благожелательное. Мелвилл и некоторые младшие члены

Палаты лордов, например, а также несколько уважаемых членов Палаты общин. Естественно, не стоит забывать о великой силе общественного мнения. У меня сложилось впечатление, что сейчас баланс сил приемлемо равный, и мы...

Серебряные настольные часы отбили новый час, и сэр Джозеф вскочил.

— Простите, Мэтьюрин, но я не обедал, и меня гложет голод. К тому же я попросил Чарльза придержать для нас стол в углу у окна. Если мы не поспешим, это место у него вырвут.

Они отправились в клуб, и Стивен снова заметил ненавязчивые кивки и приветствия, тихие «Позвольте поздравить, сэр» в свой адрес в связи с победой. Их угловой стол в обеденном зале, вполне уединенный у дальнего окна, уже был накрыт. Те несколько минут, которые прошли в ожидании вареной дичи с устричным соусом, обычного блюда на ужин, сэр Джозеф усердно поглощал куски хлеба.

— Как вы без сомнения знаете, официально донесение, или скорее рапорт, оказалось невероятно лаконичным. В нем сказано лишь что «Сюрприз», удостоенный приказа перехватить «Диану», последовал в Сен-Мартен и в ночь на двенадцатое вывел ее от причала, вместе с кораблями и судами, указанными ниже. Их отбуксировали из гавани при содействии шлюпок с кораблей его величества и так далее, и доставили начальнику порта в Плимуте. Конечно же, все газеты пестрят неофициальными отчетами, одна сенсация ярче другой, вместе с реальным отчетом о встрече в Плимуте, но я был бы крайне рад услышать...

Тут подали дичь, и Блейн, положив порцию Стивену, собирался вонзить зубы в ногу, но с другой стороны зала к ним поспешил герцог Кларенс, гордо раздувшись в ярко-синем сюртуке со звездной ордена Подвязки, сияющей на его мужественной груди. Они вскочили, и герцог окликнул их могучим голосом:

— Мэтьюрин, эй, как поживаете? — и, пожав ему руку: — Сэр Джозеф, доброго вам вечера. Когда я уходил, Джо мне рассказал, что доктор здесь. Я подумал, что нужно сбегать и узнать, как у него дела, хотя и двух минут свободных нет.

Блейн в отчаянии взглянул на своего цыпленка и стер каплю слюны.

— Вы там были, Мэтьюрин. Вы были с Обри у Сен-Мартена?

— Был, сэр.

— Так вы были, правда? Стул сюда. Принеси стул, Артур. Садитесь, джентльмены, и дайте мне послушать эту историю, пока вы едите. Господи, хотел бы я быть с вами, Мэтьюрин. Насколько я понял,

великолепное дело. Хотя подозреваю, вы не много увидели, из орлопа-то.

В дверь тихо вошел человек в черном и прошептал что-то в царственное ухо. Герцог встал.

— Меня ждут, нужно ехать в Виндзор рано утром. Но вот что я вам скажу, доктор. Дайте Обри знать, что, когда он будет в городе, я с удовольствием его повидаю. Мои наилучшие пожелания, и буду очень рад услышать всю эту историю лично от него, когда он приедет в Лондон.

— Еще пять минут, и я бы разозлился, — признался сэр Джозеф, некоторое время спустя вытирая губы. — Я, может быть, даже оскорбил бы королевскую особу. Теперь, Мэтьюрин, если вы не так голодны, то очень обяжете меня, если расскажете всё в деталях, помня о том, что я не моряк.

Слушал он внимательно, присматриваясь к используемым для объяснения хлебным коркам. В конце он вздохнул, покачал головой и отметил:

— Как сказал герцог, великолепное дело.

— Думаю, получилась бы превосходная шлюпочная экспедиция, если бы не чертовы канонерки и не стоячая вода. Эти несколько минут позволили команде «Дианы» на берегу и солдатам спуститься к причалу. Иначе мы наверняка смогли бы вывести ее вовсе без кровопролития.

— Бой, видимо, оказался очень жестоким, пока не отцепили сходни. Вы вроде бы не упомянули число потерь, и я забыл спросить, охваченный общим восторгом.

— Никого не убило, но многих ранило, и некоторых — тяжело.

— Надеюсь, вы сами не пострадали?

— Ни царапины, благодарю, но Обри получил пулю в дюйме от позвоночного столба, рядом с седалищным нервом.

— Боже милостивый! Вы мне не сказали, что он ранен.

— Ну, сейчас от раны мало что осталось, хотя она едва не оказалась последней в его жизни. Мы извлекли пулю очень аккуратно, и небольшое входное отверстие заживает, как я и надеялся. Еще у него пара резаных ран, на бедре и предплечье. И они стоили ему половины крови — он столь активно действовал.

— Да что вы говорите, Мэтьюрин! Бедняга, боюсь, он испытывал ужасную боль.

— Во время извлечения пули и незадолго до него было поистине ужасно. Но до этого... знаете ли, люди на удивление мало чувствуют в разгар битвы. Я видел чудовищные ранения, о которых пациент даже не подозревал.

— Что ж, — сказал Блейн, размышляя, — это некая форма

самоуспокоения, полагаю. Но смею заметить, потеряв так много крови, он достаточно бледен?

— Его лицо словно из пергамента.

— Так намного лучше. Не считайте меня бессердечным, Мэтьюрин, но бледный герой гораздо более интересен, чем румяный. Его можно перемещать?

— Безусловно, его можно перемещать. Разве я не привез его обратно в Эшгроу, где он теперь медленно прогуливается среди своих роз, опрыскивая мылом тлю?

— А можно ли его потихоньку доставить в Лондон, как вы думаете? Я спрашиваю, потому что мне кажется, сейчас самый подходящий момент представить его взору публики, а еще лучше — взору людей, принимающих решения. Но вы, наверное, думаете, что такое путешествие будет чересчур?

— Вовсе нет. С каретами на мягких рессорах, которыми аккуратно правят на современных дорогах, можно весь путь проехать на мягком сидении. Нет, я держу его почти лишь на одной каше, запретил пить вино, крепкое спиртное и солодовые ликеры, за исключением одной ложки портвейна перед сном, кроме того, он иногда выказывает признаки нервной раздражительности, обычной для выздоравливающих, и в крупных сборищах я не рекомендую ему участвовать.

— Я мог бы ограничиться десятью персонами.

— А я бы дал ему определенную дозу лекарства, гарантирующую благотворное спокойствие, а может, и блестящую речь. И все же до какой степени врач имеет право управлять судьбой пациента в вопросах отличных от чисто медицинских? Возможно, вы позволите мне немного подумать об этом.

Они взяли кофе в библиотеку, и, когда они сели, Стивен сказал:

— Раздражительность больного может проявиться очень рано. Мы видели яркий пример такого в Шелмерстоне. Захваченные корабли отправились в Плимут, где их должны были законно признать таковыми, и «Сюрприз» остался один, когда шлюп королевского флота встал в переполненной людьми гавани.

Его намерениями было сопроводить «Сюрприз» и указать ему путь к доку, где по приказу порт-адмирала, его должны были починить на королевской верфи. Но матросы, многим из которых предъявлялись различные обвинения, в частности в дезертирстве, не знали этого, и были полны решимости заставить шлюп отплыть подальше. Ни одного из офицеров на квартердеке не было, все они ушли с захваченными трофеями.

Капитан Обри как раз составлял рапорт, но как только услышал шум, выскочил на палубу в осатанелой ярости и заставил их замолчать: «Проклятые увальни... салаги... вас даже на маргейтскую баржу не возьмут... в жизни с вами в море не выйду... каждому по сотне плетей... будь прокляты ваши глаза... чтоб у вас руки и ноги отвалились... содомиты все до единого... вы должны подпустить шлюпку к борту и поднять юного джентльмена на борт по фалрепам... будто бы не знают, что положено королевскому мундиру... шайка каторжников... через час ноги вашей на корабле не будет».

— Они сильно расстроились?

— Вовсе нет. Они прекрасно знали, что им надлежит выглядеть огорошенными, изумленными, шокированными своим увольнением. И они изо всех сил пытались изобразить эти эмоции. Он их все-таки простил и посоветовал тем, кому лучше не показываться в Плимуте, сразу сойти на берег.

— Значит, фрегат чинят на верфи. Что ж, благородно со стороны Фэншоу. Повреждения сильные?

— Мортирный снаряд снес маленькую уборную с левого борта, не больше. Особого значения это не имеет — есть еще одна с правого борта, и ее отсутствие позволит установить некую разновидность крана, очень нужную.

Сэр Джозеф кивнул и после паузы продолжил:

— И все же меня не покидает мысль, что если Обри отправляется сейчас в Южную Америку, как я понимаю, вы собираетесь признать его годным к службе?

— Как только закончим с ремонтом и загрузим достаточно припасов, то он может спокойно отправляться в плавание, особенно с таким помощником, как Том Пуллингс.

— Очень хорошо. Но если он сейчас отправится в Южную Америку, то выйдет из поля зрения публики. Он уплывет в забытие, и даже если победит все французские и американские корабли в этой части света ценой своей правой руки и глаза, то не успеет вернуться домой, дабы извлечь выгоду из своей славы. Если можно так сказать, от общественного признания и его официальных последствий. За два-три месяца ореол славы рассеется. Никогда ему уже не увидать столь благоприятного стечения обстоятельств. Он упустит отлив!

— И правда, — согласился Стивен, — это крайне серьезное обстоятельство. — Всю морскую жизнь его сопровождали эти слова, в прямом и переносном смысле. Иногда их произносили с такой силой, будто

они касались первостепенного, непростительного греха. Фраза приобрела мрачную важность, будто заклинание или проклятие. — Очень плохо, если он пропустит отлив.

К редко используемой столовой сэра Джозефа никто бы не придрался. Пусть и старомодная — орех вместо атласного или красного дерева, но зато и мегере не найти ни пылинки. Двенадцать сверкающих глубоких кресел выровняли по линейке, скатерть белела, будто свежий снег, и отличалась такой же гладкостью — миссис Бэрлоу не допускала складок, чья жесткость так часто портила гладкую поверхность льна. И конечно же, все серебро сияло.

Но все же сэр Джозеф ерзал, поправляя то вилку, то нож и постоянно спрашивая миссис Бэрлоу, уверена ли она в том, что блюда окажутся горячими, и хватит ли всем пудинга («Джентльмен его исключительно любит, как и лорд Пэнмур»), до тех пор, пока ее ответы не стали все короче и короче. А потом заявил:

— А может, стоит поменять всю расстановку?

Джентльмен ранен в ногу, без сомнения, ему нужно позволить вытянуть ее на подставке для ног из библиотеки. Для удобства он должен сидеть с краю стола. Но какая нога и с какого краю?

— Если это продлится хотя бы еще пять минут, — пробормотала миссис Бэрлоу про себя, — я выброшу весь обед прямо на улицу — весь черепаховый суп, омаров, закуски, пудинг и вообще всё.

Но прежде чем прошли пять минут, и Блейн успел в порядке эксперимента переставить пару кресел, начали прибывать гости. Интересное собрание — помимо двух коллег из Уайтхолла четверо состояли в Королевском обществе. Один оказался политически активным епископом, остальные — сельскими джентльменами со значительными владениями, которые либо контролировали собственные округа, либо представляли в парламенте графства. А из двух гостей из Сити один был хорошо известен как астроном.

Ни один не принадлежал к оппозиции, но, с другой стороны, никто не занимал серьезных должностей и не гнался за отличиями. Никто не зависел от Кабинета министров, а члены Палаты общин могли позволить себе

воздержаться или даже голосовать против правительства по вопросам, в которых они не соглашались с официальной политикой. Что же до тех, кто не входил в парламент, то их советы все равно высоко ценились руководством страны.

В подобных случаях сэр Джозеф нанимал официантов у Гантера ^[38], так что величественный швейцар возвестил о прибытии девяти джентльменов, а затем произнес: «Доктор Мэтьюрин и мистер Обри». Собравшиеся нетерпеливо посмотрели на дверь, и рядом с худощавым Мэтьюрином увидели исключительно высокого и широкоплечего человека, бледного и строгого. Черный сюртук на нем сидел свободно.

Частично бледность и суровость вызвал невероятный голод — желудок Джека привык к флотскому времени обеда, на несколько часов раньше, чем модно в Лондоне. Но раны тоже повлияли на цвет лица, а строгость служила исключительно защитой от малейших признаков неуважения.

Блейн поспешил к нему с поздравлениями, благодарностью за визит и тревогой, не вызывают ли раны мистера Обри больших неудобств, не хочет ли он подставку для ноги. За ним последовал, и быстрее чем позволено правилами этикета, полный розовощекий мужчина в вишневом сюртуке. Лицо его буквально излучало добрую волю и дружелюбие:

— Вы меня скорее всего не помните, сэр, — произнес он с исключительно дружественным поклоном, — но я имел честь как-то раз повстречать вас у постели моего племянника Уильяма, мальчика моей сестры Баббингтон, когда его ранило во время вашего славного боя в четвертом году, одного из ваших славных боев в том году. Тогда меня звали Гарднер, сейчас Мейрик.

— Прекрасно помню вас, милорд, — заверил Джек. — Мы с Уильямом вспоминали вас не далее, как две недели назад. Могу я вас поздравить?

— Не надо, не надо, — воскликнул лорд Мейрик. — Поздравлять нужно не меня. Перейти из одной палаты парламента в другую — мелочь по сравнению с захватом фрегата, как мне кажется.

Он добавил еще несколько очень любезных фраз, и пусть его слова почти потонули в приветствиях от знакомых Джека и представлении незнакомцев сэром Джозефом, но очевидная искренность их не могла не радовать.

За лордом Мейриком никто из гостей не последовал — им не хватало его простоты, но их душевные, неподдельные поздравления удовлетворили бы и человека с гораздо большим самомнением, чем у Обри. Его

замкнутость и суровость (до последних месяцев совершенно неестественные) почти исчезли, чему поспособствовало шерри сэра Джозефа, разлившее в его страдающем от голода пустом брюхе приятное сияние.

Дядя Баббингтона настаивал на том, чтобы уступить первоочередность, и Джек сидел по правую руку от Блейна в приятном настроении и в предвкушении черепахового супа, который его натренированный нос давно уже почуял. Епископ благословил трапезу, обещание стало реальностью — зеленое спинное и янтарное брюшное филе плавали в собственном соку. Некоторое время спустя Джек признался Блейну:

— Классики могут до посинения трепаться об амброзии, но они не знают, о чем говорят. Они никогда не ели черепахового супа.

— А разве в Средиземноморье нет черепах, сэра? Вы меня удивляете.

— Да, там есть черепахи, но только логгерхеды или те, из которых добывают черепаховый панцирь. Настоящая черепаха с кулинарной точки зрения — это зеленая, а чтобы ее найти, нужно отправиться в Вест-Индию или на остров Вознесения.

— Остров Вознесения, — воскликнул лорд Мейрик, — какие перспективы приходят на ум! Какие океаны бесконечности! В юности я жаждал странствий, сэра. Я жаждал увидеть Великую китайскую стену, смертоносный анчар, разлив и спад легендарного Нила, крокодила в слезах, но по пути в Кале понял — не выйдет. Мое тело не выносит подобных перемещений. Я дождался в этом проклятом городке исключительно спокойного дня, совершенно безмятежного, и тогда меня отвезли назад, все еще полумертвого и в печали. С тех пор я путешествовал, сражался, страдал, выживал и завоевывал только посредством Уильяма. Какие истории он мне рассказывал, сэра! Как вы с ним на четырнадцатипушечной «Софи» захватили тридцатидвухпушечный «Какафуэго»...

Он продолжил далее весьма точно рассказывать о сражениях Обри (а на долю Обри их выпало необычно много), пока два сельских джентльмена на другой стороне стола не начали смотреть на Джека с уважением и даже удивлением, поскольку достижения его оказались необычными, и рассказывали о них совершенно искренне.

— Мистер Обри, — пробормотал Блейн, прерывая повествование на том моменте, когда «Сюрприз» топил турка в Ионическом море. — Кажется, епископ хочет выпить за ваше здоровье.

Джек бросил взгляд вдоль стола — епископ и правда улыбался ему, держа в руке бокал:

— За вас, мистер Обри.

— С глубочайшим удовольствием, милорд, — ответил Джек, кивая, — пью за ваше величайшее счастье.

За этим последовало еще несколько бокалов с другими джентльменами. Стивен, сидевший через полстола на другой стороне, заметил, что на лицо Джека вновь возвращается румянец, возможно даже больше, чем хотелось бы.

Чуть позже Стивен также заметил, что его друг принялся рассказывать историю. Истории Джека Обри редко имели успех — его талант лежал не в этой сфере — но свои обязанности гостя он знал, и с искренним удовольствием взглянув на непосредственных соседей, начал:

— Когда я был мальчишкой, в наши края как-то назначили епископа, еще до доктора Тейлора. И когда его только назначили, он решил провести своих подопечных, свою епархию. Всюду он побывал, и когда приехал в Троттон, то едва мог поверить, что такое малонаселенное место — знаете ли, там всего лишь пара рыбацких хижин на берегу — может составить целый приход. Он спросил у преподобного Веста, отличного рыбака, кстати, он меня научил угрей ловить на крючок. Так вот, он спросил у преподобного Веста...

Джек слегка запнулся, а Стивен стиснул руки. Имелся в этой истории момент, который мог ее испортить — в вопросе епископа слово «место» в произношении Джека могло послышаться как «мясо».

— Он спросил преподобного Веста: «Много ли у вас здесь душ?»

Стивен расслабился.

— И Вест ответил: «Нет, милорд, боюсь, одна лишь камбала».

Джек Обри, обрадовавшись тому, что его историю приняли благожелательно, что он смог рассказать ее и исполнил обязательства перед собравшимися хоть на некоторое время, сосредоточился на прекрасной баранине, пока разговоры его обтекали. Кто-то рядом с епископом рассуждал о странной французской привычке игнорировать британские титулы и традиции. Один из чиновников Уайтхолла согласился:

— Да, когда Андреосси был посланником Бонапарата, то письма моему шефу он адресовал «Сэру Уильямсону, эсквайру». Но что хуже, он завел интрижку с женой одного нашего коллеги, француженкой. Услышав где-то, что у герцога Девонширского дела обстоят очень печально, он ее послал к герцогине с откровенным, неприкрытым предложением десяти тысяч фунтов за секреты Кабинета министров. Герцогиня все рассказала Фоксу.

— Французы проиграют эту войну из-за невежества, — заметил его сосед. — Начали они с того, что отрубили голову бедному Лавуазье, заявив, будто республике не нужны ученые.

— Как вы можете говорить о французском невежестве, если сравнить их отношение к воздушным шарам с нашим? — воскликнул сидевший напротив него гость. — Вы же должны помнить, что они с самого начала организовали воздухоплавательный корпус, а сражение при Флерюсе они выиграли благодаря точной информации с воздушных шаров, поднятых на огромную высоту над неприятелем? Его численность, диспозиция, перемещения — все открыто взору сверху. А что мы делаем в этом направлении? Ничего.

— Против них выступило Королевское общество, — вступил в разговор епископ. — Отлично помню ответ на предложение короля оплатить некоторые испытания — я был там в этот момент. «Ничего хорошего из этих экспериментов ожидать не стоит», — ответило Общество.

— Часть Общества, — резко отозвался один из его членов. — Очень маленькая часть — комитет, в основном состоящий из математиков и антикваров.

Остальные члены Королевского общества не согласились ни с изначальным утверждением, ни друг с другом. Обри и Мэтьюрин, хотя и сильно привязанные к Королевскому обществу, большую часть времени проводили за границей. Они мало знали о кипящих внутри него страстях и еще меньше хотели об этом знать; в обсуждении они не участвовали. Стивен все внимание уделял своему соседу по правую руку, который успел совершить полет, причем замечательный, во времена первой вспышки энтузиазма, еще до войны.

По его словам, он тогда был слишком молод и беззаботен, чтобы записывать какие-то технические детали, но все еще сохранил то первое живое ощущение изумления, благоговения, восхищения и радости, когда после медленного, унылого и раздражающего подъема сквозь туман воздушный шар поднялся к солнечному свету. Все пространство под ними занимали девственно-белые горы облаков, их гребни и вершины, а наверху — обширное небо, темно-синее, гораздо темнее, чем бывает внизу. Совершенно другой мир, и абсолютно беззвучный.

Воздушный шар ускорил подъем под солнцем — они видели его тень на море облаков — все быстрее и быстрее.

— Господи, — признался он, — я и сейчас отчетливо все вижу, как бы я хотел уметь описать это словами. Цельный драгоценный камень неба над

нами, невероятный мир внизу и наш убегающий след на нем — странное чувство вмешательства.

Убрали со стола, приближалось время тостов, и Джеку стало страшно. Его ранения, следовавшая диета из хлеба и воды и отсутствие тренировок снизили устойчивость к алкоголю, и даже после умеренного количества выпитого его голова стала не столь ясной, как хотелось бы. Как оказалось, не было нужды бояться. После тоста за короля сэр Джозеф задумался, пытаясь соединить две половинки ореховой скорлупы, а его сосед по левую руку лорд Пэнмур произнес:

— Совсем недавно этот тост застрял в необычайно большом количестве глоток, воистину необычайно. Только вчера принцесса Августа рассказала моей жене, что до смерти кардинала Йорка [\[39\]](#) не могла поверить в свой титул.

— Бедная леди, — согласился Блейн. — Такие сомнения делают ей честь, пусть и граничат с государственной изменой. Но сейчас-то она может успокоиться. — Обратившись к Джеку, он спросил: — Рискну предположить, что тост у вас в глотке никогда не застрянет, сэр?

Но Джек слишком увлекся пересказом описанной Баббингтоном истории столкновения ЕВК «Леопард» с айсбергом в Антарктике и последующем ремонте на острове Отчаяния. Пришлось его отвлечь и повторить вопрос.

— О нет. Я всегда следую совету Нельсона в этом отношении, и во всех других, где позволяют силы. Я убежденно пью за короля.

Блейн улыбнулся, кивнул и вернулся к лорду Пэнмуру:

— Как вы посмотрите на то, чтобы перейти вместе с кофе в гостиную? Там проще перемещаться, и я знаю, что многие из присутствующих джентльменов хотели бы поговорить с Обри.

И действительно, многие общались с Обри. По мере того, как вечер переходил в ночь, Стивен заметил, как его друг все больше бледнеет.

— Сэр Джозеф, — наконец сказал он, — я должен увезти моего пациента и уложить его в постель. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы его слуга раздобыл портшез.

Искомому слугу, Береженого Киллика, уже сочли бы пьяным даже по флотским меркам — он пошевелиться не мог. Зато под рукой оказался трезвый Падин. Некоторое время спустя он привел два портшеза с ирландскими носильщиками (другие его бы не поняли). Во время задержки один из чиновников, мистер Соумс, отвел Джека в сторону и поинтересовался, где тот остановился и можно ли будет нанести визит — имеется пара вопросов, которые хотелось бы обсудить.

— Разумеется, я буду очень рад, — заверил Джек.

На следующий день он почти про него позабыл, пока хозяйка «Грейпс» миссис Броуд не объявила:

— К вам мистер Соумс, сэр.

Джек принял его с умеренной вежливостью, хотя вчерашняя непривычная еда и вино всё еще давали о себе знать, будто после дебоша, да и рана на ноге жутко чесалась. К тому же его разозлила беседа с угрюмым, увиливающим Килликом — тот помимо всего прочего то ли потерял, то ли забыл упаковать обещанную Хиниджу Дандасу книгу, которую Джек хотел передать вместе с отправляющимся на Североамериканскую станцию другом.

Они обменялись несколькими репликами о вчерашнем вечере, славном вине сэра Джозефа, практически гарантированном дожде.

— Я испытываю некоторые затруднения, приступая к своему делу, — произнес мистер Соумс, обозревая рослую фигуру напротив. — Совершенно не желал бы утомлять вас.

— Вовсе нет, — заверил Джек холодно.

— Суть дела в том, что меня попросили неофициально обменяться с вами несколькими словами по поводу возможного благоприятного исхода, в случае удовлетворения ходатайства о помиловании по свободному усмотрению.

— Не понимаю вас, сэр. Помиловании за что?

— Что ж, сэр, за это... за это несчастное дело в ратуше, имеющее отношение к Бирже.

— Но сэр, вы же должны знать, что я объявил себя невиновным? Что я честью поклялся в том, что невиновен?

— Да, сэр, я прекрасно это помню.

— Тогда как, во имя Господа, меня могут помиловать за то, чего я не совершал? Как мне в голову может прийти просить о помиловании по свободному усмотрению, если я невиновен? — Разговор Джек начал в состоянии сильного и неопределенного раздражения. Сейчас же он побелел от злости. — Вы что, не видите, что если я попрошу о помиловании, то солгу? Скажу, будто меня есть за что помиловать?

— Всё это лишь формальность, можно сказать, правовая фикция. И это повлияет на ваше восстановление на флоте.

— Нет, сэр, — ответил Джек, вставая. — Я не считаю это формальностью. Я осознаю, что ни вы, ни джентльмен, попросивший вас поднять эту тему, не предполагали оскорбления, но прошу передать мои наилучшие пожелания и объяснить, что я проблеме вижу в другом свете.

- Сэр, вы не подумаете некоторое время и не посоветуетесь?
- Нет, сэр. В таких делах человек должен решать сам за себя.
- Чрезвычайно сожалею. Должен ли я добавить, что вы не будете обдумывать это предложение?
- Боюсь, что да.

Глава восьмая

— Он упустил отлив, — признал сэр Джозеф. — Редко я так огорчился.

— Соумс подошел к делу как дурак, — ответил Стивен. — Если бы он преподнес все беззаботно, заговорил бы о повседневной вежливой лжи вроде «не в своей тарелке», «ваш покорный слуга» и тому подобном, перешел бы потом к различным позволяющим сохранить лицо формулировкам в договорах, подавая их как глупые, неважные банальности, которыми они на самом деле и являются, а потом попросил бы Обри подписать уже готовое прошение, он бы вполне мог его подписать с благодарностью и переполненным радостью сердцем.

— Треклятое положение, — продолжил сэр Джозеф собственные мысли. — Даже с учетом всех больных мест, которые стоит принимать во внимание, взять хотя бы Квинборо с его союзниками, баланс сил как раз сместился в пользу Обри, достаточно для решительных действий. Не могли бы вы убедить его сказать Соумсу, что по зрелом размышлении и так далее? В конце концов, как и любой моряк, он привык не замечать бодрую коррупцию. Огромное количество припасов бесследно исчезает, мертвецы и несуществующие слуги получают жалование, и я точно знаю, что он минимум трижды подделывал судовую роль, включая в судовые книги сыновей своих друзей, дабы те получили корабельный стаж, будучи на деле в школе на берегу. Да что там говорить, его собственный сводный брат в такой призрачной форме оказался с вами на борту в последней тихоокеанской экспедиции.

— Бодрая коррупция — безусловно, и если бы к делу подошли так, он бы вытерпел. Но теперь речь идет о высших моральных устоях, и вся бодрость вылетела в окно. Я его мнения не изменю, и не буду пытаться.

— Что ж, повторяюсь, треклятое положение. Так близко подойти к успеху, а потом...

После паузы Стивен нерешительно уточнил:

— Подозреваю, возможности помилования без подачи формального прошения нет?

— Нет. Сейчас у Обри довольно много союзников и приличное влияние, но этого все равно мало. Нужно гораздо больше.

— А это не повлияет? — Стивен указал на аккуратные страницы

отчета Пратта о том, что он обнаружил генерала Обри мертвым в канаве рядом с пивной, в которой тот жил под именем капитана Вулкомба.

Блейн покачал головой:

— Нет. С точки зрения Кабинета генерал и его друзья-радикалы подставились тем, что нарушили обязательство явки в суд. После этого они перестали существовать политически, даже самые неразборчивые оппозиционные газеты с ними не захотят иметь дела. Генерал мог бы умереть уже тогда, а не сейчас. С нашей точки зрения разницы тоже нет — Пратт и его коллеги тщательно обыскали бумаги генерала, но не нашли ни намека на контакты с Рэем или Ледвардом.

— Конечно нет. Там и не могло быть никакой связи.

— С другой стороны, — заметил Блейн, — можно сказать, что эта смерть немного помогла Обри — исчезла непреднамеренная связь с радикалами. Но этого, к несчастью, даже и близко не хватит. Что сейчас предлагаете делать, Мэтьюрин?

— Пошлю Пратту указания о том, как поступить с телом, и помчусь завтра к Обри. Потом, поскольку «Сюрприз» все еще необходимо подготовить и загрузить большим количеством припасов, необходимых для южноамериканского плавания, планирую отправиться в Швецию и подождать его там. Сяду на пакетбот в Лейте.

— Вы не считаете, что эта смерть изменит планы Обри?

— Удивлюсь, если она сильно повлияет. Генерал не из тех людей, которые вызывают привязанность или уважение.

— Да. Но мне сказали, что речь идет еще и о весьма внушительном поместье.

— О нем я мало что знаю помимо того, что оно до печального отягощено долгами. Но даже если бы оно занимало полграфства, то вряд ли бы удержало Джека Обри от моря. Он запланировал это плавание, и в любом случае, говорят, будто американцы отправили фрегат или даже два нашего класса за мыс Горн.

Много поколений Обри похоронили в Вулхэмптоне, и церковь заполнил народ. Джека удивило и растрогало то, как много людей пришло почтить память покойного — Вулкомб уже давно не видел в своих стенах тех солидных, устоявшихся семейств, которые в былые времена, при жизни матери Джека, так часто здесь бывали.

Конечно, кое-кого не хватало, но гораздо меньше, чем Джек ожидал. Опять-таки, в церкви собрались не только старые друзья и знакомые Обри, но и арендаторы, жители деревни и обитатели отдельно стоящих домов. Они, кажется, позабыли дурное обращение, грабительскую арендную плату

и агрессивное огораживание общинной земли.

Еще Джека особенно растрогало то, что деревенские жительницы, многие из которых в свое время прислуживали его матери и даже бабушке, поспешили в Вулкомб, чтобы привести дом в надлежащий вид для приема стольких гостей. Усадьба пришла в прискорбное состояние еще до того долгого периода, во время которого генерал порхал по северу страны в страхе перед арестом. Но сейчас дорогу выровняли как никогда, а открытые для гостей комнаты по крайней мере отмыли, подмели и отполировали воском, и чтобы накормить тех, кто приехал издалека, поставили столы.

Один стол, полностью разложенный, установили в обеденном зале, а второй, во главе которого должен был сидеть Гарри Чернок из Таррен-Гассидж (ближайший кузен Джека) поставили на козлах в библиотеке.

Вдова генерала во всем этом не участвовала. Как только узнали, что похоронные дроги добрались до Шафтсбури, она не вставала с постели. Этому находили разные объяснения, но сильное горе среди них не упоминали. Джек так или иначе этому только обрадовался. Она служила молочницей в Вулкомбе — славная, хваткая черноглазая девушка, склонная поздно возвращаться домой с ярмарок и танцев и очень хорошо известная местным молодым людям, в том числе и Джеку. Хотя после свадьбы Джек некоторое время и испытывал возмущение, но оно быстро выветрилось. Дурной женщиной он ее вовсе не считал и не верил, например, сплетне о том, что она не встает с постели, потому что спрятала под ней фамильное серебро. Но ночи с ней на сеновале он не позабыл, что делало их встречи неловкими. В тех редких случаях, когда они виделись, его ранило, что она сидит на месте матери.

Так что миссис Обри оставалась в постели, а Софи, категорически не желая навязываться со своим трауром или слишком рано показываться в доме как его новая хозяйка, осталась в Хэмпшире. А вот второго сына мистера Обри, Филиппа, вернули из школы. Слишком юный, совсем мальчишка, он не отличался особым благочестием и поначалу не понял — праздник это или нет. Вскоре он все же подхватил настроение Джека и теперь, в новой черной одежде, вместе со своим высоким сводным братом выражал слова признательности гостям и эхом подхватывал его «Благодарю, сэр, за оказанную нам честь».

Говорил он хорошо, не слишком самоуверенно, но и не слишком робко, Джек остался им доволен. С тех пор как Филипп вырос из пеленок, он его видел не больше полудюжины раз, но определенную ответственность за брата Джек чувствовал. На случай, если тот захочет

сделать карьеру во флоте, а не в армии, он последние несколько лет вносил его имя в различные судовые роли. Тем временем, Хинидж Дандас (скоро возвращающийся домой из Северной Америки) предварительно согласился взять Филиппа в море, как только тот достаточно подрастет. Джек подумал, что мальчик, может быть, еще заслужит репутацию.

Но времени размышлять о будущем Филиппа оказалось мало — пока Джек пытался рассадить гостей, он заметил пожилого, на самом деле даже старого человека, худощавого и очень высокого, несмотря на сутулость. Он медленно зашел в обеденный зал и окинул взглядом заполненную людьми комнату. Один из отсутствовавших (и предсказуемо отсутствовавших) в церкви людей, о которых Обри сожалел — мистер Нортон, очень влиятельный землевладелец с другого берега Стора. Хотя Обри он приходился весьма дальним родственником, но это родство и тесная дружба между семьями привели к тому, что Обри с детства привык называть его кузеном Эдвардом. Именно кузен Эдвард выставил кандидатуру отца Джека от «карманного» округа Милпорт, входящего в его владения, генерал представлял его в парламенте вначале как тори, а потом как крайний радикал, в соответствии с тем, что он считал своими интересами.

Отзвуки яростной свары, последовавшей за этой переменой сторон, да и в целом от общего курса поведения генерала, достигли Джека даже на другом краю света, чрезвычайно его расстроив. По возвращении домой он выяснил, что эти отзвуки оказались сильно приглушенными, так что он уже и не предполагал снова увидеть мистера Нортон в Вулкомбе.

— Кузен Эдвард, — воскликнул он, спеша к гостю. — Как благородно с вашей стороны прийти.

— Очень сожалею за опоздание, Джек, — ответил мистер Нортон, пожимая ему руку и глядя в глаза с серьезным беспокойством, — но дуралей-возница опрокинул меня по ту сторону Бартона, и мне понадобилось очень много времени, чтобы добраться сюда.

— Боюсь, вас сильно растрясло, сэр.

Джек обратился к присутствующим: «Леди, прошу, рассаживайтесь без церемоний. Джентльмены, прошу, садитесь». Он провел мистера Нортон к креслу, налил ему бокал вина, и обед наконец-то начался.

Длинная трапеза, и очень утомительная, с неизбежной в таких случаях неловкостью, но даже ей настал конец. В целом, все прошло гораздо лучше, чем Джек боялся. Когда он посадил последних гостей в экипажи, то вернулся в малую гостиную. Там он обнаружил кузена Эдварда дремлющим в кресле с подголовником, одним из немногих старых

предметов интерьера, уцелевших при модернизации Вулкомба. Он вышел на цыпочках и в коридоре встретил Филиппа. Тот спросил:

— Разве не нужно попрощаться с кузеном Эдвардом?

— Нет. Он останется на ночь. Его экипаж опрокинулся на той стороне Бартонна и сломал колесо. Его сильно растрясло. Он очень стар.

— Старше, чем был мой отец... наш отец, рискну предположить, сэр?

— Да, гораздо старше. Он — сверстник моего деда.

— А кто такие сверстники?

— Люди одного возраста. Но обычно имеют в виду тех, кого ты знаешь с юности — школьные друзья и тому подобное. По крайней мере я это имею в виду. Кузен Эдвард и мой дед — сверстники, и они были большими друзьями. В молодости вместе держали свору гончих и охотились на зайцев.

— А у вас много сверстников, сэр?

— Нет, не на суше. Здесь нет почти никого моего возраста, кого я хорошо бы знал, кроме Гарри Чернока. В море я отправился очень рано, едва ли намного старше тебя.

— Но вы же чувствуете здесь себя дома, сэр, не так ли? — спросил мальчик со странной тревогой и даже болью. — Вы чувствуете, что отсюда вас не выгонят?

— Да, — признался Джек, и не только чтобы его утешить. — А теперь хочу посмотреть на винный погреб и на огороженный сад. Я там играл в пятерки, левая рука против правой, когда был мальчишкой. Кстати, я подумал, раз мы братья, то ты, наверное, можешь звать меня Джеком, хотя я и гораздо старше.

Филипп согласился и покраснел, но молчал до тех пор, пока они не пришли к винному погребу, столь же запущенному, как и во времена Джека. Там, в каменном бассейне, который вечно переполнялся все с тем же музыкальным звуком капель, Филипп показал ему лягушку, считавшуюся ручной.

Окруженный стенами огород остался еще более неизменным, если такое вообще возможно — те же аккуратные ряды овощей, опоры для бобов, кусты крыжовника, все те же рамы для огурцов и дынь, столь уязвимые для летящего мяча, те же душистые живые изгороди. А на фоне краснокирпичной стены меняли цвет абрикосы и персики. На деле, вся задняя часть усадьбы — конюшенный двор, прачечная, каретный сарай, все неусовершенствованные части — оставались бесконечно знакомыми, вплоть до самых первых воспоминаний Джека, столь же знакомые, как пение петуха. Временами он чувствовал себя даже младше мальчишки,

бегающего вокруг в неуместной траурной одежде.

Когда они вернулись домой, летучие мыши присоединились к ласточкам над прудом, и мистер Нортон уже лег спать. Джек не увидел его до позднего утра.

Стряпчий из Дорчестера только что откланялся, унося с собой мешок документов, когда появился кузен Эдвард.

— Доброе утро, Джек. Боюсь, ты долго провозился со всем этим. Я видел, как приехал Уизерс, когда брился. Надеюсь, речь не идет о спорах или пререканиях?

— Нет, сэр, закончилось все хорошо. Хотя нужно разобраться со многими тонкостями.

Большую часть задержек на самом деле вызвало чрезвычайное нежелание его мачехи раскрыть тот факт, что она не может поставить свою подпись, но Джек не хотел бы заострять на этом внимание. Вместо этого он предложил:

— А не выпить ли нам кофе в комнате для завтрака?

— Я не могу найти дорогу в этом доме, — признался мистер Нортон. — Помимо моей спальни и библиотеки здесь все поменялось со времен моего последнего приезда, даже лестницы.

— Да, но я планирую хотя бы зал привести в прежний вид. И комнаты матери. Я нашел почти все старые стеновые панели сваленными в кучу в амбаре за гумном.

— Планируешь жить здесь?

— Не знаю. Зависит от Софи. Наш дом в Хэмпшире чрезвычайно неудобный, но она там живет всю супружескую жизнь, и у нее там много друзей. Но, в любом случае, хотелось бы, чтобы Вулкомб выглядел более-менее так, как в годы моего детства. Мачеха здесь оставаться не хочет — для нее он слишком большой, здесь ей будет одиноко. Хочет переехать в Бат, у нее там есть родственники.

— Что ж, я рад, что ты хоть одной ногой останешься в графстве, — заверил кузен Эдвард с многозначительным взглядом, и когда подали кофе, продолжил: — Рад поговорить с тобой наедине, как сейчас.

Последовала пауза, потом он продолжил, но уже совсем другим тоном - будто произносил тщательно заготовленную и, возможно, отредактированную заранее речь, заметно нервничая.

— Осмелюсь сказать, ты был удивлён, увидев меня сегодня, — начал он. — Я видел удивление Кэролайн и Гарри Чернока, и многих других. В обычных обстоятельствах мне и не следовало бы приходить.

Еще одна пауза.

— Не хочу очернять память твоего отца, Джек, хотя ты прекрасно знаешь, как он со мной обошелся.

Джек склонил голову жестом, который можно понимать, как угодно.

— Но приехал я частично из долга перед семьей — в конце концов, мы с твоим дедом были лучшими друзьями, и я очень любил твою мать. Но больше — чтобы отдать тебе должное за подвиг у Сен-Мартена и за чертову несправедливость, которую тебе причинили в Лондоне.

В открывшуюся дверь ворвался Филипп. При виде кузена Эдварда он остановился, потом нерешительно шагнул вперед.

— Доброе утро, сэр, — сказал он, краснея. Потом обратился к Джеку: — Братец Джек, за мной прибыл экипаж. С мамой я уже попрощался.

— Я провожу тебя, — ответил Джек. А когда они вышли в холл, добавил: — Вот тебе гиней.

— О, большое спасибо, сэр. Но если это не слишком невежливо с моей стороны, можно ли мне получить что-нибудь ваше — огрызок карандаша или носовой платок, или листок бумаги с вашим именем — чтобы показать ребятам в школе?

Джек что-то нащупал в кармане жилета.

— Вот что я скажу, — ответил он. — Ты можешь показать им это. Это пуля, которую доктор Мэтьюрин вытащил из моей спины у Сен-Мартена.

Он поднял мальчика в дилижанс и сказал:

— В следующие выходные, если мама тебя отпустит, ты должен приехать в Хэмпшир и встретиться со своими племянником и племянницами. Некоторые из них старше тебя, ха-ха-ха!

Они махали друг другу, пока карета не повернула за угол, и тогда Джек пошел обратно в столовую. Смущение рассеялось, и двоюродный кузен Эдвард непринужденно спросил:

— Ты останешься на какое-то время? Надеюсь, что да, хотя бы из-за своих ран.

— О, об этом не волнуйтесь, они причиняли какое-то время неудобства, но на мне все заживает, как на молодом псе, и сейчас, когда швы затянулись, я едва вспоминаю о них. Нет, как только я отблагодарю всех в деревне и коттеджах, то уеду. «Сюрприз» готовится к дальнему плаванию, и есть еще тысяча дел, которыми нужно заняться, не считая ремонта. Мой врач вполне доволен, пока я путешествую в экипаже, а не верхом.

— Не мог бы ты вторую половину дня провести в Милпорте, чтобы встретиться с избирателями? Их не так много, и все они мои арендаторы, поэтому это не более чем формальность, но есть определенные правила

хорошего тона, которых стоит придерживаться. Предписание о проведении выборов будет издано очень скоро. — Затем, увидев удивление Джека, он продолжил: — Я хочу предложить место тебе.

— Правда, Боже мой? — воскликнул Джек и, осознав масштабы, важность и последствия сказанных кузеном слов, продолжил: — Я считаю это удивительно щедрым предложением, сэр. Я принимаю его и не могу передать словами, насколько я признателен.

Он пожал тощую старую руку мистера Нортон и сел, некоторое время смотрел немигающим взглядом: возможности, о которых он едва осмеливался подумать, вспыхивали и горели в его голове, словно корабли во время битвы.

— Думается мне, — сказал кузен Эдвард, — это усилит твои позиции в любых разбирательствах с правительством. Не велика заслуга быть членом парламента, если, конечно, ты не представляешь интересы графства, но, по крайней мере, достойный парламентарий имеет возможность добиться признания. Он может не только лаять, но и кусаться.

— Именно так. Он имеет в руках оружие. Недавно один человек, связанный с правительством, пришел повидаться со мной и сказал, что, если я приползу на брюхе и буду умолять о помиловании, возможно, мне его дадут. И он либо сказал, либо намекнул, не помню точно, что, если бы это случилось, я вновь бы мог оказаться в списке. Но я ответил ему, что просьба о помиловании непременно означает, что преступление было совершено, но, насколько мне известно, я его не совершал. По сути, я сказал, что грязные псы едят голодные пудинги, то есть голодные псы едят грязные пудинги. Но в этом случае или я недостаточно проголодался, или пудинг оказался слишком уж грязен, чтобы я умолял о прощении. Поэтому мы больше не касались этого вопроса. И я думал, что навсегда уничтожил свои шансы. Но будь я членом парламента, не думаю, что он бы вообще осмелился начать подобный разговор, а если бы и осмелился, то не оставил бы его вот так.

— Уверен, что он бы не сделал этого, особенно будь ты непоколебимым парламентарием, придерживающимся центристских взглядов, сторонником разделения церкви и государства, не произносящим пустых громогласных речей, каким, я уверен, ты и станешь. Не расценивай мои слова, как условия, Джек. Ты можешь голосовать, как захочешь, пока твой голос не идет против интересов короны.

— Не дай Бог, сэр! Не дай Бог!

— Но даже в сложившейся ситуации это едва ли был уместный разговор с человеком твой репутации.

— Не думаю, что он хотел меня оскорбить. Но он один из Уайтхолла, а я всегда замечал, что они и впрямь считают себя выше всех остальных, словно при рождении получают звание адмирала

Вошел дворецкий и сообщил мистеру Нортону:

— Сэр, Эндрю просил передать вам, со всем почтением, что колесо починили. Экипаж уже во дворе, желаете ли вы его сейчас или он может выпрячь лошадей?

— Пусть подает сейчас, — распорядился мистер Нортон, а когда дверь закрылась, продолжил: — Давай, Джек, сделай мне одолжение и потрать день на агитацию, будь добр. В «Олене» в Милпорте нам подадут довольно приличный обед, а потом разопьем чашу пунша с выборщиками. Все это, конечно же, всего лишь формальность, но им понравится. Пустая болтовня о политике, конечно, окажется едва терпимой, но необходимое внимание избирателям уделить нужно. Все равно успеешь вернуться домой в четверг. Или это слишком большая жертва? Провинциальная политика бывает чудовищно скучной, я знаю.

— Жертва, кузен Эдвард? — воскликнул Джек, вскакивая с места. — Можете просить о большем, гораздо большем, клянусь честью. Я правую руку отдам, лишь бы вернуться в список флота или хотя бы оказаться на полпути туда.

В заново обжитой, комфортной, уставленной книгами комнате доктора Мэтьюрина в «Грейпс» они с Падином с удовлетворением осматривали багаж. Один саквояж — пустяковый, но зато туго набитый, будто сосиска с Леденгола [\[40\]](#). В нем помещалось всё необходимое для путешествия Стивена в Эдинбург, путешествия в одиночестве: Падин должен отправиться на север на «Сюрпризе». Но по-настоящему удался им рундук доктора. Дружба с Бонденом, виртуозом работы со снастями, явно пошла Падину на пользу. Рундук стоял посреди комнаты, опутанный сложной системой диагональных концов — сетью, при виде которой любой моряк пришел бы в восторг. Талрепы на каждом конце заканчивались аккуратным кнопом без пробивки, а венчал все двойной декоративно завитый кноп.

— Ты же не забыл мою настойку, Падин, я надеюсь? — удостоверился Стивен. Уточнять он не стал, но под настойкой он понимал свое ежевечернее утешение — лауданум. Падин его прекрасно понимал — к этому времени настойка в той же степени стала и его собственной. Он скорее забыл бы собственную рубашку. Хотя к этому времени постоянное разбавление бренди, еще более сильное в связи с предстоящей временной разлукой, свело прием лауданума скорее к акту веры в него.

— Не забыл, господин. Разве она не под крышкой? И не укутана как священная реликвия?

На лестнице раздались тяжелые шаги, и миссис Броуд, распахнув дверь согнутым локтем, вошла в комнату, удерживая две стопки свежего белья между вытянутыми руками и подбородком.

— Вот так. Все ваши рубашки с оборками отглажены на славу, лучшим утюгом из тех, что вы видели. Миссис Мэтьюрин всегда нравилось, когда в них можно показаться на Сесил-корт, — заметила она Стивену. А потом, громко и отчетливо, словно бы Падин сидел на топе мачты, прокричала: — В самой середине, Падин, между запасными простынями и кальсонами из шерсти ягненка.

Падин покорно дотронулся рукой до лба, и как только она ушла, вместе со Стивеном оглянулся и подвинул стулья к подножью высокого платяного шкафа.

Но даже со стула, тем не менее, Стивен не дотягивался до верхушки, и ему пришлось стоять там, передавая Падину страницы «Таймс», сорочки, еще газеты и советы о том, как их лучше уложить. В этой позе, со словами «Плевать на гофрировку, главное, чтобы воротник не было видно» его застала тонкая, легконогая Люси, ворвавшаяся в комнату с криком «Срочное письмо для доктора... о сэр!». Она с первого взгляда поняла ситуацию и устояла на них вначале с ужасом, а потом с чрезвычайным неодобрением. Стивен и Падин выглядели крайне сконфужено, виновато и глупо. Некоторое время они не знали, что сказать, пока Стивен не пробормотал:

— Мы их просто откладывали на минуту.

— Вот ваше письмо, сэр, — пробормотала Люси не разжимая губ, и положила его на стол.

— Не надо об этом упоминать при миссис Броуд, Люси.

— Я еще в жизни ни на кого не стучала, но Падин, у тебя же все руки в пыли, постыдись!

Стивен взял письмо, и нервно-виноватое выражение пропало с его лица, когда он узнал почерк Джека Обри.

— Падин, — приказал он, — быстро помой руки и беги вниз в бар, попроси у них бутылку ячменного отвара с лимоном.

Он подвинул кресло к окну и сломал знакомую печать:

«Эшгроу-коттедж

Мой дорогой Стивен!

Порадуйся за меня! В своем великодушии кузен Эдвард предложил мне место в парламенте от округа Милпорт, который ему принадлежит. Мы

отправились туда и провели день среди горожан — обходительный народ. Они были так добры, что заявили, будто после Сен-Мартена и дела у Азорских островов проголосовали бы за меня, даже если бы кузен Эдвард не посоветовал им так поступить.

В Милпорте к нам на почтовых прибыл посланник от Кабинета министров с предложениями для моего кузена. Но, как тот сказал, у него нет возможности их рассматривать, поскольку он занят мной. Посланник похлопал глазами и умчался на почтовых назад.

Так что я отправился домой, после того как провел еще один день у кузена Эдварда — он особенно хотел показать свои розы в цвету, и я никак не мог сделать для него меньшее. Я как раз сообщал Софи все эти новости и делился своими надеждами на последствия, раз, наверное, в двадцатый, когда к нам зашел Хинидж Дандас.

Что «Эвридика» вернулась, я знал, но не успел съездить в Помпеи поприветствовать Хиниджа. А когда послал ему приглашение на обед, то получил ответ, что он в городе. Мы не удивились его визиту — думали, что он возвращался на корабль и свернул с дороги у «Иерихона», чтобы заглянуть к нам.

Но мы удивились, когда после достойного разговора о «Диане» (он попросил меня описать экспедицию во всех подробностях) Хинидж стал каким-то отстраненным, стеснительным и замкнутым. Лишь через некоторое время он рассказал, что прибыл не только как друг, но и как посланник. Кабинет министров (по его словам) узнал, что я войду в Палату общин от Милпорта. Его брат обрадовался новостям, поскольку дополнительное влияние в мою пользу позволит ему сильнее надавить на коллег с тем, чтобы восстановить меня в списке в приказном порядке, без прошения о каком-то помиловании.

Но чтобы этим заниматься в полную силу, Мелвилл должен иметь возможность заверить их в моем надлежащем поведении в парламенте. От меня не требуется всецело поддерживать Кабинет, но Мелвилл надеется, что он может честно сказать, что я не буду по крайней мере агрессивно и систематически выступать в оппозиции, не буду запальчивым энтузиастом.

Я посмотрел на Софи — она прекрасно понимала, что я имею в виду. Она мне кивнула, и я заверил Хиниджа, что для меня практически исключены любые выступления в Палате кроме как по флотским вопросам. Я видел многих офицеров, которые увалились под ветер, ввязавшись в политику. В целом я буду счастлив голосовать за практически любые предложения лорда Мелвилла, которого я высоко ценю

и чьему отцу я крайне благодарен. Что же до энтузиазма или огульного критиканства — так в этом меня даже злейшие враги не смогут обвинить.

Хинидж согласился и заверил, что вряд ли что-то может осчастливить его больше, чем возвращение в Лондон с таким посланием. Мелвилл ему сказал, что в случае благоприятного ответа, документы придут в движение немедленно, и хотя потребуются несколько месяцев для того, чтобы они прошли все требуемые стадии, а официального объявления придется подождать до какой-нибудь победы в Испании или, еще лучше, на море, он ручается, что меня и мое текущее назначение занесут в особый список, и я не потеряю старшинства.

Господи, Стивен, как мы счастливы! Софи с песнями кружится по дому. Она все бы отдала, лишь бы ты мог разделить с нами радость, и я в страшной спешке кропаю эти строки, в надежде, что они застанут тебя до отбытия в Лейт. А если нет, то с радостью все расскажу тебе в Швеции. Я все же хочу внести одну поправку в наш план — раз мы все равно отправимся на Балтику, я хочу сходить в Ригу за такелажем, запасным рангоутом и особенно за парусиной. Лучшую парусину, которую я видел, делают в Риге. Благослови тебя Господь, Стивен! Софи просит передать тебе всю ее любовь.

Всегда твой,
Джон Обри».

— Что там еще? — воскликнул Стивен, быстро пряча письмо под книгу.

— Если позволите, сэр, — заглянула в комнату миссис Броуд, чье мягкое лицо еще не омрачила история со шкафом, — сэр Джозеф внизу и спрашивает, свободны ли вы.

— Конечно. Будьте добры, попросите его подняться сюда.

— Господи, Мэтьюрин, как я рад вас найти, — признался Блейн. — Я боялся, что вы уже могли уехать.

— Почтовая карета отправляется лишь в полшестого.

— Почтовая карета? Я думал, вы экипаж наймете.

— По четырнадцать пенсов за милю? — возмутился Стивен с понимающим, искушенным взглядом. — Нет, сэр.

— Что ж, — улыбнулся сэр Джозеф, — могу спасти вас не только от чудовищных затрат на почтовую карету, но и от унылой поездки по ухабам, от дня и ночи в переполненной душной коробке, в компании незнакомцев, чистых или нет — как повезет, спешных обедов, неизбежного

«Не забудьте про возницу, сэр». А также от чудовищной скуки поездки из Эдинбурга в Лейт, а потом плавания на пакетботе, что нанесет еще больший урон кошельку и силе духа. Вас и без того выжмет как лимон к этому времени.

— И как же вы собираетесь совершить это достойное деяние, мой друг?

— Посажу вас на борт тендера «Нетли» завтра рано утром. Он везет приказы и посланников нескольким кораблям в Норе, а среди них, Мэтьюрин, среди них, как я узнал из телеграфной депеши где-то час назад, «Леопард», отправляющийся в Евле.

— Это не тот же самый ужасный старый «Леопард», который попытался утопить, уморить нас голодом и устроить кораблекрушение по пути в Новую Голландию?

— Он самый. Теперь с него сняли большую часть орудий, и он ходит под флагом Транспортного комитета. Его нынешняя невыдающаяся задача — взять груз флотских припасов в Евле взамен другого транспорта, захваченного парой американских кораблей в Скагерраке. Я услышал об этом лишь после обеда, когда поступил доклад Комитета о том, что с долей усердия «Леопард» можно подготовить к выходу в море уже завтра. Я как раз проходил мимо, и как только узнал, что транспорт идет в Евле, подумал, что нужно сразу же сообщить Мэтьюрину. Они его смогут высадить в Стокгольме, не теряя ни минуты. Это сохранит его от утомительных трудов, дрянной компании и отвратительной пищи, а заодно сэкономит кучу денег.

Я поспешил к вам. Искал вас в «Блэйкс», искал в Британском музее, искал в Сомерсет-хаусе, но настиг лишь здесь — хотя отсюда и надо было начинать. Сколько бы сил и нервов я бы сэкономил, если бы не пришлось прокладывать себе дорогу сквозь медлительную толпу деревенщин. Лондон в это время года ими переполнен — они таращатся вокруг будто волны.

— Великодушно с вашей стороны, сэр Джозеф, так переживать, и я бесконечно благодарен вам за заботу. Желаете ли стакан овсяного отвара с лимоном или предпочитаете глоток запотелого и банального эля?

— Эля, если можно, и он не может оказаться слишком холодным. Я, наверное, стоун сбросил от этих усилий. Но оно того стоит. Дорогой мой Мэтьюрин, как я рад вас найти! Меня бы на месяц выбило из колеи, если бы я не смог передать свое послание.

Он выпил полкружки эля, выдохнул и продолжил:

— Помимо этого, я бы не смог пригласить вас послушать прекрасное

исполнение «Фигаро» сегодня вечером. Юноша, исполняющий партию Черубино, отличается совершенством андрогина в штанах, а какой у него голос!

Сэр Джозеф продолжил рассказывать об остальных исполнителях, особенно о великолепной Графине, но Стивен, внимательно наблюдая, заметил, что тот тайно пестует еще какую-то новость, и наконец-то он ее озвучил:

— Но хотя послушать музыку и рассказать о предстоящем плавании на «Леопарде» много значит, — сменил тему Блейн, — отправить вас путь с легким сердцем гораздо важнее.

Холостяк Блейн не имел близких родственников, и, несмотря на крайне обширный круг знакомств, не водил почти ни с кем крепкой дружбы. В его профессии подобные добродетели не играли роли. Но в данном редком случае дружба и интересы службы сошлись вместе. Он некоторое время добро смотрел на Стивена, прежде чем сообщить, рассмеявшись:

— Джек Обри будет выдвигаться от Милпорта!

Он встал, похлопал Стивена по плечу и начал ходить по комнате.

— От Милпорта! Вы не удивлены? А я поражен, могу признаться. От избирательного округа его отца! Такого уровня, такого пика щедрости от владельца округа я в жизни не слышал. Тем более, этого округа. Дальний родственник, насколько я помню? Вы встречали мистера Нортон, Мэтьюрин?

— Только видел его на свадьбе Джека Обри — высокий, худощавый джентльмен.

— Теперь совсем другое дело. — продолжил Блейн. — Все это случилось именно в нужный момент. Я, конечно, подумывал о карманном округе, который мог бы склонить чашу весов в пользу Обри. Обычно они дорого обходятся, такие округа, но в нынешних условиях я мог бы предложить такой ход, если бы только имелось незанятое место. Но его нет, и мне ни на секунду не приходило в голову, что единственное вакантное место свалится ему прямо в руки.

— Едва ли корректно так говорить, Блейн?

— Конечно же нет. Но как удачно все сложилось. Мелвилл послал к нему своего брата Хиниджа, и я уверен — он устроит все гораздо лучше Соумса. Они старые друзья, и помимо всего прочего это дело ненавязчивое, никаких строгих условий. Я надеюсь, что Хинидж Дандас, говоря как моряк с моряком, сможет убедить Обри не слишком грубить Мелвиллу и коллегам.

— Как я рад тому, что вы мне сообщили, Блейн. Я не сомневаюсь, что Хинидж Дандас — отличный переговорщик. Насколько я знаю Джека Обри, он обречен на успех. Хотя вы можете все еще посчитать нужным намекнуть вашим друзьям-политикам, что единственный полностью надежный способ не дать моряку выступить в Палате с невероятно длинной речью о флотских злоупотреблениях или на какую-то тему, в которой он абсолютно невежествен — это отправить его в очень долгое плавание.

Нужно обратить внимание на ситуацию в Южной Америке, безусловно. Но есть также и сложное соперничество между малайскими султанами, беспокоящее Ост-Индскую компанию. Остаются незавершенными труды бедного капитана Кука и гораздо менее эффективного Ванкувера. И подумайте только о никем не изученной энтомологии Сулавеси! Давайте выпьем шампанского.

Шампанское и его чарующие пузырьки давным-давно выветрились к тому времени, когда «Леопард» полз мимо бакена «Суин» [\[41\]](#) в ночную вахту в пятницу. Каждую минуту в туман с наветренной стороны стреляла пушка, на баке непрерывно бил барабан (хотя сырость сглаживала его грохот), а матрос на русленях непрерывно бросал лот. Охрипшим голосом он монотонно распевал: «Марка семь, марка семь, глубже шести, шесть с половиной». Иногда его голос настойчиво усиливался: «Марка пять, пять с половиной» — по мере того, как с подветренной стороны приближалась мель.

Судно едва делало два узла во мгле, но отметки глубин менялись быстро. Кругом со всех сторон, с неопределимого направления и расстояния, раздавались ответные выстрелы, крики и барабанный бой с торговых судов и боевых кораблей, прокладывающих путь к или от Лондона, а когда они приближались совсем близко, тусклые огни появлялись и исчезали в тумане.

Неприятное время для плавания по оживленным прибрежным водам. Капитан, лоцман и более-менее ответственные матросы держались на палубе, с редкими перерывами, с того момента как Стивен поднялся на борт в последний час ясной погоды.

«Леопарда» выгнали в море неготовым и с неполной командой. На палубах творилось черт-те что, а оказанный Стивену прием никому не сделал бы чести. Хотя, конечно, вряд ли он мог выбрать худший момент — судно выбирало якорь. Но он пал духом еще до того, задолго до брюзгливого: «Спускайтесь вниз сэр, вниз. И уберите его проклятый сундук с дороги».

С полумили он не узнал судно и начал подозревать мичмана с тендера в розыгрыше. Но потом, сложив вместе обводы, силуэты и пропорции, отпечатавшиеся где-то в неупорядоченной библиотеке его мозга, он убедился — старый транспорт действительно «Леопард». Его накренили для очистки подводной части на плаву, что придало судну вислоухий вид невероятной захудалости. Дабы облегчить нагрузку, установили мачту с тридцатидвухпушечного фрегата, что полностью поменяло силуэт, сделало его неприглядным. А уж покрашен он был вообще позорно.

Все это уже навевало грусть, и палуба тоже оказалась печальным зрелищем, но лишь спустившись вниз, в абсурдно знакомую кают-компанию, знакомую вплоть до цепляющейся за порог двери и откидывающегося иллюминатора кормовой галереи с потертой бронзовой защелкой, Стивен осознал какие добрые, нежные и даже любящие воспоминания сохранились у него и как сейчас стало обидно за деградацию старого корабля. Везде грязь и небрежность, везде перемены к худшему.

Конечно, его нельзя судить по стандартам военного корабля, когда строгий капитан и усердный первый лейтенант имели под командованием триста сорок человек, чтобы держать «Леопарда» в порядке. Но даже по гораздо менее амбициозным меркам каботажников он оказался грязным кораблем. Грязным и несчастливым.

Еще задолго до того, как с помощью веселого мичмана с тендера Стивен поднялся на борт, его одолело предчувствие беды. Хотя счастье или несчастье судна не имели никакого отношения к личным катастрофам, ощущение усилилось с первого взгляда на то, как капитан и лоцман «Леопарда» пререкаются, пока три офицера плетью подбадривали матросов на вымбовках, ругаясь во все горло.

Ужин также оказался не слишком веселым. Морозящий туман, слабый переменчивый ветер, опасные течения и мели, риск столкновения сделали бы трапезу нервной и на старом «Леопарде», а сейчас получилось какое-то варварство. Кают-компания разделилась на два враждебных лагеря — друзей штурмана и друзей казначея. Как Стивен понял, обе группы одинаково стремились показать свое неуважение капитану — худощавому, пожилому, хлипкому и раздражительному человеку, больше похожему на клерка. Он время от времени заглядывал в кают-компанию.

Присутствовали и другие пассажиры, направлявшиеся в Швецию — торговцы морскими припасами. Каждая из трех групп вела между собой разговоры шепотом. Пассажиры (а Стивен больше принадлежал к ним, поскольку корабельный хирург лежал в стельку пьяным в своей каюте), не вызывали интереса у моряков. Всего лишь сухопутные крысы — вечная

помеха, вечно больные, всегда мешаются на пути. Сегодня они здесь, а завтра их нет. Но все же они помогали наладить общение между враждебными группами.

Фраза, якобы адресованная торговцу пенькой с Остин-Фрайарс, отразилась от него и достигла дальнего конца стола. Так Стивен узнал, что еще один углевоз сообщил — американцев видели за Быстринами, они держат курс на юг. Так что Старик пойдет внутренним фарватером за банками Ауэр и Хеддок.

Вскоре всех свистали наверх, чтобы оттолкнуть датский бот под голландским флагом, врезавшийся в корму «Леопарда», несмотря на все окрики и стрельбу. Стивен последовал за купцами на сырую, темную, скользкую палубу, где обнаружил, что ничего не видит и ничего не может сделать. Он ушел, и крики «Масленки, проваливайте!» затихали по мере того, как он спустился в каюту и закрыл дверь.

С тех пор он лежал на спине с руками за головой в койке, принадлежавшей Баббингтону во время плавания «Леопарда» на Острова пряностей через Антарктику, покачиваясь вместе с судном. За долгие годы он незаметно так привык к морю, что такую позу и живое покачивание считал наиболее комфортабельными из известных человечеству, наилучшим образом подходящими и для сна, и для размышлений. И это несмотря на звуки корабельной жизни, крики и топот над головой, а иногда — и грохот сигнальной пушки.

В первой половине ночи, ожидая пока настойка сработает, он специально успокаивал свой разум, чтобы заснуть. Поводов для размышлений вполне хватало: дела Джека Обри едва ли могли идти успешнее, и в отсутствие иных подводных камней (Стивен высвободил руку и перекрестился), его, скорей всего, официально восстановят в течение нескольких ближайших месяцев.

Пожалуй, после рейса в Южную Америку, ему даже дадут корабль, и, возможно, это будет еще одно одиночное плавание — его талант лежал в этой области. Положим, они могли бы вместе исследовать крайние северные широты: чрезвычайно захватывающе, без сомнения, хоть и не приходится вновь надеяться на фантастические богатства юга.

Мыслями Стивен вернулся на остров Отчаяния, куда его принес этот самый корабль. Физически вокруг те же самые тимберсы, пусть потрепанные и неухоженные. Остров Отчаяния и его морские слоны, бесчисленные пингвины, всевозможные буревестники и величественные альбатросы — теплые и дающиеся в руки, пусть и не дружелюбные, но и не враждебные. А китовые птички, а синеглазые бакланы! Тюлени-

крабеды, морские леопарды и ушастые тюлени!

Разум Стивена, возможно чуточку слишком ответственный в поисках счастья, вернулся к вечеру с Блейном. Он остановился на великолепной трапезе и бутылке «Латуа» — с мягким, округлым, длительным вкусом, а потом вспомнил доверительные слова сэра Джозефа, последовавшие после вина: «Отставка в деревне, садоводство и энтомология не помогают — уже пробовал и ни за что больше не вернусь... ночные размышления праздного ума в его возрасте, с его опытом и профессией невыносимы... всепоглощающее чувство вины, пусть на каждый случай по отдельности можно дать удовлетворительное объяснение... помогает только активное и занятое преследование врагов».

После они отправились в оперу, на действительно восхитительную постановку «Свадьбы Фигаро», блистательную от первой ноты увертюры до того места, которое Стивен всегда считал настоящим концом, еще до суতোлки радостных крестьян — партии, в которой в оглушительной тишине ошеломленный Граф поет «Contessa, perdono, perdono, per-dono» [\[42\]](#) с такой непостижимо тонкой интонацией.

Стивен несколько раз повторил фразу про себя вместе с изысканным ответом Графини и словами толпы о том, что они все будут жить счастливо «Ah tutti contenti saremo così» [\[43\]](#) — но остался недоволен собой.

В какой-то момент он, очевидно, задремал — когда он очнулся, то понял, что вахта сменилась и скорость судна выросла где-то на узел. Барабанный бой на баке прекратился, но пушка все еще хрипло гавкала где-то раз в минуту. А внутренний голос все еще пел «Ah tutti contenti saremo così». Он гораздо точнее теперь попадал в ритм, но насколько же меньше стало убежденности в этих словах! Он напевал их машинально, бездумно повторяя — во сне ранее предчувствие великого несчастья усилилось и полностью охватило Стивена.

Ему стало очевидно, что его поездка в Швецию будет воспринята как отвратительная назойливость. Он, конечно, вез с собой голубой бриллиант, который она чрезвычайно ценила. Но его можно отправить с курьером, его можно передать через дипломатическое представительство. Если он привезет его лично, это можно расценить как исключительно мелочное требование благодарности, обреченное по сути своей на неудачу.

Возможно, Блейн прав в том, что Диана уже не привязана (или никогда и не связывалась) с Ягелло. Стивен на это надеялся — он хорошо относился к молодому красавцу и не находил удовольствия в предстоящей встрече — кровавой, как того требовал обычай. Но это не значит, что она

не связалась с каким-то другим мужчиной — может, более бедным, более сдержанным, менее публичным. Диана — страстное существо, если она привязывалась к кому-то, то со всей страстью.

Стивен знал, что в их отношениях сильные чувства проявлял только он. Со стороны Дианы было определенное дружелюбие, привязанность, но не страсть. Разве что страстная обида по поводу его предполагаемого бесплодия, но не более.

Обширные и важные области разума Дианы оставались для Мэтьюрина столь же незнакомыми, как и его — для нее. Одно он знал точно: ее любовь к роскошной, дорогостоящей жизни оставалась гораздо больше теоретической, нежели практической. Конечно, она ненавидела стеснения и ограничения — но еще больше ненавидела, когда ею командуют. Может, она и любит беззаботную экстравагантность, но мало что захочет получить таким путем, и уж точно ничего против собственных влечений. Она ничто так не ценила, как независимость. И для нее не было ничего важнее свободы.

Что он мог предложить взамен очень малой части всего этого, хотя бы за видимость очень малой части всего этого? Конечно же, деньги, но в этом контексте они мало что значили. Поцелуй без любви — не поцелуй. Что еще он мог предложить? Десять тысяч в год и олений заповедник, по крайней мере, потенциальный олений заповедник. Но никакими потугами воображения его нельзя причислить к достойным мужьям. Или хотя бы к терпимым. Он плохой собеседник, и в нем нет ни капли очарования. Он ее публично и очень глубоко оскорбил, ну, или так думала она и ее друзья; в конечном счете это одно и то же.

Чем больше он размышлял, покачиваясь на морских волнах, пока «Леопард» нес его в сторону Швеции, тем больше убеждался, что его предчувствие имело прочные основания и путешествие окажется исключительно болезненным провалом. В то же время, он заметил, что безрассудная часть его так рвалась к успеху, что тело заболело, охваченное оцепенением, и ему стало трудно дышать. Стивен сел в койке, сжал руки и покачался туда-сюда, после чего, вопреки здравому смыслу, решительности и силе духа, открыл рундук, схватился за бутылку и повторил свою ночную порцию.

Проснулся он не из опиумного сна (сейчас настойка уже слабо подействовала бы даже на ребенка), а в необычном состоянии психического истощения. И все же он оставался столь оцепенелым, будто его напичкали опийным маком, мандрагорой и напитком забвения одновременно. Не сразу он понял, что стюард кричит: «Поднимайтесь, сэр.

Мы тонем».

Моряк повторил слова, тряся подвеску койки, и Стивен узнал равномерный глухой скрежет внизу — судно село на мель, но билось не о камни, а о песок:

— Тонем? — спросил он, вставая.

— Да нет, сэр. Это я вас так шутя попытался поднять и разбудить. Но этот проклятый старый мелкий урод загнал нас на хвост банки Грэб. Мистер Роук отправляется на берег за помощью. Капитан думает, что пассажирам лучше отправиться с ним, на случай если судно развалится на кусочки.

— Спасибо, стюард, — поблагодарил Стивен, вставая и завязывая шейный платок (а больше он ничего и не снимал) и запирая рундук. — Будь добр, отдай это какому-нибудь матросу, — он протянул стюарду крону, — чтобы он надежно закрепил мой багаж в шлюпке. И если принесешь мне на палубу кофе, то я буду очень благодарен.

На палубе его встретил слабый серый дневной свет — морось, но безветрие, а судно меньше билось о мель, закрепившись на ней с отливом. Боцман прижал лоцмана к поручням, и капитан в перерывах между руганью хлестал его линьком. Остальные члены экипажа спокойно спускали шлюпку за борт, не обращая внимания на вопли лоцмана. Земли не было видно — вообще ничего, кроме желтовато-серой мороси над желтовато-серым морем, но команда выглядела уверенной в отношении их местонахождения. Особой паники не чувствовалось.

Шлюпка, спущенная и заполненная, оказалась с течью. Не прошло и пяти минут, как вода залила им ступни.

— Откачивайте воду! — крикнул мистер Роук Стивену. И повторил громче: — Откачивайте, кому говорят.

Дружелюбный юный помощник штурмана, которого Стивен раньше не видел, наклонился над ним и немного поработал ручной помпой. В Мантоне они будут до прилива, заверил он, и если Стивен хочет остановиться в комфортабельной гостинице, то он рекомендует «Фиверз» своей тетушки. В любом случае, вряд ли они задержатся надолго. Они всего лишь сорвали руль и потеряли часть фальшкиля, но Джо Харрис из Мантаона отбуксирует их и приведет в порядок, как только «Леопард» снимется с мели. Пассажиров на берег отправили только из-за страховки. Стивену бояться не нужно.

— Откачивайте! — прикрикнул мистер Роук.

— Вот и Мантаон прямо по курсу, — заметил молодой человек, когда Стивен более-менее осушил шлюпку. Впереди виднелся многообещающий

пейзаж восточной Англии — совершенно плоское смешение стихий: пришедшие в упадок волнорезы, полоса осушки, слабо освещенные плавни и смешанный запах болотного газа и водорослей.

— Вы знаете преподобного мистера Хита? — поинтересовался Стивен.

— Отца Хита? Конечно, его все знают. Мы все ему носим разные редкости, вроде морского ребенка или сельдяного короля.

Мистер Роук приподнялся, удерживая равновесие.

— Сэр, — прокричал он очень громко, — если вы к чертям не начнете откачивать, поменяйтесь со мной местами, и я займусь этим сам.

В гостиной на втором этаже «Головы Уильяма» в Шелмерстоне Софи читала вслух:

— Хлеб в мешках, двадцать одна тысяча двести двадцать шесть фунтов, он же в бочках, тринадцать тысяч четыреста сорок фунтов. Мука хлебная в бочках, девять тысяч фунтов. Пиво в больших бочках, тысяча двести галлонов. Крепкое спиртное, тысяча шестьсот галлонов. Говядина, четыре тысячи порций. Мука вместо говядины, в малых бочках, тысяча четыреста фунтов. Нутряное сало, восемьсот фунтов. Изюм, две с половиной тысячи фунтов. Горох в больших бочках, сто восемьдесят семь бушелей. Овсянка, десять бушелей. Пшеница, сто двадцать бушелей. Масло, сто двадцать галлонов. Сахар, полторы тысячи фунтов. Уксус, пятьсот галлонов. Кислая капуста, семь тысяч восемьсот шестьдесят фунтов. Солод в больших бочках, сорок бушелей. Соль, двадцать бушелей. Свинина, шесть тысяч порций. Горчичное семя, сто шестьдесят фунтов. Сгущенный сок лайма, десять бочонков. Выпаренный лимонный сок, пятнадцать бочонков. Цены на листе бумаги рядом с чернильницей. Я сложила все суммы, кроме двух последних, которые доктор Мэтьюрин уже оплатил. Возможно, стоит сравнить результаты.

Пока мистер Стэндиш, новый и неопытный казначей «Сюрприза», умножал и делил, София смотрела в окно на залитую светом бухту.

«Сюрприз» стоял пришвартованным около верфи Болтера, принимая огромное количество припасов — тех, что записаны в лежащих на столе бумагах. Фрегат выглядел не лучшим образом, с настежь распахнутыми люками и спускающимися вглубь подъемными воротами. Глупо класть последний слой краски до того, как закончат погрузку. Но глаз моряка заметил бы новый манильский такелаж, которому позавидует любой корабль его величества, не говоря уж о сиянии позолоты на носовой фигуре и завитке под ней.

За время своей долгой службы корабль звался и «Юните», и

«Реталиэйшен», и «Ретрибьюшен». Довольно сердитая скульптура на носу более-менее подходила под все эти имена. Но сейчас какой-то самородок изогнул ей брови и сделал губы поджатыми — само воплощение сюрприза, приятного сюрприза, с золотыми локонами и впечатляющей грудью.

Увидела Софи и проносящихся внизу своих детей, а еще отчетливее услышала. Никто бы не назвал их воспитанными — росли они в основном в окружении громкоголосых, не стесняющихся в выражениях восторженных моряков. Но теперь им на некоторое время дали свободу в окружении целой толпы души в них не чающих приватиров. Напичканные сладостями, одаренные ножиками, ручными попугаями и цанцами [\[44\]](#) из далеких земель, они вот-вот совсем испортятся.

Формально за них отвечали Бонден и Киллик, но, нагруженные парадной одеждой Джека (Обри ждали на обед у адмирала Рассела), оба совсем отстали. В ответ на их все более грозные окрики две девочки остановились и залезли на низкую стенку пристани. Их маленький братец с примечательной точностью толкнул обеих, так что они добрых четыре фута пролетели вниз на берег.

Он рванул к кораблю так быстро, как только позволяли короткие ноги, а девочек вытащили из обнажившегося при отливе галечника три местных женщины, отряхнули, успокоили и очень любезно заштопали одежду — у Шарлотты порвался передник. Им также строго объяснили, что нельзя кричать вдогонку брату «козел, увалень и сукин сын», потому что их маме такое не понравится.

Маме это не нравилось, и не нравилось бы еще больше, если бы она не знала — дети могли переходить с одной манеры речи к другой без запинки. Но все же она повернулась к миссис Мартин, которая штопала чулки мужа, и пожаловалась:

— Дорогая миссис Мартин. Когда корабль выйдет в море, это разобьет мне сердце. Но если дети останутся здесь подольше, то боюсь, станут совершенно дикарями.

— Два дня им не навредят, — успокоила ее миссис Мартин. — И как я понимаю, осталось именно два дня.

— Боюсь, так оно и есть. Кислую капусту обещали привезти завтра, мистер Стэндиш?

— Да, мэм, и я уверен, что привезут, — отозвался казначей, все еще суммируя.

Она вздохнула. Конечно, она сожалела, очень сильно сожалела о разлуке с мужем. Она этого ждала, понимала неизбежность и одно время даже от всего сердца молилась, но все же от такой перспективы пала

духом. Но какая-то очень малая часть этого уныния оказалась связанной с отъездом из Шелмерстона.

Софи жила очень тихо и уединенно. Хотя она дважды бывала в Бате, дважды в Лондоне и несколько раз в Брайтоне, Шелмерстон оказался непохожим ни на что виденное или воображаемое. Городок и впрямь оказался самым близким подобием пиратского логова на Карибах, которое могла бы увидеть английская сельская леди, особенно потому, что с момента ее приезда ярко сияло солнце.

И в этом логове обитали самые вежливые пираты. Она могла ходить где хочет, ей улыбались и салютовали, пока она бродила и исследовала узкие, засыпанные песком улочки без малейших опасений. Она все-таки жена самого почитаемого, самого уважаемого человека в порту — капитана этого легендарного золотого прииска, «Сюрприза».

Шлюхи и полушлюхи поразили ее поначалу — хотя она и замечала иногда потаскуху-другую в Портсмуте, но в жизни не видела их в таком количестве — значительная часть населения, к которой относились спокойно. Среди них нашлось несколько мерзких старых кляч, но в целом они оказались юными, симпатичными, ярко одетыми и веселыми. Они пели, смеялись и много веселились, особенно когда танцевали по вечерам.

Они изумляли Софи, а поскольку она несколько раз открыто и искренне поблагодарила их за доброту к детям, то они не злились на ее добродетель. Город и в самом деле ее восхищал. Всегда что-нибудь происходило, и если бы она не взялась помочь юному мистеру Стэндишу с бухгалтерией, то вряд ли бы отошла от широкого эркера, из которого виднелась вся набережная, верфи, движение судов и вся бухта. Словно королевская ложа в бесконечном спектакле.

Главным событием вечера стало явление кареты «Уильямса». Экипаж изначально предназначался для испанского генерал-капитана Гватемалы, его щедро украсили, дабы произвести впечатление на аборигенов тех краев. Но шелмерстонский приватир захватил его в качестве трофея во время Семилетней войны и лет пятьдесят назад отдал хозяину гостиницы в счет погашения долга.

Создатели экипажа рассчитывали на шесть или восемь мулов, но сейчас, в тех редких случаях, когда каретой пользовались, ее тянули четыре удивленных фермерских лошади из Старого Шелмерстона. Прямо сейчас, протащившись под аркой конного двора, они рассудительной рысью шли в сторону верфи Болтера в сопровождении городской ребятни, восторженно вопившей по обеим сторонам. Софи поспешила наверх, чтобы надеть платье из муслина с цветочным узором.

Грядущее восстановление Джека Обри в списках уже некоторое время было на флоте секретом Полишинеля. Джек больше не отклонял приглашения — наоборот, развлекал огромные собрания старых друзей, до предела напрягая ресурсы гостиницы, и с удовольствием ждал обеда у адмирала Расселла.

— Сожалею лишь об одном, — признался он, пока карета катилась по мощеной дороге за Аллакомбом, — что Стивен не с нами. Адмирал пригласил нового главного врача флота. Они бы замечательно сошлись.

— Бедный наш Стивен, — покачала головой Софи. — Думаю, он уже в Швеции.

— Думаю, да, если путешествие оказалось удачным.

Они мрачно посмотрели друг на друга и больше ни слова не произнесли, пока экипаж не повернул к воротам адмирала.

Путешествие Стивена оказалось неудачным. На самом деле к этому времени он и на тридцать миль не продвинулся в сторону Стокгольма. Даже к тому моменту, когда «Сюрприз» через два дня вышел в море, «Леопард» с новым рулем и фальшкилем едва потерял из виду церковь в Мантоне.

После нескольких дней ожидания особого смысла ехать на север по суше уже не было — пакетбот так не догонишь. Так что он остался в городе, поселившись в «Физерс» и проводя большую часть времени со своим другом, отцом Хитом. Как Стивен сам себе признавался, он не возражал против того, чтобы его задержало кораблекрушение, Божья воля или что угодно вне его власти. К тому же он с радостью поближе познакомился с турухтанами.

Он их довольно часто видел пролетающими над заливами Средиземного моря во время миграции — довольно скучные птицы. Но сейчас Хит день за днем показывал ему из своих укрытий для наблюдения за птицами десятки и даже сотни самцов турухтанов во всем великолепии брачного оперения — танцующих, трепещущих и дерущихся друг с другом, демонстрируя исключительное разнообразие выкрутасов в ритуальных поединках в очевидном состоянии неугасимого сексуального возбуждения.

— Могучий инстинкт, Мэтьюрин, мне кажется, — прокомментировал мистер Хит.

— Действительно могучий, сэр. Очень могучий.

Инстинкт самок, пусть, разумеется, и не такой зрелищный, возможно, оказался еще сильнее. Несмотря на полное пренебрежение со стороны самцов, усилия хищников (чья жизнь зависит от собственной

эффективности) и временами совершенно отвратительной погоды, Стивен и Хит увидели, как три храбрых птицы вывели всю кладку, в то время как у четвертой птенцы начали проклевываться, как раз, когда прибежал посыльный (мальчишка из хора) и сообщил, что «Леопард» выходит с верфи.

«Леопардовцы» несколько улучшили манеры при дальнейшем знакомстве. Частично потому, что после того как судно отбуксировали из гавани, славный брамсельный ветер наполнил паруса и понес его со скоростью в шесть и даже семь узлов — прекрасный ход в нынешнем состоянии. Даже у угрюмого мистера Роука улучшилось настроение. Частично потому, что моряк-инвалид, некогда матрос на «Боадичее», а теперь работник верфи в Мантоне, узнал доктора Мэтьюрина. В то же самое время широкий кусок парусины, прибитый к его рундуку с временным указанием «С. Мэтьюрин, пассажир до Стокгольма», слетел, когда багаж снова поднимали на борт. При этом обнажился список кораблей, на которых он служил, написанный по обычаю флота спереди и перечеркнутый ярко-красной чертой после каждого назначения.

Стивен замечал, что мореплаватели, в целом довольно доверчивый и неосведомленный о большом мире народ, в самый неподходящий момент обычно оказывались проницательными, подозрительными и опасливыми. Но такое независимое двойное свидетельство оказалось неопровержимым, и во время обеда в первый день плавания мистер Роук после всеобщего молчания заинтересовался:

— Так кажется, вы были «леопардовцем», сэр?

— Именно так.

— А почему вы нам об этом не сказали, когда поднялись на борт?

— Вы не спрашивали.

— Он не хотел хвастаться, — заметил казначей.

Эту мысль обдумали, а потом хирург уточнил:

— Вы, должно быть, доктор Мэтьюрин, автор трактата «О болезнях моряков».

Стивен кивнул. Казначей вздохнул, покачал головой и заметил, что в этом вся суть Комитета. Дают письменное распоряжение «Примите такого-то на борт до Стокгольма, снабжение только продовольствием», и ни слова о его достоинствах. Будь мистер Агамемноном или Навуходоносором, они бы так и не узнали:

— Мы думали, что вы обычный предприниматель, отправляетесь на Балтику по делам, как эти господа, — указал он на торговцев, уставившихся в грязную скатерть.

— Рискну предположить, что судно все еще было боевым кораблем, когда вы на нем служили? — спросил Роук.

— Последнее плавание как пятидесятипушечного корабля. «Леопард» потопил «Ваакзамхейд», голландский семидесятичетырехпушечник, в высоких южных широтах. Не слишком известный бой — в тех водах не остается ни обломков, ни пленных. Кажется, о нем и официального объявления не было.

— Расскажите же нам об этом, доктор, будьте добры! — попросил Роук, его лицо засияло светом отраженной славы, а другие моряки придвинули стулья поближе. — Как пятидесятипушечный корабль потопил семидесятичетырехпушечник!

— Вы должны понимать, что я провел весь бой внизу, и, хотя слышал орудийную стрельбу, но ничего не видел. Поведать могу только то, о чем мне рассказали участники боя.

Все равно. Собравшиеся слушали жадно, выпрашивая точные детали, прося повторить отдельные эпизоды так, чтобы полностью их понять. «Леопард», хотя и далекий от времен своей славы, все еще оставался их судном. В этом заключался смысл. Они вежливо слушали рассказ о последних подвигах Джека Обри и тоже негодовали по поводу плохого обращения с ним, но все это будто в другом измерении и очень далеко. Значение имел только «Леопард», только «Леопард» оставался реальным.

Следующие несколько дней Стивен рассказывал эту историю или отдельные эпизоды из нее снова и снова. Иногда в капитанской каюте, куда его приглашали на обед, и где он мог точно указать места установки ретирадных пушек (следы от колес все еще виднелись). Иногда на квартердеке, и слушатели сразу его поправляли, если он менял эпитеты или порядок. И все это время ветер держался, неся их на норд-норд-ост так быстро, как стоило пожелать. Быстрее, чем Стивен на самом деле желал. С дрогнувшим сердцем он заметил первых северных птиц — гаг над Скагерраком.

Мягко задувший с веста ветер провел их через Каттегат и Бельт. Ни одной задержки, пока сломавшаяся фор-стенга не задержала их немного к норду от Готланда. С этого момента продвижение стало медленным, и они лишились надежды на отличное плавание. Как результат — масса проклятий и раздражения. Но для Стивена путешествие не могло оказаться слишком медленным. Часы медлительности принесли облегчение от постоянного растущего напряжения.

Но невзирая на все это, когда утром в четверг показался «Сюрприз», Стивен сразу перешел на борт фрегата.

На палубу он поднялся необычно рано, плохо выспавшись и не выдержав клоунского чихания в кают-компании. Его коллега, нынешний хирург «Леопарда», неплохой в целом молодой человек, вбил себе в голову, что очень забавно усиливать звук чихания. Это переросло в привычку, и каждый раз, когда он поднимал такой шум (довольно часто), он обычно глазел по сторонам, чтобы разделить веселье.

Стивен рано поднялся на палубу и застал капитана и большинство офицеров, раздраженно уставившихся на судно с наветренной стороны, полностью видимое на правой раковине.

— У него нет флотского вымпела, — заявил капитан. — Он не может быть военным кораблем.

— Да. Это наверняка приватир, причем американский, — согласился штурман.

— Если бы вы только починили стеньгу вчера вечером, мы могли бы дойти до Вестервика. А сейчас шансов нет — посмотрите, какие он поднимает буруны.

И впрямь первоклассные буруны — под брамселями и наветренными лиселями он развивал больше десяти узлов, отбрасывая носом пенящуюся воду широко в стороны.

Во время взаимных препираний (штурман, естественно, вернул сполна капитанские придирки) приятный молодой помощник штурмана по имени Фрэнсис позаимствовал у Роука подзорную трубу. Он долго и внимательно вглядывался, а потом с огорченным видом передал трубу Стивену.

— Успокойтесь, мистер Фрэнсис, — посоветовал Стивен, трижды все перепроверив. — Это «Сюрприз» под командованием мистера Обри. Он должен встретить меня в Стокгольме. Капитан Уорлидж, могу ли я попросить вас лечь в дрейф и поднять флаг, дабы показать наше желание связаться с ними? Фрегат доставит меня в Стокгольм, сэкономив массу времени.

Как самый старший «леопардовец» из всех, Мэтьюрин приобрел огромный авторитет на судне. Говорил он с потрясающей уверенностью, а альтернатива казалась столь бессмысленной, что Уорлидж заверил — он всегда рад помочь офицеру его величества, и «Леопард» убрал грот-марсель.

От взгляда на лицо нового члена парламента от Милпорта у каждого поднялось бы настроение. Не то чтобы Джек Обри торжествовал или очевидно радовался (после того как они подошли к «Леопарду», оно скорее омрачилось на некоторое время), но жизнь сияла в нем, восстановилась гармония. Почти пропала та странная, паралитическая омертвелость,

которая овладела им в последние месяцы. Лицо его было по своей природе веселым, пока с него не смело всю радость, славное румяное лицо, чьи черты сформировали смех и улыбки. Оно снова стало прежним, как минимум столь же румяным, и его освещали будто бы еще более яркие синие глаза.

Стивен почувствовал, что его грусть и отчаяние ослабевают и почти исчезают, пока они говорили и говорили о невероятно достойном поступке кузена Эдварда Нортон и о Палате общин. Здесь они сошлись во мнении, что для Джека будет мудро молчать, кроме вопросов о делах флота, в которых он полностью уверен, и в целом, но не безоговорочно, поддерживать Кабинет, или по крайней мере лорда Мелвилла.

Потом, выслушав довольно подробный отчет о том, как «Леопард» сел на мель, Джек вместе с Пуллингсом и Мартином показали Стивену новый манильский такелаж и слегка больший наклон фок-мачты:

— Думаю, на сажень мы скорость увеличили, — поделился Джек.

— Действительно, «Сюрприз» мчится будто лошадь быстрой крупной рысью, — согласился Стивен, глядя за борт на то, как море в своем быстром плавном беге периодически обнажает медную обшивку на миделе. С этими словами пришло осознание — каждый час миль на десять приближал его к Стокгольму, и завтра он наверняка уже окажется на берегу.

— Я бы не стал доверять ветру, — заметил Пуллингс. — Он меняет направление всю вахту. Думаю, лисели уберем еще до восьми склянок.

Зрелище быстрого бега вперед к будущему заполонило ум Стивена во время обеда. К тому моменту как они сказали все, что только можно, про парламент, Эшгроу, Вулкомб, детей, Филипа Обри и новые железные водяные баки «Сюрприза», мысли доктора унеслись прочь. Несмотря на глубочайшее удовлетворение при виде ожившего Джека Обри с другой стороны стола, в нем снова росла тревога.

Джек, конечно же, знал, зачем Стивен отправился на Балтику. К концу обеда он заметил, что его друг выглядит мучительно больным и лет на десять старше. Но в эти дела он вряд ли стал бы вмешиваться без спроса. После долгой, неуклюжей паузы (совершенно непривычной среди друзей) ему пришло в голову, что не стоит возвращаться к своим делам, он и так слишком эгоцентричный и невнимательный.

Так что он потребовал еще кофейник и завел разговор о Стэндише и музыке:

— Я рад сообщить, что после нашей последней встречи корабль обзавелся казначеем. Он совершенно неопытный, ни разу не выходил в

море, и Софии пришлось ему помогать с расчетами, но зато благовоспитанный, друг Мартина и замечательный скрипач.

Стэндиш происходил из флотской семьи, хотя и не выдающейся — его отец умер лейтенантом. Всю жизнь он хотел отправиться в плавание, но друзья категорически возражали. Из почтения к их желаниям он начал готовиться к церковному служению, в чем ему мог помочь кузен. Во время учебы он, однако, больше интересовался классической литературой и лодочными прогулками, чем теологией. Ему не пришло в голову внимательно прочитать «Тридцать девять статей» ^[45] до того, как пришла пора под ними подписаться.

Стэндиш с величайшей тревогой обнаружил, что по совести не может этого сделать. А без подписания Статей нельзя стать священником. В таких обстоятельствах он имел возможность отправиться в море — чего он на самом деле хотел. Но в его возрасте уже слишком поздно дебютировать на квартердеке боевого корабля.

Единственной дорогой во флот оставалась должность казначея. Несмотря на неопытность (большинство казначеев начинали как секретари капитанов) старый сослуживец отца мог бы использовать свое влияние в Адмиралтейском совете для назначения на такую должность. Но казначей даже на корабле шестого ранга должен внести подтверждаемое обязательство на четыреста фунтов. Не посчитавшийся с желаниями семьи Стэндиш не мог набрать и четырехсот пенсов.

— Я подумал, что мы можем пренебречь обязательством в пользу скрипки, — объяснил Джек. — Уверяю тебя, слух у него удивительный, и струн он касается крайне деликатно — не приторно, но и не сухо, если ты меня понимаешь. Поскольку Мартин довольно неплохо пикирует на своем альте, мне пришло в голову, что можно попробовать сыграть квартетом. Что ты думаешь о чаше пунша, которую предложим разделить и ему? Позовем и Тома, и Мартина.

— Буду рад познакомиться с этим джентльменом, — заверил Стивен. — Но я очень давно не дотрагивался до виолончели. Сначала нужно перекинуться с ней несколькими словами.

Он ушел в свою каюту и после взвизгов и кряхтения настройки очень мягко сыграл несколько тактов, после чего позвал Джека:

— Узнаешь?

— Конечно. Финал «Фигаро», прекрасная вещица.

— Напеть ее правильно не могу, а вот со смычком получается лучше.

Потом он закрыл дверь, и несколько мгновений спустя кормовая часть корабля, обычно тихая при попутном ветре и умеренном волнении,

наполнилась величественным, громогласным «Dies Irae» ^[46], перепугавшим квартердек.

Позже, гораздо позже, после пунша, представлений и долгих разговоров, каюта снова заиграла. На этот раз без пугающего осознания греховности — тише, мягче. Все четверо робко пробирались сквозь концерт в ре-мажоре Моцарта.

Этой ночью Стивен лег очень поздно. Глаза его покраснели и слезились от усилий, требуемых для следования за плохо знакомыми нотами при свете лампы, но разум чудесным образом освежился. Так что когда к нему пришел благословенный сон, Стивен проваливался в него все глубже и глубже, погружившись в мир невероятно яркого сновидения и ни разу не проснувшись, пока не услышал голос Джека:

— Прости, что разбудил, Стивен, но ветер сместился на девять румбов, и я не могу зайти в Стокгольм. У борта ждет лоцманский вельбот, он может доставить тебя на берег. Или отправляйся со мной в Ригу, а сюда заглянем на обратном пути. Что предпочитаешь?

— Вельбот, с твоего позволения.

— Отлично. Скажу Падину, чтобы принес горячей воды.

В ожидании Стивен поправил бритву. Но когда все было готово, он обнаружил — его руки слишком сильно тряслись, чтобы побриться. «Какой же я дурачок, ну и ну», — пробормотал он, и чтобы собраться с силами, потянулся за настойкой.

Он выронил бутылку до того, как успел налить хотя бы каплю в бокал. Каюту заполнил запах бренди, не лауданума. Стивен на секунду уставился на осколки, замечая несоответствие, но не имея ни времени, ни душевных сил его разрешить. Спустившись вниз и достав большую бутылку и маленькую фляжку, он мог бы возместить утраченное. «К дьяволу, — отверг он эту мысль. — Пополню запас в Стокгольме, а побреюсь у парикмахера».

— Вот и ты, Стивен, — тревожно глянул на него Джек. — Долго тебе придется пройти, я боюсь. Ты Падина с собой не берешь?

Стивен покачал головой.

— Я просто хотел сказать, прежде чем ты поднимешься на палубу... просто хотел сказать — передай кухне Диане нашу любовь.

— Спасибо, Джек. Не забуду.

Они поднялись по трапу.

— Ветер не вечен, — заверил Джек, спуская Стивена вниз, где Бонден и Плейс аккуратно посадили его в шлюпку. — Глазом моргнуть не успеешь, как мы вернемся из Риги.

Глава девятая

Хотя «Сюрприз» продвинулся вперед, насколько сумел среди бесчисленных островков, лоцманскому вельботу пришлось все же проделать долгий путь, прежде чем высадить Стивена на каменной пристани в самом центре города.

После восхода солнца день стал свежим и ярким. Ветер, хоть и переменчивый, полнился жизнью. Когда Стивен добрался до берега, то почти полностью отстранился от другого мира — мира своего сна, с его невероятной красотой и потенциальной опасностью, неясной угрозой близящейся беды.

Лоцман — серьезный, респектабельный человек, свободно говорящий по-английски, доставил его в серьезную, респектабельную гостиницу, где также свободно говорили по-английски. Стивен заказал себе кофе и сдобы, и, взбодрившись, отправился на встречу с корреспондентом своего банкира. Последний принял его с почтительностью, которую Мэтьюрин уже начинал воспринимать как должное (ну, или, по крайней мере, перестал ей изумляться), снабдил его шведскими деньгами и посоветовал лучшего аптекаря в городе: «Ученый человек, энциклопедических знаний, ученик самого великого Линнея. До его заведения едва ли сотня ярдов, доктору Мэтьюрину нужно всего лишь два раза повернуть направо, и он уже там».

Доктор Мэтьюрин дважды повернул направо и действительно обнаружил аптеку. Ошибиться было сложно — витрину заполняли не только обыденные бутылки с зелеными, красными и синими жидкостями, прозрачными и сверкающими, и пучки сушеных трав, но и разнообразные заспиртованные уродцы и необычные животные, вместе со скелетами — в том числе трубказуб.

Стивен зашел внутрь. На первый взгляд аптека пустовала, и он начал внимательно разглядывать эмбрион кенгуру — даже потянулся, чтобы повернуть склянку, когда из-за конторки вышел очень низенький человек и спросил, что ему нужно, резким, подходящим скорее троллю голосом.

Стивен счел, что энциклопедические знания ни английский, ни французский не включают, поэтому спросил на латыни:

— Мне хотелось бы приобрести лауданум, если позволите, умеренно компактную бутылку.

Аптекарь ответил «Разумеется» уже гораздо более благосклонно. Пока он готовил настойку, Стивен поинтересовался:

— Скажите пожалуйста, а трубкозуб в витрине продается?

— Нет, сэр. Он из моей собственной коллекции. — Аптекарь задумался. — Я вижу, вы узнали животное.

— Я как-то раз близко познакомился с трубкозубом. Чрезвычайно привязчивое существо, хотя и робкое. Было это на мысе Доброй Надежды. И видел принадлежащий месье Кювье скелет в Париже.

— Ох, сэр, вижу вы великий путешественник, — произнес аптекарь, схватив бутылку обеими руками и подняв ее на уровень головы.

— Я флотский хирург. Моя профессия позволила побывать во многих частях света.

— Всегда мечтал путешествовать, но привязан к аптеке. Однако я поощряю моряков к тому, чтобы они приносили мне попадающиеся им в руки редкости, и подражаю помощников хирургов помышленье находить для меня образцы растений и заморские лекарства, любопытные чаи, настои и так далее. Так что я путешествую опосредованно.

— Может статься, что вы путешествуете в лучших условиях. Пока не испытаете на себе, не оцените преследующие натуралиста на военном корабле огорчения. Как только начнешь разбираться, скажем, в термитах, как говорят — ветер переменялся или отлив подходящий, и он должен подняться на борт, иначе его гарантированно оставят за кормой. Был я как-то в Новой Голландии и видел вот этих существ, — Стивен указал на кенгуру, — резвящихся на травянистой равнине. Но позволили ли мне подобраться к ним верхом или хотя бы одолжили подзорную трубу? Нет, сэр. Мне заявили, что если меня не будет на борту через десять минут, то за мной пошлют отряд морпехов.

А у вас, сэр, сотня глаз и единственное неудобство — ваше тело физически в одном месте, пока разум странствует за морями. У вас примечательная коллекция.

— Вот настоящий галаадский бальзам, — показал аптекарь. — Вот шерсть саламандры, а это черная мандрагора с Камчатки.

Он показал еще много диковинок, в основном медицинского характера, и чуть позже Стивен поинтересовался:

— А не привозил ли вам кто-нибудь из ваших молодых людей листья коки, или куки, из Перу?

— Да. Вон мешочек за ромашкой. Говорят, они избавляют от застоя телесных жидкостей и заглушают голод.

— Будьте добры завернуть мне фунт. И наконец, можете ли мне

рассказать, где находится округ Кристенберг? Хотел бы пройтись туда, если это недалеко.

— И часа не займет. Сейчас нарисую вам карту. Вот тут болото, заросшее желтым ирисом, а на его берегу, сразу за ним, около моста увидите гнездо лебедя-шипунa.

— Я хочу найти дом под названием «Конингсби».

— Он вот здесь, я поставил крестик.

Стивен намеревался определить место, где живет Диана, и получить представление об окружающей местности. Потом он хотел вернуться в гостиницу, позвать парикмахера, сменить сорочку (он взял с собой три, запасной шейный платок и жилет), пообедать и послать сообщение с просьбой о визите. Он не собирался показываться у ее дверей без предупреждения.

Стивен пересек все необходимые мосты, прошел, внимательно осмотрев, мимо больницы Серафимов. Дома стали попадаться все реже, он шел по широкой дороге между полей, по сельской слегка холмистой местности, в основном пастбищам с лесами, приятной зелени. Скромные фермы, несколько коттеджей, тут и там — большие дома среди деревьев. С удовлетворением Стивен заметил, что вороны все серые, как в Ирландии.

Дорога, пусть широкая и ухоженная, оказалась не особо оживленной — два экипажа, редкая бричка да фермерская повозка, может, с полдюжины всадников и несколько пешеходов. Они все приветствовали Стивена, проходя мимо, и он, под впечатлением от зелени и ворон, отвечал по-ирландски: «Господь, Мария и Патрик с вами».

Не особо много движения на большой дороге и еще меньше — на узкой сельской дорожке справа, на которую Стивен свернул, еще раз взглянув на карту аптекаря. Она вела сквозь луга, огороженные ветхими заборами из жердей, будто они все принадлежали к одному большому, но запущенному поместью. Впечатление усиливала периодически видневшаяся на юге длинная садовая стена.

Мэтьюрин нашел заболоченные ирисовые поля и даже разглядел лебедя на гнезде, когда услышал стук копыт впереди. Олышаник скрадывал звук, но раздавался он близко. Очевидно, лошади везли экипаж неплохим быстрым аллюром. Стивен начал искать, куда бы убраться с проселка, еще более зажатого здесь канавами с каждой стороны — широкими канавами с насыпью и забором на дальней стороне.

Он выбрал самую узкую часть правой канавы, зубами ухватил узелок с вещами, перепрыгнул, ухватился за ограду и встал на насыпи. Когда экипаж приблизился, то оказался фаэтоном, запряженным парой гнедых.

Через секунду сердце Стивена замерло — ими правила Диана.

— Мэтьюрин, храни тебя Господь! — воскликнула она, жестко осадив лошадей. — Ах, как я тебя рада видеть, дорогой!

Подбежал грум, чтобы взять лошадей под уздцы, и она спрыгнула на зеленую обочину.

— Прыгай, — позвала она, протягивая руку, — ты точно перемахнешь через канаву.

Когда Стивен приземлился, она его поймала, забрала узелок и расцеловала в обе щеки.

— Как я рада тебя видеть! Залезай, я отвезу тебя домой. Ты совсем не изменился, — продолжила она, посылая лошадей вперед.

— Зато ты изменилась, дорогая, — ответил Стивен довольно спокойно. — Цвет лица бесконечно улучшился, ты *jeune fille en fleur* [\[47\]](#).

Чистая правда — прохладный, сырой северный климат и шведская кухня сотворили чудеса с ее кожей. Ее особенная красота, черные волосы и темно-синие глаза, требовали исключительного цвета лица. И сейчас Диана расцвела, как никогда ранее.

Они доехали до ворот в поле, и она развернула фаэтон со своим обычным мастерством, правя в обратную сторону по проселку с захватывающей дух скоростью. В отдельных местах от колес до края дороги не оставалось и шести дюймов, а подседельная лошадь периодически взбрыкивала и дурила, требуя твердой руки и полного внимания, поэтому поддерживать разговор не получалось. Они снова проехали через ольшаник, на дорогу пошире. «На Стадхаген», — объяснила Диана. Доехали до открытых железных ворот, в которые лошади завернули сами.

Заросшая дорога делала несколько поворотов среди деревьев, а потом раздваивалась — один путь вел через парк к большому дому, довольно богатому, но безжизненному, почти все окна закрыты.

— Поместье графини Тессин, — объяснила Диана. — Бабушки Ягелло. А живу я там, — она указала кнутом на дальний конец парка, где Стивен увидел дом с башней, поменьше и гораздо старше. Скорее всего, дом для вдовы, но Стивен промолчал.

Фаэтон остановился. Грум соскочил и повел его.

— А этот человек что, финн? — поинтересовался Стивен.

— О нет, — улыбнулась Диана. — Лапландец Ягелло, ему где-то с десяток принадлежит.

— Они что, рабы?

— Нет, вряд ли. Крепостные, по-моему. Стивен, заходи же.

Открылась дверь. Высокая, согбенная пожилая служанка сделала реверанс и улыбнулась. Диана что-то прокричала по-шведски ей в ухо и провела Стивена в холл.

Она открыла одну дверь, захлопнула ее со словами «Слишком убогая» и открыла другую. Та вела в приятную квадратную комнатку с пианино, книжными полками, большой керамической печью, парой кресел и кушеткой. За окном росла липа. Диана заняла одно из кресел и попросила:

— Сядь, где я могу тебя видеть, Стивен, на кушетку. Она нежно посмотрела на Мэтьюрина и продолжила: — Господи, как же я тебя давно не видела, о многом нужно поговорить, а я не знаю, с чего начать. — Последовала пауза. — А, скажу кое-что насчет Ягелло. Не то чтобы я обязана тебе что-то объяснять, Мэтьюрин, знаешь ли, но он сейчас приедет, и я не хочу, чтобы ты думал, будто обязан перерезать ему глотку.

Бедный ягненок, это окажется слишком жестоким! Когда я ему сказала, что буду рада его защите во время пребывания в Швеции, я имела в виду именно это. Защиту от оскорблений, преследований или плохого обращения. Ничего больше, и об этом я сообщила ясно. Конечно же, я объяснила, что сама оплачу путешествие. Мне нужна была просто защита, а не сожитель. Он не поверил — даже когда выражал все возможное уважение, заверял в братских чувствах и так далее, то подмигивал, боюсь, как все мужчины.

Долгое время мне не удавалось его убедить в том, что я имею в виду именно то, что сказала. Но в конце концов ему пришлось отступить. Я объяснила, что усилия тщетны, я поклялась, что больше никогда в жизни не дам ни одному мужчине причинить мне боль. Не смотри так сокрушенно, Стивен, все давно уже кончилось, я тебе искренне говорю. Молю Господа, чтобы мы не оказались простаками и нам бы это помешало восторгаться друг другом. Но, как я уже сказала, Ягелло пришлось мне поверить. Мы снова друзья, хотя он пытается помешать мне летать на воздушных шарах.

Ему предстоит женитьба на приторно милой девушке, влюбленной до безумия. Не очень умной, зато из хорошей семьи и отличное приданое. Я помогла устроить помолвку, и его бабушка очень мной довольна — когда вспоминает об этом, далеко не всегда.

— Очень рад услышать это, дорогая моя Вильерс... — начал было Стивен, но его прервал приход служанки.

Диана была вынуждена кричать ей так громко, как была способна, и, заметно охрипнув, объяснила:

— Ульрика говорит, что дома есть только яйца и копченый лосось. Я

как раз собиралась за покупками, когда мы встретились. Она спрашивает, не желает ли господин вяленой лапландской оленины.

Ульрика внимательно следила за лицом Стивена. Увидев на нем выражение удовлетворенного согласия, она ушла, хихикая.

— Так, с Гедимином Ягелло мы разобрались. — продолжила Диана. — Кстати, когда они приедут, говорить придется по-французски, ее английский еще хуже. Давай начнем сначала — откуда ты прибыл?

— Из Англии, на «Сюрпризе», с Джеком Обри.

— Он в Стокгольме?

— Он отправился в Ригу, но вернется через день-два. Он шлет тебе свою любовь, их любовь. Так он и сказал: «Передай нашу любовь кухне Диане».

— Дорогой наш Джек. Господи, как же нас с Ягелло взбесил этот чудовищный суд. Он постоянно в представительстве, у него есть вся английская пресса. Джек перенес суд очень тяжело?

— Чудовищно тяжело. В предпоследнем плавании, по пути к Азорским островам, ты бы его не узнала: холодный, не улыбочивый. Никакого личного контакта с новыми офицерами и матросами, очень мало со старыми. Он на них нагнал страх Господень. Как я заметил, на корабле играть роль долго не получится — экипаж быстро заметит фальшь. Но настоящие чувства они узнают, и в данном случае Джек их ужасал.

— Но именно там он захватил огромные трофеи. Разве это не улучшило его настроения?

— Он успокоился за Софию и детей — дела в Эшгроу, кажется, обстояли печально. Но призовые деньги, даже в таком количестве, суть дела не поменяли. А вот Сен-Мартен поменял.

— О да, да! Как мы радовались! Капитан Фэншо в представительстве сказал, что это самая удачная подобная операция за всю войну. Его же должны теперь восстановить?

— Думаю, могут. Тем более, что его кузен Нортон отдал ему место от Милпорта, карманного округа на западе.

— Теперь-то уж точно, с такой небольшой разницей голосов в парламенте. Как же я рада за них обоих. Я обожаю Софи! Стивен, прости меня, но нужно присмотреть за олениной. У лапландца бывают трудности с Ульрикой. Он, видишь ли, не из этого дома — Ягелло мне его просто одолжил вместе с фаэтоном и лошадьми, чтобы возить бабушку в церковь и иногда в город. А со мной он ладит.

Оставшись один, Стивен стал размышлять. Одно время он считал, что Диана, наверное, летает на воздушном шаре просто для удовольствия, но

сейчас казалось более вероятным, что изначальная его и Блейна мысль оказалась верной. Жила она пусть и не в мучительной бедности, но уж точно небогато. Его мысли мчались вперед, пытаясь обуздать невероятную спешку и возбуждение духа, чтобы он мог выработать убедительный, связный способ изъясниться. Он вынул из кармана аптекарский флакон и ломал восковую печать на пробке, когда Диана вернулась с его свертком:

— Стивен, ты это оставил в экипаже. Пишан отнес его в кухню.

— Спасибо, — воскликнул он, пряча бутылку обратно. — Это листья коки, я их купил в Стокгольме.

— А для чего они нужны?

— Они снимают усталость, и, при правильном применении, чувствуешь себя умнее и даже остроумнее. Я тебе их посылал из Южной Америки.

— К несчастью, они не дошли. Мне хотелось бы почувствовать себя умнее и даже остроумнее.

— Мне очень жаль. Дела не идут как надо. Скажи, ты получила письмо, которое я отправил из Гибралтара перед южноамериканским плаванием? Я его передал с Эндрю Рэем, который ехал домой посуху.

— Господь свидетель, ты же не доверился этому чертову ничтожеству Рэю? Я его видала пару раз, когда он вернулся. Сказал, что видел тебя на Мальте. Вы вместе слушали музыку. Кажется, ты наслаждался водолазным колоколом и другими удовольствиями Валетты. Но ни о каком письме или сообщении он не сказал. Надеюсь, в нем не было ничего секретного.

— Ничего, что мог бы понять незнакомец, — заверил Стивен, вставая — пожилая дама открыла дверь.

Это оказалась графиня Тессин. Диана представила их друг другу на французском, добавив, что Стивен — друг Гедимины. Она его представила как месье Мэтьюрина-и-Доманова — совершенно правильно, но лицемерно. Можно было не волноваться — старая дама слегка смутилась и, узнав, что Ягелло не ждут до обеда, ушла, хотя ее и просили остаться.

— Позвольте предложить вам руку, мэм? — спросил Стивен.

— Вы очень добры, сэр, очень любезны, но меня ждет Аксель. Он привык к моей походке.

— Если я когда-нибудь постарею, — призналась Диана за обедом, — то надеюсь, что смогу держать в уме изменения ценности денег.

— Немногим это дано.

— Нет, и графиня Тессин не из их числа. Изменения пугают ее до... не хочу сказать до скупости, она все-таки очень добрая. Но говорит, что вынуждена считать каждый пенни и уволила почти всех слуг. С меня берет

чудовищно высокую арендную плату, а почти весь парк сдала под пастбище. Мне остался лишь маленький паршивый выгул. Я так надеялась разводить арабских лошадей, но здесь нет места. Стивен, почему ты не ешь? Есть у меня пара, прекрасную маленькую кобылку я тебе обязательно покажу после обеда, но будь у меня такой отличный луг, как у Джека Обри, я бы завела дюжину.

«Боюсь, мое волнение ее затронуло, — подумал Стивен. — Совершенно не в ее духе». Он заставил себя есть со всей видимостью аппетита, на которую его хватало, и слушал ее замечания об уроках английского. Мало места для предприятий подобного рода — очень много шведов и без того говорят по-английски. А еще об этом хозяине цирка, который немало платит за подъем на воздушном шаре.

— Он хочет, чтобы в следующий раз я надела блески, — пожаловалась Диана.

Стивен редко, когда столь слабо контролировал эмоции и не мог вести вежливую беседу. Чувства давили все сильнее, и он благословил неловкое движение, которым Диана свалила на пол графин.

— Вина больше нет. — улыбнулась она. — Но по крайней мере, могу сварить тебе приличный кофе. Это все, что я умею по части домашнего хозяйства.

Кофе и правда оказался отличным. Пили они его на террасе с южной стороны дома. Арабская кобыла пришла посмотреть на них, приближаясь вежливыми робкими шажками, пока не удостоверилась в радушном приеме. Она встала, свесив голову через плечо Дианы и заглядывая ей в лицо огромными блестящими глазами.

— Она за мной следует, как собака. Когда может зайти в дом, то поднимается и спускается по лестнице. Единственная из всех известных мне лошадей, которую я рискнула бы взять с собой в корзину воздушного шара.

— Сомневаюсь, что когда-нибудь видел столь красивое и благосклонное создание, — признал Стивен. Красота лошади дополняла красоту Дианы, наполняя его сердце беспокойной радостью.

В стойлах они увидели еще одного коня.

— Всего лишь мерин, — заметила Диана.

Тщательно осмотрев конюшню, они пошли обратно в дом. Напряжение спало, и завязалась непринуждённая беседа: о кузенах Дианы, детях Софии, восстановлении «Грейпс», о благосостоянии миссис Броуд. В холле Стивен сказал:

— Дорогая, позволь тебя оставить? И можно я возьму бокал? Мне

необходимо принять лекарство.

Присев, он отточенным движением большого пальца над горлышком бутылки отмерил дозу лауданума, подходящую случаю. Первый глоток крайне его поразил.

— Иисус, Мария и Иосиф! — сказал он. — Тролль, должно быть, использовал аквавит [\[48\]](#).

Однако вскоре он привык к новому вкусу, чью необычность списал на использование в настойке другого дистиллята. Выпив, он снял бриджи и не без боли содрал пластырь, которым прилепил к телу голубой бриллиант. Он протёр тёплый камень, с вновь возникшим восхищением посмотрел на него и положил в карман жилета.

Уже спускаясь по лестнице, он почувствовал, что опиум начал действовать, и вошел в квадратную комнатку достаточно сосредоточенным, решив поставить свое счастье на один бросок.

Диана оглянулась с улыбкой.

— Нужно настроить пианино, — сказала она, стоя рядом с инструментом и наигрывая правой рукой короткие трели. — Ты не помнишь ту часть из Гуммеля, которую так усердно разучивала Софи много-много лет назад? Я вдруг вспомнила ее, но тут есть одна фальшивая нота, и она все портит.

— Иуда среди нот, — отозвался Стивен.

Его руки блуждали по клавишам, играя отрывки из Гуммеля и их вариации, импровизируя, а затем он заиграл арию прощения графини Альмавивы. Он не решался спеть ее, его голос звучал бы нелепо или фальшиво, а может, одновременно и так, и так, но, закрывая крышку пианино, произнес:

— Диана, я пришел за прощением.

— Но дорогой, ты прощен. И уже давно. Я очень люблю тебя. Клянусь, в моем сердце нет ни злобы, ни обиды, ни враждебности.

— Я не совсем это имел ввиду, милая.

— О, по поводу всего остального, Стивен, наш брак с самого начала был нелепым. Мне никогда не стать твоей женой. Я нежно люблю тебя, но мы лишь раним друг друга, совершенно ужасная пара, оба, как кошки, сами по себе.

— Я прошу только позволения быть с тобой рядом. Я получил много призовых денег, унаследовал еще больше. Я лишь говорю, что ты могла бы получить место для своих арабских лошадей, стать хозяйкой половины Керрага в Килдэре, огромной территории английских пастбищ.

— Стивен, ты же знаешь, что я ответила Ягелло: я не буду зависеть ни

от какого мужчины. Но если я и стану чьей-либо женой, так только твоей и ничьей больше. Я молю тебя принять этот ответ.

— Я не стану торопить тебя, дорогая, — сказал Стивен. Он стоял у окна, глядя на прекрасную зелень лип. Через несколько мгновений он повернулся со слегка искусственной улыбкой и произнес: — Можно я расскажу тебе необычайно яркий сон, которой приснился мне этим утром, Вильерс? Он о воздушных шарах.

— О шарах, наполненных газом или горячим воздухом?

— Полагаю, газом, я бы запомнил пламя. В любом случае, я находился в корзине и плыл выше облаков, широкого пласта белых облаков, волнистых и невероятно выпуклых, но объединенных в единое целое подо мной. А сверху нависало удивительно чистое и очень темное голубое небо.

— Ох, да, да! — воскликнула Диана.

— Все эти мысли у меня от человека, который был наверху, сам-то я никогда не покидал земли. Но вот чего я не почерпнул из его рассказов, так это исключительной интенсификации жизни, осязаемой глубины вселенской тишины, и абсолютного осознания света и цвета этого другого мира — непохожестя, которая становилась сильнее из-за того, что через редкие просветы в облаках был виден наш мир, с его серебряными реками, протянувшимися очень-очень далеко вниз, и четкими линиями дорог.

Но со временем вместо них пришли камень и лед, лежащие даже еще ниже. И к моему восторгу примешалось необъяснимое чувство страха, такое огромное, как само небо. Это был не просто ужас от мысли о моем уничтожении, хуже. Скорее страх быть полностью потерянным, телом и душой.

— И чем все закончилось?

— Ничем. Джек проревел, что шлюпка у борта.

— У Ягелло вошло в привычку рассказывать мне печальные истории о людях, которых уносило все выше и выше, все дальше и дальше. Они погибали от голода и холода, их больше никто никогда не видел. Но я летаю только на газовом воздушном шаре со специальным клапаном — можно выпустить воздух и опуститься вниз. Еще у нас есть якорь на длинной веревке. Со мной всегда Густав — очень опытный и сильный, и мы далеко не улетаем.

— Дорогая Вильерс, я не пытаюсь, упаси Боже, напугать тебя или отговорить. Все это мой сон, не лекция или притча. Я глубоко впечатлен, особенно глубиной чувства цвета — оболочка была ярко-красной — и поделился им с тобой в основном по этой причине, хотя Господь свидетель — мое описание прискорбно плоское, оно вовсе не затронуло сути. А

частично, чтобы установить связь между тем, о чем мы говорили, и тем, о чем я собираюсь рассказать сейчас. Связь через символ полной независимости двух диалогов. Ты помнишь Д'Англара из Парижа, друга Ля Мота?

— Помню. — И отчужденное, несколько недоверчивое выражение лица сменилось любопытствующим.

— Он пообещал вернуть тебе огромный бриллиант, «Синего Питера», отправить нам вслед. Он сдержал слово, и сразу после суда над Джеком посланец привез его. Держи.

Стивен никогда не видел, чтобы Диана до такой степени теряла хладнокровие. Пока он передавал камень, обнаженный в лучах солнца, по ее лицу пробежали сомнение, изумление, радость и даже что-то вроде страха. Последний, однако, полностью смыли хлынувшие слезы.

Стивен отошел к окну и стоял там, пока не услышал сморкание и чихание. Диана сидела с бриллиантом в сложенных чашей руках. Ее зрачки расширились, и синие глаза казались черными.

— Не думала, что снова его увижу, — призналась она дрожащим голосом. — Как же я его любила, ох как греховно я его любила. И сейчас греховно люблю, — продолжила она, крутя камень под лучами света. — Выразить не могу, как я благодарна. А я так отвратительно обошлась с тобой, Стивен. Прости меня.

Снаружи кто-то позвал Диану. Она воскликнула: «Господи, это же Ягелло» и быстро осмотрелась — пути для побега не нашлось. Секундой спустя дверь открылась. Но вначале вошла маленькая арабская кобылка, а лишь чуть погодя — Ягелло.

Хотя Стивен и стоял спиной к яркому свету, Ягелло сразу же узнал его. За секунду выражение радостного удивления сменилось предельной замкнутостью, но потенциальный противник шагнул вперед, аккуратно взял его за руку, поблагодарил за доброту к Диане и поздравил с предстоящей женитьбой и с повышением — прекрасный лиловый мундир Ягелло украшали знаки отличия полковника, он носил золотые шпоры.

Диана отличалась сильным чувством общественного долга, так что уведя лошадь и приведя как смогла в порядок лицо (которое вполне можно было назвать «зареванным» — она не из тех женщин, которые плачут без следа), сделала все, что могла, дабы развлечь гостей.

Но Ловиса, невеста Ягелло, оказалась чрезмерно юной. Она боялась Дианы, которую Ягелло считал образцом совершенства. Так что ее молодость, уважение и неподдельная природная тупость в сочетании с незнанием французского и подозрением, что атмосфера в доме

напряженная, сделали ее тяжелой обузой.

С Ягелло в этом отношении было бы чуть проще. Но он сумел понять, что обычная его веселая болтовня сейчас неуместна, а альтернативы придумать не смог, так его ошеломила ситуация. Светские навыки Стивена не сделали бы ему чести ни в чьем обществе, так что он ограничился несколькими вежливыми словами в адрес Ловисы (и впрямь до абсурда милой), а затем, слушая, как Диана рассказывает Ягелло последние новости о Джеке Обри, тоже погрузился в молчание.

Некоторое время он чувствовал себя очень странно, приписывая это накалу чувств. Каких именно, помимо очевидного одиночества провала, он еще не понял. Напрашивалась аналогия с ранами в бою — знаешь, что ранили, и примерно представляешь куда. Но не поймешь, ранен ли ты клинком, острием, пулей или осколком, и не узнаешь насколько тяжело до тех пор, пока не найдешь время осмотреть ранения. Все же Стивен жаждал, чтобы эти люди убралась. Так он сможет принять еще одну дозу, чтобы успокоить сердце и вернуться в Стокгольм хотя бы внешне спокойным.

Наконец-то Диане пришло в голову рассказать Ягелло, что его бабушка заходила перед обедом и предложить, чтобы он отправился в большой дом, пока она снова не появилась. Графиня Тессин, разумеется, видела, как они проезжают мимо, а пройти туда и обратно два раза — слишком тяжело для нее.

Ягелло с благодарностью согласился. Он имел те же намерения с первых минут, но не мог придумать пристойного повода, чтобы уйти. Но после первых прощаний, стоя в открытых дверях, Ловиса начала рассказывать Диане о свадебном платье. Она все болтала и болтала, в основном на шведском, а Стивен все сдавал и сдавал назад, пока с финальным кивком не скрылся наверху.

Его снова ошеломила сила настойки, и на этот раз ему пришла в голову мысль, что разница заключается в опиуме, а не в растворителе. «Но все же, — размышлял он, спускаясь вниз, — ни разу не слышал об имеющей значение разнице между фармакопеями разных стран в этом вопросе. С учетом разницы в несколько скрупулов на унцию, настойка получается одинаковой в любой уважаемой аптеке, будь то в Париже, Дублине, Бостоне или Барселоне».

— Господи, Мэтьюрин, — призналась Диана, — я думала, они никогда не уйдут. Эта глупая милая гусыня все еще разглагольствовала о вышивке на платье, когда показалась графиня Тессин. Тогда я толкнула Ягелло, и он увел свою невесту.

— О нем можно сказать много хорошего.

— Да, и на этот раз он ни слова не сказал против воздушных шаров, хотя отлично знает, что я планирую полет на субботу.

— В эту субботу?

— Да, шар уже начали наполнять

— А могу я отправиться с тобой?

— Конечно же, можешь. На этот раз красный шар, в корзине полно места. Хочешь взглянуть?

Стивен не ответил, пока она не повторила вопроса. Он взглянул на Диану несколько ошеломленно и признался:

— Великолепно. Ты держишь его здесь?

— О нет, конечно нет. Он огромный. Но наполняют его в литейне — используют железные опилки и серную кислоту, чтобы получать негорючий воздух, как ты понимаешь, и его можно увидеть с башни. Стивен, ты себя хорошо чувствуешь?

— Признаюсь, моя дорогая, немного странно. Но подняли меня до зари. Я вполне способен забраться на вершину башни.

— Поднимемся аккуратно. На буфете за тобой лежит подзорная труба.

Она провела его сводчатым коридором позади зала к темной башне, гораздо более старой, нежели дом.

— Будь очень осторожным, Стивен, — предупредила она, поднимаясь по спиральной лестнице. — Держись стены, на полпути пропадают перила.

Двигаясь по спирали в густой тени, они добрались до крохотной дверцы наверху и выбрались на яркий свет. Поднялись они удивительно высоко, и под ними раскинулся весь остров.

— Сюда, — показала Диана, отведя его к восточному парапету. Там виднелся старый Стокгольм - где-то в часе ходьбы, а с одной его стороны сгрудились высокие трубы фабрик.

Диана несла «Синего Питера», теперь она завернула камень в платок, положила в карман и навела подзорную трубу на трубы.

— Вот. Видишь ту, которая сильно дымит? Влево от нее, во дворе, виднеется верхняя часть круглой красной штуки. Это мой воздушный шар!

— Благослови его Господь! — ответил Стивен, возвращая трубу.

— Кажется, нам надо спуститься и выпить чаю, — побеспокоилась Диана, изучив его лицо. — Выглядишь ты, как белая оберточная бумага. Иди первым, я за тобой. Я-то знаю, где задвижка на двери.

Стивен открыл дверь, сказал что-то неразборчиво насчет субботы и нырнул головой вперед в пустоту.

Похоже, что несмотря на смутные задержки и неприятности, полет скорее отложили, чем отменили. По крайней мере, если из него сделали представление, то весьма скромное — он не помнил ни толпы, ни шума.

Какие-то беспорядочные воспоминания о падении, ранах и возбуждении заслоняли недавнее прошлое. Но сейчас они поднялись над облаками — довольно близкая аналогия его временно затуманенного сознания, и оказались в чистом воздухе на высоте, со странно знакомым темно-синим небом над головой и со всех сторон, пока Стивен не выглядывал за край корзины вниз, разглядывая фантастические завихрения медленно меняющейся карты облачно мира. Гораздо чище и интенсивнее, чем в его сне, который он прекрасно помнил.

И хотя во сне краски казались яркими, но не до столь чудесной степени. Плетение корзины играло бесконечными и очень красивыми оттенками — от темно-коричневого до светло-соломенного. А канаты, спускающиеся от удерживающей оболочку сети, отличались особой тонкостью цветов.

Будто бы Стивен впервые видел тросы или будто к нему вернулось зрение после многих лет слепоты. Когда он взглянул на Диану, то от совершенства ее щек перехватило дыхание. Она сидела в корзине шара в зеленом платье для верховой езды, со сложенными на коленях руках. Смотрела она на свой бриллиант, прикрыв глаза — их прятали длинные ресницы.

Оба молчали, их окружал целый мир тишины, но Стивен понимал: они достигли полной гармонии друг с другом, никакие слова не сблизят их еще больше. Он задумался о высоте, ее эффектах. Насколько это обостренное чувство жизни зависело от подъема на высоту? Он вспомнил свой затяжной подъем по склону Маладетты на высочайшую точку, которой он достигал на суше.

Поездка на муле в предрассветной темноте из Бенаске — все выше и выше, чтобы до полудня подняться до высочайших пастбищ, с горными потоками столь плотными, будто из бочки, льющимися из-под голых скал по пути. Привал в хижине, а потом пешком, вверх через обширные заросли низкорослых рододендронов, пока они не уступили место горечавкам, без числа растущим на коротком дерне. Вверх, к каменистому краю ледника, где множество примул росли во всем своем великолепии, так аккуратно,

будто поработали все королевские садовники. Все это, вместе со стадом спасающихся от него серн внизу и парой кружащихся орлов сверху, отчетливо виднелось в пронзительном тонком воздухе.

Но далеко не с той же ясностью. Имелось и другое отличие. В тот долгий день он отчетливо чувствовал время, хотя бы потому, что нужно было спуститься вниз до наступления ночи. Сейчас же время исчезло. Если можно так сказать, последовательность сохранилась — жест или мысль следовали за своими предшественниками, но продолжительность исчезла.

Они с Дианой могли лететь часы или даже дни. Опять-таки, пусть Маладетта и была физически опасной, но там не ощущалось столь неотвратимой угрозы, как в этой безграничности.

Диана почти наверняка задремала, и он промолчал. Ни слова он не сказал и о высокой дымке, которая заволокла небо, образовав вокруг Солнца двойное гало и нарисовав два интересных призматических ложных солнца. Стивен на самом деле тоже чувствовал себя сонным и закрыл глаза.

В самом начале сна он еще мог признаться: «Я сплю». Но восприятие сна исчезло практически сразу, и его наполнила такая тревога, словно бы он и намек не имел на то, что происходящее — всего лишь капризы спящего разума. Сейчас ему стало ясно, что они направились с благоприятным ветром к Шпицбергену. Там они наверняка наткнутся на китобоев, скапливающихся в этих водах в это время года. Можно будет увидеть чудеса Арктики, так хорошо описанные Малгрейвом ^[49], и северный ледовый барьер, преградивший ему путь к полюсу.

Но во всем этом имелось какое-то противоречие. Хотя как-то раз внизу они заметили каменистый ландшафт, но не сделали попытки спуститься. Теперь же взору открывался лишь бесконечный серый океан от одного края горизонта до другого.

Сон внутри сна развеялся в незнакомой комнате. Диана тоже оказалась здесь — но одетая не для верховой езды, а в простое серое платье. А еще присутствовали Ягелло и двое мужчин в черных сюртуках и коротких париках — очевидно, врачи; один дурак, а другой чрезвычайно умный. С Дианой они говорили по-шведски, а Ягелло обычно переводил — ее знаний языка едва хватало для ведения домашнего хозяйства. Между собой они обсуждали пациента на латыни.

Вскоре присоединился третий врач. К нему относились с подчеркнутым уважением — он носил орденскую звезду. Этот порекомендовал медицинские банки. Нога, по его словам, особых проблем не представляет. Подобных переломов он видел множество, их всегда

излечивает басринский метод [\[50\]](#) Андерсена, по крайней мере, пока пациент достаточно здоров. Здесь, разумеется, мы имеем дело с порочной привычкой, определенной степенью недоедания и тем, что он без колебаний назовет ранней стадией депрессии. Но всё же стоит отметить, что тело пациента, пусть и худощавое, крепко сложено, и какие-то остатки юности еще заметить можно.

Стивен наблюдал за ними некоторое время, пока они прошли сквозь мрачные ужимки врачебной консультации. Часть мрачности направлена на публику, часть — на коллег. Но с подобными собраниями он был слишком хорошо знаком, чтобы они вызывали интерес, и поэтому переключился на окружение, на Диану и на Ягелло.

Интуиция, столь присущая снам, подсказала ему — это комната Дианы, ее собственная кровать, а она сама дни и ночи проводила на кушетке рядом, заботясь о Стивене с величайшей чуткостью. Также он знал, что Ягелло пригласил королевского врача, того самого - с орденской звездой. Сейчас он сообщал, что, когда пациент сможет есть твердую пищу, ему нельзя позволять ни говядины, ни баранины, и тем более никакой свинины, а только рябчика, отваренного с небольшим количеством ячменя.

«Рябчик, — подумал Стивен. — В жизни не видел рябчика. Но если совету этого доброго человека последуют, то вскоре я включу в состав себя одного из них. Я частично стану рябчиком со всеми добродетелями, какими рябчик может обладать». Он размышлял о Финне Маккуле и его лососе [\[51\]](#), а тем временем в сумраке зажгли лампы. Он все еще размышлял, когда их погасили — все, кроме одной, приглушенной. Теперь свет в основном исходил из камина справа — живое, дрожащее свечение на потолке. Без сомнения, имели место тихие прощания, а кто-то наверняка предписывал лечение, но сейчас одна лишь Диана сидела на кушетке рядом с кроватью. Она положила руку на тыльную сторону его ладони и прошептала: «Ох Стивен, Стивен, как бы я хотела, чтобы ты меня услышал, дорогой».

Но теперь снова откуда-то возник проклятый воздушный шар. Теперь чувство продолжительности вернулось — он с пугающей уверенностью знал, что поднимались они уже часы, и подъем ускорился. И пока они взлетали в абсолютную чистоту неба, его неизбежная угроза, едва заметная вначале, наполнила Стивена запредельным ужасом, неизведанным ранее. Диана снова была в зеленом, и в какой-то момент подняла воротник — красная подкладка пугающе контрастировала с крайней бледностью лица,

истощенной белизной носа и морозной голубизной губ. Лицо не выражало эмоций — будто бы она в полном одиночестве — и как прежде она склонила голову вниз над коленями, где в чуть менее сжатых руках держала бриллиант, похожий на это сверкающее серебром небо.

Она все еще дышала, но едва-едва, пока они поднимались все выше, в еще более разряженный воздух. Едва дышала — еле заметное движение. Потом и оно прекратилось, чувства покидали ее, голова поникла, бриллиант выпал из рук. Стивен вскочил с криком «Нет, нет, нет!», со всей страстью отрицая случившееся.

«Тише, Стивен», — успокоила она его, уложив поудобнее на кровати. «Тише», — будто с лошастью разговаривала. А потом, будто бы с человеком: «Ты должен беречь ногу, дорогой».

Он положился на тепло, вернувшись сквозь несколько реальностей к этой, хотя и без особой уверенности в ее существовании. Правда, уверенность и выросла за ночь, пока он наблюдал за отблесками пламени и слушал бой часов. Иногда Диана двигалась, подкладывая дрова или оказывая помощь в его жалких нуждах. Это она проделывала с эффективностью и заботой, которая Стивена глубоко растрогала. В такие недолгие моменты говорил он разумно и внятно.

Друг друга они знали долгие годы, но их отношения никогда не требовали заботливости со стороны Дианы. Стивен бы сказал, что это не присуще ее характеру: храбрость, сила духа и упорство — безусловно, но к заботливости приближались разве что щедрость и добрый нрав. Он ослаб, жестоко пострадав от физического и духовного падения и не съев с тех пор ни крошки. Слабый и жалостливый к самому себе. Раздумывая над этим новым состоянием, он тихо плакал в темноте.

Утром Стивен услышал движение и спросил:

— Диана, радость моя, ты не спишь?

Она подошла к постели, заглянула ему в лицо и поцеловала.

— Ты снова в здравом рассудке, мой любимый, слава Богу. Я так боялась, что ты снова провалишься в свои кошмары о воздушном шаре.

— Я много говорил?

— О да, мой бедный ягненок. Тебе ничем нельзя было помочь, это очень пугало. И так длилось долго.

— Часы?

— Дни, Стивен.

Он сопоставил это с жестокими приступами боли в ноге.

— Послушай, в этом доме найдется кофе? И, может быть, кусок хлеба? И скажи, выжила ли бутылка в моем кармане?

— Нет. Она разбилась. И почти убила тебя — оставила пугающую рану у тебя в боку.

Когда Диана вышла, Стивен посмотрел на ногу, загипсованную по басринскому методу, и заглянул под повязку вокруг живота. Осколки стекла, должно быть, вонзились очень близко к брюшной полости. «Будь я слабее, то принял бы это за знамение, чудовищное предупреждение», — пробормотал он.

Супруги покончили с завтраком и дружелюбно болтали, когда прибыл доктор Мерсенниус, умнейший из врачей. Он поинтересовался самочувствием пациента и перевязал рану. Стивен упомянул боль в ноге.

— Надеюсь, вы не попросите меня прописать вам лауданум, коллега, — ответил Мерсенниус, глядя Стивену в глаза. — Мне известны случаи, когда несколько миним ^[52], принятых после массивной дозы, случайно или нет, вызывали сильное и продолжительное психическое расстройство, близкое к испытанному вами, но более устойчивое, ведущее иногда к помешательству и смерти.

— У вас есть причины предполагать, что я принимал лауданум?

— Ваши зрачки, конечно же, и аптекарская этикетка на разбитой бутылке. Мудрый врач не будет вносить ни капли лауданума в и без того перегруженный организм, как и канонир не будет брать с собой открытый огонь в пороховой погреб.

— Многие медики используют эту настойку против боли и расстройства чувств.

— Конечно. Но в данном случае я убежден, что благоразумнее перетерпеть боль, а с возбуждением справиться умеренной дозой морозника.

Стивен хотел было поздравить Мерсенниуса с его примечательной силой духа, но не стал, и расстались они вежливо. В пределах известных ему сведений Мерсенниус был прав: он, очевидно, считал, что пациент страдает зависимостью от лауданума, и у него не имелось возможности узнать (в отличие от Стивена), что частое и действительно привычное использование было не в полной мере зависимостью, а лишь ее полезной стороной.

Границу провести сложно, и он не винил Мерсенниуса за ошибку. Тем более, что тело его испытывало более чем явную тягу к опиуму — признак человека, зашедшего слишком далеко. Но все же с текущим нестабильным эмоциональным состоянием надо справиться. Боль перенести можно, но он сам себе никогда не простит, если заплачет при Диане или покажет слабость.

Диана вернулась.

— Он доволен тобой и состоянием твоей раны. Но предупредил, что я не должна давать тебе лауданум.

— Знаю. Он считает, что в данном случае опиум может навредить. Возможно, он прав.

— А Ягелло спрашивает, не хочешь ли ты, чтобы его слуга тебя побрил, и достаточно ли ты окреп, чтобы он нанес визит.

— Буду очень рад. Крайне благородно с его стороны. Диана, дорогая, пожалуйста, дай мне маленький узелок, который я принес с собой.

— Листья, которые дают почувствовать себя всезнающим и остроумным? Стивен, а ты точно уверен, что они тебе не навредят?

— Ни за что в жизни, душа моя. Перуанцы и их соседи жуют коку день и ночь. Это так же привычно, как табак.

Когда слуга Ягелло закончил с бритьем, рот Стивена уже приятно пощипывала порция коки. Когда Ягелло нанес короткий, но исключительно сердечный визит, листья полностью лишили Стивена чувства вкуса — малая цена за успокоенный и упрочненный разум. Потеря вкуса оказалась как нельзя кстати. Стивен едва успел осмыслить несомненное влияние листьев коки на ногу, как Диана принесла бутылку лекарства от Мерсенниуса — чрезвычайно неприятной эмульсии.

Как нельзя кстати пришло и упрочнение разума, теперь твердо занявшего свое место. Три дня спустя, через три полных неустанной заботы дня, которые еще больше привязали его к ней, Диана пришла с десятью ударами часов с лекарством и ложкой, и отмерив необходимую дозу, начала нервно ходить по комнате, пока не устроилась наконец на кушетке.

— Мэтьюрин, — начала она смущенно, — куда делся мой рассудок в день нашей встречи, я не знаю. В жизни не блистала в запоминании дат в истории или порядка событий, но это уж чересчур... Я как раз бежала сейчас вниз по лестнице, как меня озарила вспышка здравого смысла: «Диана, дурочка ты чертова, это же мог быть его ответ».

Стивен, кажется, не понял с первого раза. Он задвинул шарик из листьев коки за щеку, поразмышлял мгновение и ответил:

— Письмо, которое я отдал Рэю — это ответ на одно из твоих, в котором ты выражала некоторое недовольство... желала от меня объяснения слухов о том, что я фланирую по Средиземноморью с рыжей любовницей- итальянкой.

— Так это был твой ответ. Ты все-таки ответил. Стивен, я бы в жизни не стала тебя беспокоить древней историей в такой ситуации, но

выглядишь ты хорошо, и доктор Мерсенниус полностью удовлетворен действием морозника. Я подумала, что стоит просто упомянуть, дабы не казаться ни бесчувственной, ни тупой.

— Я тебя такой и не считал никогда, душа моя. Хотя и знал, что твое чувство времени лишь немногим лучше моего. А я свой возраст без расчетов на бумаге не вспомню. Письмо действительно содержало ответ, и написать его оказалось крайне трудно.

С одной стороны, писать пришлось быстро — у нас был приказ отплывать, я хотел, чтобы ты получила письмо как можно скорей, а меня ждал отправляющийся сушей посланник. С другой — я действительно фланировал с рыжей леди по Средиземноморью, по крайней мере, в одну сторону, от Валетты в Гибралтар мимо африканского побережья. Выглядело это, конечно, так, будто она моя любовница. Но, тем не менее, она ей не была. Суть в том, но это должно остаться между нами, Диана, что она была связана с флотской разведкой. На Мальте в то время действовало несколько очень опасных французских секретных агентов, а в городе угнездились предатели. Мы сочли, что в условиях кризиса необходимо убрать ее с острова. Это спасло ей жизнь, но повредило репутации среди тех, кто не связан с разведкой. Даже Джек заблуждался, что меня поразило — я думал, он меня лучше знает.

— И Рэй. И многие другие. Слышала это отовсюду. Ох, как уязвляет гордость, когда с тобой начинают обращаться тактично. И ни слова от тебя. «Тезей», «Андромаха» и «Наяда» пришли с письмами к Софи, а мне ни слова. Я была в ярости.

— Уверен в этом. Но письмо я написал, и как уже объяснил, это оказалось тяжело. Преступная небрежность — обсуждать дела, связанные с разведкой, в письме, которое может попасть в чужие руки. А без этого сложно оправдаться. К своему изумлению я обнаружил, что мои бездоказательные заверения оказались неубедительными. Вокруг все улыбались и смотрели понимающе. Возможно, из-за ее рыжих волос. По поводу рыжих женщин за границей полно аморальных представлений. Хотя могу добавить, что ее муж-офицер, настолько далекий от определения «покладистый», насколько ты только можешь представить, не обманулся. Он знает, что рыжие волосы и верность полностью совместимы.

— Стивен, ты говоришь — она не твоя любовница?

— Да. И поклянусь в этом на святом кресте, если хочешь.

— Нет, не надо. Но почему ты говоришь, что приехал просить прощения?

— Потому что я так всё запутал, что ты подумала, будто я нуждаюсь в прощении. Потому что я причинил тебе беспокойство. Потому что я оказался слишком глуп, чтобы послать копию письма с «Тезеем». Потому что я такой дурак, что не заподозрил в Рэе предателя.

— Ох Стивен, я с тобой обошлась по-варварски, совершенно по-варварски. — После паузы она продолжила: — Но я это тебе возмещу, если смогу. Возмещу, как ты захочешь.

Оба приподняли головы при стуке колес экипажа.

— Должно быть, Мерсенниус. Надо мне его впустить. Ульрика ни за что не услышит, а лапландец дрова рубит.

Это и впрямь оказался Мерсенниус, крайне предрасположенный к Стивену как к благодарному, отзывчивому пациенту и отличному примеру эффекта морозника. Он снова подчеркнул его достоинства, и Стивен признал:

— Конечно, я сам буду его прописывать. Скажите, уважаемый коллега, не будет ли у вас возражений, если я через день-другой откажусь от вашей заботы? За мной зайдет корабль, может, он уже даже ждет в Стокгольме, и мне не хотелось бы его задерживать.

— Возражения? Нет, — сказал он, прощупывая ногу Стивена. — Не с моей басрианской повязкой, при условии, что перевезут вас экипажем и сразу переправят в койку. Я вам дам морозник в дорогу. Корабль придет из Англии?

— Нет, из Риги.

— Тогда можете расслабиться. Сегодня ветер благоприятный, но довольно долго он таковым не был. Ни один корабль из Рижского залива бы не вышел, разве что рискнув проливом Суур. У меня есть небольшая прогулочная лодка, так что за погодой я слежу очень внимательно.

— Значит, у меня хотя бы есть время собраться, — заметила Диана, а потом, гораздо более счастливым голосом, добавила: — Стивен, а что мне делать, пока ты будешь в Южной Америке?

— Оставайся с Софией, пока присматриваешь место с хорошими пастбищами для твоих арабских лошадей и дом в Лондоне. Кажется, на Халф-Мун-стрит один как раз продают.

— Ты надолго, как думаешь?

— Надеюсь, что нет. Но скажу тебе, дорогая, пока война должным образом не закончится, и Бонапарта не свергнут, я должен оставаться в море, по крайней мере большую часть времени.

— Разумеется, — согласилась выросшая в семье военного Диана. — Думаю, что до тех пор я лучше останусь с Софи, если она меня примет.

Возможно, воспользуюсь конюшнями Джека — они ведь пустые. Стивен, мы правда можем позволить купить дом в самом Лондоне? Они ужасно дорогие.

— Я тоже так считаю. Но мой крестный отец, упокой Господь его душу, оставил мне ужасную кучу денег. Забыл, сколько получается в английских фунтах, но пущенная в оборот часть уже приносит гораздо больше жалования адмирала флота. Когда настанет мир, сможем обзавестись еще и домом в Париже.

— Как хорошо! Стивен, мы правда сможем? Мне это понравится. Какое же я до обидного меркантильное существо — мое сердце колотится от счастья. Я довольно-таки сильно обрадовалась, заполучив своего мужа назад, но то, что он вернулся с ног до головы в золоте, просто приводит в восторг. Как же вульгарно!

Она вскочила на ноги и прошлась по комнате туда-сюда пружинящими шагами, после чего заметила: — Ягелло в своем экипаже. — А потом воскликнула: — Господи! Там позади него Джек Обри!

Джек вошел в комнату на цыпочках, с тревогой и дурными предчувствиями на лице. За ним следовали Мартин и Ягелло. Он отстраненно, как родственник, поцеловал Диану, и тепло, сухо, аккуратно пожал руку Стивена.

— Бедный мой старый приятель, как ты поживаешь?

— Очень хорошо. Спасибо, Джек. Как дела у корабля, раздобыли ли парусину?

— В отличной форме. Пронес нас сквозь Суурский пролив под брамселями, как скаковая лошадь, правым галсом, под лиселями сверху и снизу. Полным ходом по этому чертовски узкому проливу мимо острова Вормси — можно галету швырнуть в подветренный берег. И «Сюрприз» получил дюжину рулонов такой парусины, какую используют только на небесах.

Стивен издал скрипучий смешок, обозначавший у него удовлетворение:

— Диана, позволь мне представить моего хорошего друга, преподобного мистера Мартина, о ком ты так много слышала. Мистер Мартин, моя жена.

Диана протянула ему руку с приветственной улыбкой и призналась:

— Думаю, сэр, вы единственный джентльмен среди наших друзей, которого покусала ночная обезьяна.

Некоторое время они обсуждали ночных обезьян, капибар и бородатых игрунок. Ульрика и лапландец подали кофе. Во время паузы

Стивен спросил:

— Джек, ты пришвартовался у того изящного причала в старом городе?

— Да, носом и кормой к причальным тумбам. И уже развернулся для выхода.

— Удобно ли, если мы сегодня поднимемся на борт?

— Больше всего на свете хотел бы этого. Не доверяю я этому ветру, вряд ли он продержится еще двадцать четыре часа.

— Разве вы можете путешествовать со сломанной ногой? — озаботился Ягелло.

— Мерсенниус говорит, что вполне могу, если на корабль меня доставят в экипаже. Ягелло, не будете ли так добры?

— Разумеется, разумеется. Мы вас спустим вниз на снятой с петель двери и погрузим внутрь, а мистер Мартин вас будет держать. Буду править очень мягкой рысью, а от моего полка выделим полковничий эскорт.

— Диана, дорогая, тебя это устроит? Или тебе нужны еще день-два собраться?

— Дай мне пару часов, — ответила Диана с сияющим взглядом, — и я в твоём распоряжении. Джентльмены, не торопитесь, прошу вас, допейте кофе. Пошлю сюда Пишана с сэндвичами.

Но джентльмены все-таки поторопились, по крайней мере, Обри и Ягелло ушли посмотреть, подойдет ли дверь, которую Ягелло вроде бы видел в бабушкином сарае, и не поможет ли какая-нибудь из ее оставшихся служанок в сборе багажа.

— Я точно слышу Бондена внизу, — заметил Стивен, когда остался вдвоем с Мартином. — Падин здесь?

— Сказать по правде, нет. К несчастью, сегодня утром у нас случились разногласия, и капитан Пуллинкс его заковал в кандалы. Ненавижу доносить, но без малейшего намерения поймать его, я застал Падина, откачивающего лауданум из одной из больших бутылей и доливающего в настойку бренди...

«Конечно, конечно, конечно, — пробормотал Стивен. — Каким же я оказался жутким простаком, ни разу этого не заметил». Когда Мартин закончил печальное повествование об агрессии Падина при попытке отобрать у него бутылку, он признался:

— Это полностью моя вина, что оставлял подобные вещи в пределах его досягаемости. Придется всерьез взяться за это дело — мы не можем допустить, чтобы он стал еще одним зависимым от опиума.

На некоторое время они задумались, а потом Мартин очень долго и подробно рассказывал об их делах в Риге, о манерах литовцев и их русских господ. Он завел разговор о том, что посчитал красношейными поганками далеко на широкой Двине, когда вернулась Диана. Стивена потряс невероятно жестокий удар, требовавший всех вернувшихся сил и листьев, которые он жевал, чтобы его пережить — на ней было зеленое платье для верховой езды из его снов.

— Стивен, — сообщила она с сияющими глазами, — я упаковала все, что мне сейчас нужно — пару чемоданов, остальное может отправиться за нами морем. Экипаж будет через пять минут, с дверью графини Тессин. Но с тобой я в нем не поеду. Тебя должен держать мужчина, а с ним и с дверью для меня места не останется. Так что я отправлюсь верхом. — Диана смеялась от восторга. — Захвачу твои вещи из гостиницы и поставлю в нашу каюту цветы.

— Дорогая, — попросил Стивен, — знаешь ли ты аптеку рядом с гостиницей, с уродцами в окне и чучелом броненосца?

— И низеньким аптекарем?

— То самое место. Прошу, зайди туда. Будет ли кому подержать лошадь?

— Лапландец поедет со мной.

— Купи у него все листья кожи, какие есть, пусть даже остатки со дна мешка.

— Стивен, ты мне должен дать немного денег. — А когда Мэтьюрин потянулся к своему сюртуку, она рассмеялась: — Видите, мистер Мартин, какими конскими пиявками мы, жены, становимся?

«Сюрприз» стоял, как Джек и сказал, пришвартованный носом и кормой к причалу. Палуба имела несколько пустынный вид — Том Пуллингс и казначей пытались внизу разобраться со счетами от рижских купцов, а приличное число матросов получило увольнение на берег до шести.

Единственным офицером на квартердеке оказался Вест, и так получилось, что группа матросов, чинивших носовые защитные кранцы и маты на полубаке, оказалась целиком из Шелмерстона. Вест без особого дела болтался у кормовых поручней, когда заметил исключительно привлекательную женщину, ехавшую верхом вдоль причала в сопровождении грума. Она спешила на миделе фрегата, отдала груму поводья, стремительно пронеслась по сходням и направилась вниз.

— Эй вы, — воскликнул Вест, спеша за женщиной, — это каюта доктора Мэтьюрина. Кто вы такая, мэм?

— Его жена, сэр, и прошу вас — попросите плотника повесить для меня здесь койку.

Она показала, где, а потом, изогнувшись и высунувшись из полупортика, крикнула:

— Эй, вы там. Прошу, скомандуйте матросам помочь ему подняться на борт — он лежит на двери.

Она поторопила Веста из каюты на палубу. Он и изумленные матросы увидели медленно правящую вдоль причала запряженную четверкой сине-золотую карету в сопровождении отряда кавалеристов в лиловых мундирах с серебряной отделкой, а на козлах сидит капитан Обри и какой-то шведский офицер. Их окон кареты высунулись хирург и его помощник, и все они, вместе с дамой на палубе, внезапно мелодично и в полный голос запели «Ah tutti contend saremo cosi, ah tutti contenti saremo, saremo cosi».

Яндекс Деньги

410011291967296

WebMoney

рубли – R142755149665

доллары – Z309821822002

евро – E103339877377

PayPal, VISA, MASTERCARD и др.:

https://vk.com/translators_historicalnovel?w=app5727453_-76316199

notes

Примечания

1

Фарлонг - 201 метр.

2

прерванное совокупление (лат.)

доисторическая ритуальная огороженная площадка, в континентальной Европе называется ронделой или кольцевой канавой.

Джованни Баттиста Перголези (1710-1736) – итальянский композитор.

Вице-адмирала Джона Бинга в 1757 году расстреляли по приговору военного трибунала за то, что не смог в 1756 году снять франко-испанскую блокаду Маона, при том что силы под его командованием уступали противнику. Распространено мнение о том, что Адмиралтейство расстрелом Бинга прикрыло собственную неготовность к Семилетней войне.

6

грязный, как расческа (фр.)

государственные соображения (фр.)

Роберт Бертон (1577-1640) – английский священнослужитель и писатель, автор медицинско-философско-литературного труда «Анатомия меланхолии».

с 18:00 до 20:00, она же в британском флоте «вторая собачья».

католическая секта, преимущественно французская, действовала в XVII-XVIII вв.

Карл Эдуард Стюарт (1720-1788), также известный как «Красавчик принц Чарли» или «Молодой претендент» – лидер Второго якобитского восстания 1745 года, популярный персонаж шотландского фольклора.

Дени Папен (1647-1712) – французский изобретатель и физик, среди его наиболее известных изобретений – скороварка и предохранительный клапан.

тип двухмачтового торгового судна голландской постройки.

тип голландского рыболовного судна, известного со времен Средневековья, разновидность кеча. В их честь названа Доггер-банка в Северном море.

одномачтовое судно с очень полными обводами и высокой мореходностью, строилось в Северной Европе с раннего Средневековья. В 15-19 веках массово использовались для ловли атлантической сельди.

разновидность французской выпечки с начинкой из рагу.

Джон Гауден (1605-1662) – английский богослов, епископ эксетерский и вустерский.

Джованни Баттиста Саммартини (1700-1775) – итальянский композитор и педагог.

«Доллонд и компания» – популярный британский производитель высококачественных оптических приборов, их подзорными трубами и телескопами пользовались, например, Джеймс Кук и Горацио Нельсон.

старинная английская примета: хождение под приставной лестницей – к большой неудаче.

21

непредвиденные расходы (фр.)

средства, выделяемые церковью на содержание священнослужителя, как в виде доли в церковных сборах, так и в виде права сдавать в аренду церковное имущество (в первую очередь землю).

государственный переворот (фр.)

Роберт Стюарт, виконт Каслри (1769-1822) – британский политик, с 1812 г. – министр иностранных дел.

заносчивых смирять оружием (лат.). Вергилий, «Энеида», т. 6 стих 853.

Овальная или полусферическая металлическая миска с крышкой, служит для подачи вторых блюд.

Радикальное религиозное движение времен Английской революции. В 19 веке так (ошибочно) называли одну из ветвей методистской церкви.

Одна английская кварта равняется 1,14 л.

ирландец, подражающий англичанам, англофил (ирл.)

Крупнейшая и старейшая ярмарка в Англии, устраивавшаяся в Лондоне с 1133 по 1855 в день св. Варфоломея (24 августа), центр торговли тканями и масштабных народных гуляний.

теперь надо пить (лат.) Гораций, "Оды", I, 37, 1-4.

Фехтовальный зал (фр.) Речь идет о знаменитой в Англии фехтовальной школе семьи Анджело, в которой в свое время учился король Георг III.

Сладкий пудинг на свином жире с изюмом, смородиной и ромом, праздничное блюдо в Королевском флоте.

- Эй, в лодке.
- Эй. Где сейчас «Диана»?
- Как всегда у причала, Господи. Это ты, Гийом?
- Нет, это Этьен.
- Ага. А я вот выхожу в море. У тебя там что?
- Каторжники.
- А, эти педерасты. Наслаждаешься?
- Наслаждаюсь. И тебе желаю такого же дерьма. (фр.)

Что происходит? (фр.)

Прозвище Фомы Аквинского (1225-1274), наиболее авторитетного католического религиозного философа.

Игра слов, основанная на том, что в английском языке слова "герцог" и "черешня" - омонимы. Земляничные листья - часть герба Обри.

Джеймс Гантер (1731-1819) – английский кондитер, садовод и застройщик, с 1799 года – владелец очень модной и дорогой кондитерской в Лондоне.

Генрих Бенедикт Стюарт (1725-1807), католический кардинал и последний претендент на английский престол от династии Стюартов.

Леденгольский рынок — старинный продовольственный рынок в центре Лондона.

то есть мимо эстуария реки Блэкуотер в Эссексе.

Графиня, простите! Простите, прошу вас! (ит.) «Свадьба Фигаро»,
явление 15, перевод П.И.Чайковского.

Ах! Так будем этим довольны мы все! Настал светлый час! (ит.)
«Свадьба Фигаро», явление 15, перевод П.И.Чайковского.

Особым образом выделанное чучело человеческой головы, изготавливаемое некоторыми индейскими племенами Амазонии.

Символ веры англиканской церкви, утвержденный актом Парламента в 1571 г. Перед принятием таинства священства каждый кандидат в священнослужители обязан дать письменное согласие с этим документом.

день гнева (лат.). Песнопение проприя мессы, повествующее о Судном дне, включалось в свои произведения множеством композиторов. Скорее всего Мэтьюрин играл фрагмент «Реквиема» В.-А.Моцарта.

девушка в цвету (фр.)

национальный скандинавский крепкий напиток (до 50 градусов), получаемый настаиванием картофельного спирта в бочках из-под хереса или коньяка с пряностями.

Константин Джон Фиппс, барон Малгрейв (1744-1792) – британский военно-морской офицер, полярный исследователь и ботаник. В 1773 г. предпринял неудачную экспедицию к Северному полюсу.

Гипсовая повязка. Есть мнение, что идею фиксировать поврежденную конечность с помощью такого приспособления европейским врачам подсказал американский генеральный консул в Тунисе Уильям Итон, якобы увидевший гипсовую повязку на сломавшем ногу солдате в Басре в начале 19 века.

Герой кельтских мифов Финн Маккул в молодости как-то готовил для своего учителя-друида пойманного тем волшебного лосося мудрости и случайно попробовал его, получив тем самым огромные (но не всеобъемлющие, чего хотел для себя учитель) знания.

аптечная единица измерения объема жидкостей, около 0,06 мл.